

Повелитель демонов ночи

Повелитель демонов ночи

Старинная вьетнамская проза

*Перевод с вьетнамского
М. Ткачева*

*Издательство
«Художественная литература»
Москва 1969*

.

Послесловие

Б. РИФТИНА

Комментарии

Д. ДЕОПИКА, Б. РИФТИНА, М. ТКАЧЕВА

Стихи в переводе

Ал. РЕВИЧА

Подстрочные переводы стихов

М. ТКАЧЕВА

Оформление художника

Н. КРЫЛОВА

Ли Те Сюйен,

*Смотритель Королевских
библиотеки*

*Собрание чудес и таинств
земли Вьет*

**Высокородные
и победоносные
воительницы Чынг**

Сказано в летописях: старшую сестру нарекли Чак, младшую — Ни; принадлежали они к роду Лак и были дочерьми властителя земель в Зиао-тяу, происходившего из Ме-линь, что в округе Фаунг-тяу.

Достопочтенная старшая сестра сочеталась браком с господином Тхи Шатем, выходцем из Тю-зиена. Был он известен дородством, силою и великой отвагой.

В то время владычествовали над нашей землей китайские императоры из дома Хань. Су Дин, ханьский наместник в Зиао-тяу, опасаясь доблестного Тхи Шатя, замыслил его погубить и погубил.

Гневом вспылала достопочтенная Чак и вместе с младшей сестрою тотчас подняла войска. Учинив мятеж, изгнали сестры Су Дина и захватили Зиао-тяу; тут и округá Нят-нам, Ёу-тян, да и Хоп-фо покорно примкнули к ним как один.

Более шестидесяти городов и крепостей усмирили достопочтенные сестры, после чего объявили себя Виет

Выонгами — государынями Виет, и обосновались со своим двором на земле Тю-зиен, сменив свое родовое имя Лак на Чынг.

Су Дин бежал на Север, в Наньхай. Услыхав об этом, император Гуанъу-ди пришел в ярость, изгнал Су Дина в Даньэр, а против государынь Виет отправил Ма Юаня и Лю Луна с превеликим войском. Когда ханьская рать достигла озера Ланг-бак, достопочтенные сестры заступили им путь; однако войско их было малочисленно и не смогло долго противиться врагу. Пришлось достопочтенным сестрам отступить в Запретное ущелье; войско их день ото дня редело. В конце концов сестры потерпели поражение и обе погибли.

Оплакивая сестер, люди воздвигли в их честь деп — храм поминовения. Поставили храм на земле Ан-хат. И было в том храме немало чудес и знамений.

Во времена короля Ли Ань Тонга случилось великое бездождие, и преподобный Тинь Зиой был послан государем в храм сестер Чынг вознести моление о дожде; само собою, тотчас же хлынул дождь и опустилась прохлада. Король обрадовался и прилег отдохнуть, и тут внезапно явились ему во сне две незнакомые девицы. Лики их были подобны цветам, брови — словно листья ивы. Они ехали мимо государя верхом на конях; на них были зеленые платья и широкие красные штаны. Король в изумлении спросил их, кто они и зачем сюда пожаловали, и они отвечали:

— Мы, сестры из рода Чынг, исполняя волю Повелителя неба, сотворили дождь.

Восстав ото сна, государь немедленно приказал подновить и изукрасить храм, а придворным своим велел отслужить там молебен и возложить на алтарь дары. Затем государевы посланцы перенесли святыни из того храма в храм Подательниц дождя, воздвигнутый на северной окраине столицы.

Впоследствии достойные сестры снова явились во сне государю и попросили поставить им храм на земле, где они родились. Государь внял их просьбе, поставил храм и особою грамотой даровал им звание: Целомудренные и чудотворные жены.

В четвертый год Двоекратного процветания достойным сестрам пожаловано было звание Победоносных воительниц, а в двадцать первый год Возвышения и изобилия почтительно присовокуплены были к званию достойной старшей сестры еще два слова: Чистая и непорочная, а к званию достойной младшей сестры—слова: Охраняющая и мягкосердая. Дивная их святость славится и по сию пору.

*Великий князь,
неизменно успех приносящий,
святой помощник,
исполняющий желанья и чаянья*

В давние времена прибыл в наши края Гао Пянь и построил город Дай-ла. Однажды, в полдень вышел он из Восточных ворот и отправился на прогулку. Вдруг опустились темные тучи, и пятицветное сияние поднялось от земли до неба; оно становилось все ярче, а небо под пологом облаков сделалось холодным и пустынным. Тут появился среди облаков неведомый муж, восседавший на золотом драконе; на голове — разноцветная шапка, на теле багрянцем переливаются одежды, бедра обернуты расшитой тканью, а ноги обуты в красные сапоги; разлился вокруг дивный запах, и зазвучала прекрасная музыка. В страшном испуге Пянь решил, что это нечистая сила.

Тою же ночью явился ему во сне некто, обличьем своим и одеждой подобный виденному днем незнакомцу. Приблизился он к Гао Пяню и молвил:

— Я дух-покровитель земли Лаунг-до. Прослышал я, будто возвели вы на моей земле стены и город, и вот по-

желал взглянуть на них. Не бойтесь ничего и ни о чем не тревожьтесь.

Восстав ото сна, Пянь рассказал об увиденном свите:

— Что бы сие значило? — спросил он и посетовал: — Верно, плохой Мы правитель, ежели всякая нечисть глумится над Нами.

Кто-то посоветовал Пяню выстроить храм, поставить в нем изваяние духа Лаунг-до, а под храмом зарыть медь и железо: тогда, сказал этот человек, дух будет усмирен.

Гао Пянь исполнил все в точности, но в тот же миг разверзлись хляби небесные, налетел вихрь, взметая землю и сокрушая деревья, — и зарытые втайне медь и железо рассыпались в прах.

Увидевши это, Пянь снова посетовал:

— Видно, придется Нам возвратиться на Север и окончить там дни свои.

Само собою, Гао Пянь уехал вскоре обратно на Север.

Многие годы спустя, при королях из дома Ли построили близ того храма стольный город, и вот, когда король Ли Тхай Тонг дозволил поставить торговые ряды у Восточных ворот, толчея и гомон нарушили покой старого храма. Государь решил было перенести храм на новое место, но затем передумал: «Нет, не стану тревожить древнее святилище!» Он велел подновить и изукрасить его, да и дома, стоявшие рядом, также, и выстроил новый придел для поклонения духу и для молитв.

Однако к ночи дух поднял страшный северный ветер. Все дома подле храма рухнули, и только храм остался цел и невредим. Удивленный король пустился в расспросы, и один бывалый человек поведал ему обо всех дивных деяниях, совершенных некогда духом Лаунг-до.

Государь восхитился:

— Вот поистине дух, пекущийся о народе!

Тотчас издал он указ о порядке празднеств в храме всесильного духа и повелел всякий год, в начале весны, совершать там молебен и возложение даров. Особою грамотой пожаловал он духу звание Князя, неизменно успех приносящего.

С тех пор пожары трижды уничтожали дома в торговых рядах, но старого храма пламя не коснулось ни разу.

В первый год Двоекратного процветания прибавлены были к званию духа еще два слова: Святой помощник, а в двадцать первый год Возвышения и изобилия почтительно присовокуплены были слова: Исполняющий желанья и чаянья. И, наконец, дух возведен был в Великие князья.

Тхай шы по имени Чан Куанг Кхай, начальник королевского войска, оставил в храме такие стихи:

Давно слышал я: наречен
Великий князь святым,
Теперь узрел я: духи зла
трепещут перед ним.
Трикратно древний княжий храм
был обойден огнем,
Двукратно вихрь валил дома —
алтарь был невредим.
Подвластна Князю в небесах
трехтысячная рать,
Он орды бесов усмирит
лишь возгласом одним.
Молю: победу, Князь, даруй
над северным врагом,
Всем царствам ниспошли покой,
всем племенам земным.

*Князь, преданный помощник,
воинственный пособник,
прославленный и могучий*

Как сказано в «Записках о стране Цзяочжоу», сочиненных высокородным Чжао, Князь был Высшим духом земли.

В годы Непреходящего блеска правления Танского дома Ли Чан-мин прибыл императорским наместником в Зиао-тяу. Увидел он, как ровны долины, могучи горы и обильны воды там, где сливаются рукава рек Белой Лианы и Белого Журавля, и на берегу реки Белого Журавля выстроил храм Всепроникающей святости и велел поставить в нем статуи Трех святых духов, приказав мастерам вырезать для переднего придела изваяние Духа — охранителя державы. Когда изваяние было готово, Чан-мин воскурил перед ним благовония и воскликнул:

— Ежели обитает здесь дух-чудотворец, пусть явится Нам в сновидении, чтобы, узрев его, Мы сообщили сходство с ним изваянию.

Тою же ночью явились ему во сне двое мужей странного облика. За каждым шествовали десятки слуг со

знаменами, флейтами, гонгами и барабанами. Подойдя к храму, мужи заспорили: который из них более другого достоин взойти на алтарь. Чан-мин спросил их, кто они и откуда родом, и тогда один назвался Духом земли, а другой — Владыкою камня. Танский наместник предложил обоим сотворить чудеса, дабы искуснейший утвердился на алтаре по праву.

Едва он кончил говорить, как Владыка камня единым прыжком достиг берега реки, но Дух земли был уже там. Снова прыгнул Владыка камня, перенесся на другой берег, но Дух земли и на этот раз его опередил. Дух земли оказался сильнее, и место на алтаре досталось ему.

Тамошние жители весьма почитали духов и демонов и потому, увидев величественное изваяние Духа земли, преисполнились благоговения и страха. Ежели кто желал вознести молитву или терзался сомнениями, приходил в храм, возлагал дары и гадал на монетах — и все сбывалось в точности по гаданию.

С тех пор Духа земли стали почитать заступником и благодетелем края, и в храме его не угасали огни курений. Когда полководцы позднейших времен получали приказ заступить неприятелю путь в верховьях Троеречья, они со своими войсками приходили поклониться Духу земли, и Дух большею частью помогал им в битвах.

В первый год Двоекратного процветания пожаловано было ему особою грамотой звание Князя и Преданного помощника. В четвертый год к этому званию прибавлены были слова: Воинственный пособник, а в двадцать первый год Возвышения и изобилия почтительно присовокуплены слова: Прославленный и могучий.

*Великий князь, гонитель врагов,
щедрый податель помощи;
Великий князь, устрашитель захватчиков,
доблестный и отважный*

В историческом сочинении До Тхиена сказано: «Князья были родными братьями».

Некогда король Нго Нам Тан пошел походом на Ли Хюи, учинившего мятеж в Лаунг-тяу, и расположился с войском в устье Фу-кан. Ночью явились ему во сне два неведомых мужа величавого облика в пристойных и чистых одеждах и, приблизившись, почтительно молвили:

— Вот уж в который раз похваляются супостаты своею силою. Примите, государь, нас в помощники, и не избегнут они заслуженной кары.

— Но кто вы? — спросил король. — Желаем узнать имя и род помощников Наших.

Мужи отвечали с превеликой вежливостью:

— Мы — родные братья, род свой ведем от Чыонгов из деревни Фу-лан. Старшего зовут — Хонг, а младшего — Кат; оба были военачальниками у короля Чиеу Виет Вьонга. Но однажды Ли Нам Де коварством лишил нашего короля престола и сам сделался королем. Стал он

слать к нам гонцов с дарами, зазывая на службу, но мы отвечали: «Верный подданный не служит двум государям, так же как добродетельная жена не сочетается с двумя мужьями. Да и возможно ли верно служить изменнику, поправшему долг благодарности!» — и удалились от мира на гору Фу-лаунг. Многократно звал нас Нам Де, но тщетно; тогда, разгневанный, он подкупил наемных злодеев, приказал сыскать нас и схватить. Поняли мы, что не миновать нам гибели, выпили яд и умерли в одночасье. Но святой Повелитель неба, узнав, как безвинно терпели мы в этой жизни, сжалился и поставил нас наместниками Царя драконов Лаунг Куана на реках Ву-зианг и Ланг-зианг. Вот и недавно, когда Покойный государь бился в бою на реке Белой Лианы, мы явились к нему на помощь.

Восстав ото сна, король Нго Нам Тан тотчас велел принести дары обоим духам и рек такое слово:

— Ежели вы и впрямь дивною силою своей поможете Нам одержать победу, Мы возведем для вас храм.

На другой день король обложил гору Кон-лон, но враг на ее склонах был грозен и недосягаем, и королевское войско впало в уныние.

Однако ночью к королю вновь явились во сне Князья, а с ними было воинство духов, стояло оно боевым строем в устье реки Фу-лан. Полк старшего брата выступил с берегов Ву-зианг, перешел Луноподобную реку и двинулся к верховьям Щедрой реки, а полк младшего направился вдоль берега Доброй реки и достиг реки Южной равнины.

Восстав ото сна, король рассказал об увиденном своим военачальникам и повелел им обрушиться на врага всею мощью. Само собою, битва закончилась полною их победой. Земля Лаунг-тяу была замирена, и государь незамедлительно отправил придворных выбрать место для храма каждому из Князей. Старшему брату было пожаловано звание Великого божественного повелителя рек,

охранителя державы, и ден его возвели в устье Луноподобной реки. Младшему брату пожаловано было звание Малого божественного повелителя рек и охранителя державы ден его возвели в устье реки Южной равнины.

Когда в царствование Ли Нян Тонга заступило сунское войско наши пределы, государь, дабы преградить врагу дорогу, послал на берега тех рек военачальника в чине тхай уи по имени Ли Тхыонг Киет. И вот однажды ночью услышали воины, как в храме раздался голос Духа, произносящего такие стихи:

Властителям Юга вовеки владеть
пределами Южной земли,
Границ ее в «Книге небес» не стереть —
навечно они пролегли.
Дрожите, презренные орды рабов!
Нарушив священный рубеж,
На гибель позорную и на разгром
вы сами себя обрekli.

Само собою, на другой день сунское войско было разбито и ушло восвояси.

В первый год Двоекратного процветания пожаловано было братьям звание Великих князей Луноподобной реки; старший отныне именовался Гонителем, а младший — Устрашителем захватчиков. В четвертый год — к званию старшего брата были почтительно присовокуплены слова: Щедрый податель помощи, а к званию младшего: Доблестный и отважный.

*Жена верная и неизменно
следующая истинною стезей,
целомудренная и доблестная,
постоянная и грозная*

Из какого рода происходила благонравная жена, неизвестно; звали ее — Ми Е, жила она в Тямпе и была супругою тямского короля Ша Дау.

Не пожелал Ша Дау мириться с низкою долей вассала и перестал платить дань нашему королю; Ли Тхай Тонг, восседавший тогда на престоле, разгневался, собрал несметное войско и выступил в поход. Ша Дау заступил Тхай Тонгу путь на реке Бо-тинь, но полки его были королевским войском разбиты и рассеяны, а сам Ша Дау пал в битве. Государь захватил жен и наложниц тямского короля и повез их к себе.

Когда достигли реки Ли-нян, государь, слыхавший о красоте Ми Е, послал придворного евнуха с наказом доставить ее на королевскую ладью. Но она в великом недовольстве отказалась:

— Я ведь жена варвара, — воскликнула Ми Е, — я дурно одета и к тому же косноязычна! Куда мне до благородных красавиц высокого двора! Держава моя погибла,

муж мой убит, а значит, должна умереть и я. Ваш король велел привести меня силой, все равно негоже это — неубранной и грязной предстать пред государевы очи!

Схватила она покрывало, завернулась в него и бросилась в реку. Услышав об этом, король почувствовал раскаяние и приказал спасти Ми Е, но она уже утонула.

С той поры всякий раз в ясную тихую ночь раздавались на реке плач и жалобы; долгое время дивились этому жители ближней деревни, но затем, подав, как должно, прошение, возвели они ден в честь духа утопленницы. Тогда только ее жалобы смолкли.

Многие годы спустя король Ли Нян Тонг, совершая как-то прогулку в своей ладье, доплыл до реки Ли-нян. Увидев на берегу реки храм, он обратился к придворным за объяснениями и услышал в ответ историю Ми Е. Государь задумался, потом сказал:

— Поистине удивления достойно, что женщина варварского народа может быть столь добродетельна. Если дух ее и впрямь обладает чудесною силой, пусть явится Нам во сне.

Ночью, в час третьей стражи, короля, который почивал в ладье, коснулся холодный ветер, и предстала пред ним неведомая ему дотоле жена; она кланялась и говорила сквозь слезы:

— Слыхала я: женщина да имеет одного только мужа. Король, супруг мой, — пускай не сравнится он с вашим величеством, — владыка и повелитель своей страны, с ним связана я узами супружеской любви. Увы, держава моя погибла, и супруг мой был убит. Скорбела я и в смерти видела избавление! Благо, покойный король вашей страны послал за мною придворного и тот подтолкнул меня к Желтому источнику. Там я свиделась наконец с супругом, и сердце мое обрело покой. Где уж мне ныне творить чудеса?! — сказала она и исчезла.

Восстав ото сна, король немедля приказал возложить в ее храме дары и отслужить молебен, а после особой грамотой пожаловал Ми Е звание Отважной и преданной сердцем. С той поры люди из ближних и дальних мест стали во множестве приходить в храм с просьбами и молитвами, и каждый обретал просимое.

В первый год Двоекратного процветания пожаловано было ей звание Верная и неизменно следующая истинною стезей, в четвертый год прибавлены были к званию еще два слова: Целомудренная и доблестная, и, наконец, в двадцать первый год Возвышения и изобилия — почтительно присовокуплены слова: Постоянная и грозная.

Подтверждения святости духа Ми Е множатся день ото дня.

*Князь, начальствующий
королевским войском,
спаситель державы,
приближенный совершенномудрого*

Князя из семьи Ле звали Фунг Хиеу, и был он уроженцем деревни Банг-шон, что в округе Тхань-хоа. Некоторые считают его внуком вельможи по имени Ле Динь.

Князь был высок ростом и пригож собою, с прекрасными усами и бородой. Природа наделила его отменной силой. Рассказывают, что в пору юности Князя, когда жители Лыонг-зианга затеяли с его односельчанами спор из-за полевых земель и стали кичиться своею удаley, Фунг Хиеу с корнем вырвал мощный бамбуковый ствол и дал волю гневу, и никто тогда не мог справиться с ним.

В «Дополнениях к истории земли Виет» сказано, что в молодые годы Князь отличался доблестью и отвагой. Когда деревни Ко-би и Дам-са заспорили, где проходить меже, и ополчились друг на друга, Князь, засучив рукава, сказал людям Ко-би:

— Да Мы и сами одолеем хоть десять тысяч.

Старейшины деревни учинили на радостях богатый пир; на том пиру Князь один опростал котел риса, из ко-его обычно кормится три десятка людей, запил рис ви-ном, после чего вышел на бранное поле. Едва показалась дружина Дам-са, вырвал Князь громадное дерево с кор-нем и закрутил над головой. Точно вихрь обрушился на врага. Раненым и увечным не было числа, поворотили люди Дам-са вспять и разбежались. Деревня их преис-полнилась страхом и уступила земли деревне Ко-би.

В ту самую пору король Ли Тхай То набирал в двор-цовую стражу мужей, прославленных дородством и силою; взяли туда и Князя, а поскольку явил он и усердие и храб-рость, доверяли ему многие важные дела; король неизмен-но лестно о нем отзывался, не обходил чинами и наградами, а со временем сделал его начальником стражи, так что Князь стал вровень с виднейшими полководцами — Дам Тханом, Куать Тхинь Затем и преподобным Ли Хюйеном.

После смерти короля, согласно его завещанию, на пре-стол возведен был Тхай Тонг. Но случилось так, что Зык Тхань, Ву Дык и Донг Тинь, младшие сыновья Тхай То, стакнувшись, подняли мятеж и двинули войска свои из округов к столице, соревнуясь каждый вперед другого ворваться в городские ворота. Тхай Тонг призвал к себе Князя и говорит ему:

— Как ни стараемся Мы побороть мятежников — все тщетно. Отныне вручаю тебе полную власть, сражайся по-своему.

Князь тотчас вывел полк королевской стражи за воро-та дворца и начал бой. Воины его бились жестоко, одна-ко долго не могли взять верх. Тогда Князь в ярости вы-хватил меч и бросился к городским воротам Каунг-зыонг, громко крича Ву Дыку:

— Бесчестные принцы! Как посмели вы, злодеи, по-сягнуть на престол, как посмели забыть волю Покойного

государя. Вы, преступившие долг верноподданных, примите же от Фунг Хиеу добрый удар мечом!

Насхал он конем на коня Ву Дыка, и не успел принц поднять меч, как голова его скатилась с плеч наземь. Воины мятежных принцев вконец растерялись и бросились бежать; королевские воины преследовали их, пока не выловили всех до последнего; лишь принцам Донг Ти-ню и Зык Тханю удалось спастись.

С победною вестью Князь первым делом явился к гробнице Тхай То, а затем и во дворец Небесного первородства, чтобы доложить обо всем королю Ли Тхай Тонгу.

— Мы благодарны тебе, — сказал король, — отвага твоя отвратила несчастье и сберегла дело Покойного государя! Прежде, читая в истории Танского дома о том, как Вэйчи Цзин-дэ помог императору в беде, Мы полагали, что навряд ли кто сможет сравниться с ним. Но ты преданностью своей превзошел ныне самого Цзин-дэ.

Князь поклонился ему и так ответил:

— Вы, Ваше величество, заботами и помыслами своими обнимаете небо и землю, утверждая незыблемость рубежей. Все и вся поклоняются вам и споспешествуют. Принцы решились на подлое дело, и боги и духи обратили на них гнев свой — волею неба, а не моими слабыми силами были повергнуты враги государства.

Король тотчас произвел его в начальники королевского войска и пожаловал званием хау тыюка.

В первый год Небесного озарения и мудрости, когда король Ли Тхай Тонг пошел походом на Тямпу, Князь начальствовал передовым полком. Воинство наше одержало великую победу, и молва о ней облетела подвластные нам страны. Награждая достойнейших, король повелел отписать в личное имение Князя тысячу мау королевской земли близ горы Банг-шон и освободил его от ежегодных податей.

Князь верно служил королю и всегда говорил ему правду. Куда бы ни пришел он со своим войском, всюду одерживал победы. Умер он семидесяти лет от роду. После его смерти люди, охваченные скорбью, построили ден в его честь, и все, приходившие туда с молитвой, обретали просимое.

В первый год Двоекратного процветания пожаловано было ему звание Князя, начальствующего королевским войском, в четвертый год — к его званию прибавлены были еще два слова: Спаситель державы; а в двадцать первый год Возвышения и изобилия почтительно присовокуплены слова: Приближенный Совершенномудрого. В великолепном его храме по сию пору не угасают огни курений.

*Первовладычица;
в согласье с небом повелевающая
превращениями и рожденьями,
извечно преданная;
великая богиня земли*

Как сказано в «Повествовании о высшем воздаянии», Первовладычица есть богиня, охраняющая землю Юга.

В давние времена, когда король Ли Тхань Тонг пошел походом на Тямпу, в заливе Хоан его застигла страшная буря. Огромные злобные волны обрушились на королевскую ладью; клонилась она с борта на борт и грозила в любой миг перевернуться. Охватил государя великий страх, но внезапно явилась перед ним девица лет двадцати в белом платье и широких зеленых штанах; лик ее был подобен цветку, брови — словно листья ивы. Приблизилась она к королю и сказала:

— Я — богиня, охраняющая землю Юга. Заточена я в стволе древесном и пребываю в этом краю, обильном тучами и водой. Долго ждала я своего часа, дожидалась случая, и вот встретила наконец ваше величество. Значит, сбудется вскоре заветное мое чаянье. Я прошу вас одо-

леть поскорей врага и вернуться с победой. Пусть я женщина и потому слаба, как тростник или ива, но я помогу вам в ратных заботах, а потом буду ждать вас здесь, на этом же месте.

Умолкла она и тотчас исчезла.

Восстав ото сна, король рассказал об увиденном свите.

— Богиня говорит, что заключена в древесном стволе в этом краю, обильном тучами и водой, — почтительно молвил преподобный Хюэ Лам, — стало быть, она просит найти то дерево и сулит вам чудеса.

Немедля послал государь людей на холмы и в береговые долины, и они отыскиали бревно, очертаньями и величиною схожее с человеком и цветом напоминавшее одеяние девицы. Находку эту государь назвал Супругою Бога земли, водрузил на алтарь, а алтарь поставил в свою ладью. Само собою, ветер тотчас утих, волны улеглись, и ладья побежала легко и свободно.

Войску нашему и впрямь помогал некий дух: враг был разбит паголову. На возвратном пути причалил король к упомянутой пристани и повелел возвести там ден в честь богини. Внезапно налетел вихрь и хлынул дождь, и преподобный Хюэ Лам сказал:

— Прошу вас, государь, прикажите доставить богиню в столицу.

Король внял его совету, и тотчас утих ветер и разошлись тучи. Воротившись в столицу, он повелел найти благодатную землю и возвести ден в честь богини. Возвели ден в деревне Ан-ланг, и явились в том дене чудеса и знамения; тех, кто дерзал хулить или осмеивать их, неизменно постигало какое-нибудь несчастье.

В царствование Ли Ань Тонга случилось великое бездождие, и придворные, испросивши согласия государя, возвели алтарь Нам-зиао, дабы совершить приношения небу. На самый верх алтаря поставили Супругу Бога

земли. В ту же ночь явилась она государю во сне и говорит:

— Есть в Небесном дворце дух Као-манг — Повелитель весны, он один может сотворить дождь.

Обрадованный король рассказал придворным об увиденном и, посоветовавшись с ними, решил: устроить торжества и возложение даров и сочетать тем самым Князя-просо с небом, а Божество полей — с землей. Вознесли молитвы, возложили дары, и тут же пролился на землю обильный дождь. Государь особым указом объявил: отныне духу Као-мангу — Повелителю весны — стоять на алтарях прениже Богини земли.

С тех пор так и повелось — возложив весенние дары, у подножья алтаря непременно ставили маленького глиняного буйвола.

В первый год Двоекратного процветания особою грамотой богине было пожаловано звание Первовладычицы, Великой богини земли. В четвертый год — к ее званию прибавлены были слова: Извечно преданная, а в двадцать первый год Возвышения и изобилия — почтительно присовокуплены слова: В согласье с небом повелевающая пре-
вращениями и рождениями.

*Тхай уи, преданный и мудрый,
великодушный воитель*

Летописи, предания наши и исторические сочинения рассказывают, что происходил он из семьи Мук, звали его — Тхан и кормился он ловлею рыбы.

Тхай шы по имени Ле Ван Тхинь, живший при короле Ли Няи Тонге, держал у себя слугу, выходца из Дай-ли. Слуга был чародеем: с помощью заклинаний умел он преображаться в тигра. Ван Тхинь ублажал слугу всячески, дабы перенять его искусство, но едва только постиг оное, решил немедленно убить слугу, а короля известить чародейством и самому воссесть на престол.

Однажды король Ли Няи Тонг, желая полюбоваться рыбною ловлей, отправился на прогулку по Озеру туманов. Едва королевская ладья отвалила от берега, закружились над водой облака и заволокли все вокруг, слышался плеск весел, и вдруг в густом тумане возник огромный тигр на лодке. Тигр ощерил клыки, оцетинил усы и готов уже был броситься на людей. Государя охватил страх.

В это время неподалеку рыбачил Мук Тхан, увидел это и произнес: «Медлить нельзя!» Метнул он свою сеть, накрыл ею и лодку и тигра, а в тигре признал Ле Ван Тхиня.

Страшно разгневался король. Велел заковать Ван Тхиня в железные цепи, заточить в клетку и отправить на реку Тхао.

Ли Нян Тонг похвалил Мук Тхана, спасшего ему жизнь, и пожаловал чином до уи во дворцовой страже. Через полгода государь назначил его помощником начальника королевского войска, а когда Мук Тхан умер, пожаловал ему чин тхай уи, приказал воздвигнуть ден в его честь и вырезать его статую.

Храм этот славится чудесами. В расщелине колонны, что стоит перед храмом, обитает большой змей; в первый и пятнадцатый день месяца, во время храмовых празднеств, выползает он и ложится у каменного основания. Многие и многие проходят мимо него невредимы, он жалит лишь нечистых сердцем, посмевших приблизиться к храму. С наступлением темноты змей снова уползает в расщелину.

В наши дни окрестный люд, почитая Мук Тхана как доброго духа, обновил и изукрасил храм, и стал этот храм прекраснее прежнего. В четвертый год Двоекратно-го процветания особою грамотою пожаловано было Мук Тхану звание Преданный и мудрый, а в двадцать первый год Возвышения и изобилия к его званию почтительно присовокуплены были еще два слова: Великодушный воитель.

*Князь, провозвестник воли небес,
преданный и доблестный,
могучий и грозный*

Согласно преданиям, Князь был военачальником в чине до уи при королях из дома Ли, — неизвестно только, при котором из них; неведомы также имя его и род. Помнят только, что однажды застигла его на реке сильная буря, ладья его затонула, и сам он погиб в волнах; однако же дух его не рассеялся в пространстве. В лунные ночи, когда налетал легкий прохладный ветер, на реке, неподалеку от пристани, слышались чьи-то речи и смех, в воздухе разносилось пенье свирели и перезвоны струн.

Как-то раз в прибрежную деревню явился некий юноша и сказал:

— Особою грамотой Повелителя неба Мы назначены Духом — хранителем речного устья.

Люди изумились и без промедления построили ден в его честь. Они поклонялись Духу и возлагали дары на храмовый алтарь. С тех пор всякий раз в пятнадцатый день месяца приползал из реки змей с золотым гребнем

и, свернувшись кольцом, ложился у алтаря. Преисполняясь благоговения и страха, жители деревни нарекли утопшего Повелителем и Добрым духом.

В годы Изначального процветания монголы заступили наши пределы и ворвались в Тханг-лаунг. Король из правившего тогда у нас дома Чан оставил столицу и спешно поплыл вниз по реке, однако, доплыв до Тхиен-мака, причалил ладьи и расположился на отдых. Ночью явился ему в сновидениях Дух и сказал:

— Не следует Вашему величеству удаляться от сей местности.

Восстав ото сна, король отправил посланца, чтобы тот возжег благовония в храме и умолил Духа задержать врага и не допустить его в те края. Само собою, монголы не двинулись дальше Тханг-лаунга, а вскоре и вовсе ушли из страны. Государь особою грамотой пожаловал Духу звание Князя, провозвестника воли небес.

В первый год Двоекратного процветания прибавлены были к этому званию еще два слова: Преданный и доблестный. А в четвертый год — почтительно присовокуплены еще слова: Могучий и грозный.

*Князь, податель
спасительной помощи,
чудотворный и мудрый,
в воздаяниях неизменный*

Согласно преданиям, Князь был высокородным сыном Властелина звезды Огненного Дракона.

В древние времена в деревне Киеу-хан, что в земле Хонг-тяу, жили два брата из рода Данг. Старшего звали Кюйет Минь, младшего — Тхиен Ша, оба промышляли ловлею рыбы и, что ни день, уходили на своей лодке далеко в море. Однажды увидели они среди волн нечто похожее на бревно, почти в три тхюока длиною, а цветом напоминавшее яйцо; извлекли братья чудо сие из воды и положили в лодку; вдруг ночью слышат они — внутри бревна словно бы человеческая речь раздаётся, только всё слова непонятны; испугались братья, бросили диковину обратно в море, а сами попросились скоротать ночь на другую лодку. Оба они ног не чуяли от усталости и тут же уснули крепчайшим сном; под утро явилась им во сне неведомая прежде жена и молвила:

— Не ведали вы, что творили, а потому открою вам истину. Я, наложница Властелина драконов Южного моря, волею случая сошлась с Огненным Драконом и понесла

от него дитя. Боялась я, как бы не проведал о том супруг мой, и, когда родилось дитя, укрыла его в водах здешнего моря. Диковинное бревно, что плавает около вашей лодки — это и есть мое чадо.

В изумлении проснулись братья, вытащили из моря бревно и поспешили к берегу. Едва они причалили лодку, бревно само выпрыгнуло из нее и очутилось на пристани.

Братья решили там его и оставить. Однако же, ища подтверждения свыше, прежде загадали, чему быть, чему — нет, и бросили монеты. Само собой, выпало им «оставить». Построили братья храм и наняли мастеров, чтобы те вырезали из чудесного бревна статую, которая известна всем под именем Лаунг Куан — Царь драконов.

Прошло много лет, и вот однажды послан был от королевского двора чиновник дабы отыскать людей, искусных в ловле раковин-жемчужниц. И оказалось, что из всех ныряльщиков удача сопутствовала лишь выходцам из семьи Данг. Удивленный чиновник приступил к ним с расспросами и, услышав в ответ изложенную выше историю, доложил обо всем государю.

Государь отправил в храм Лаунг Куана богатые дары и приказал устроить пышное шествие с музыкой, а впереди на носилках пронесли статую Духа, дабы с тех пор и до веку Дух помогал людям в промысле жемчуга. Само собою, жемчуга наловили тогда великое множество, и король тотчас пожаловал Духу звание Князя драконов, повелителя жемчуга.

В первый год Двоекратного процветания особою грамотой пожаловано было ему звание Князя драконов, подателя спасительной помощи; в четвертый год добавлены были к этому званию слова: Всепроникающий чудотворец, а в двадцать первый год Возвышения и изобилия почтительно присовокуплены слова: В воздаяниях неизменный. Храм этот и по сей день славится своей чудотворною силой.

*Из добавлений,
сделанных Смотрителем
Придворной Академии
Нгуен Ван Тятом
по прованию
«Колесница мудрости»*

*Храм
у залива Кан-хай*

Происходила благородная красавица из семьи Чжао и была принцессой в государстве Южная Сун. Ее мать имела двух дочерей, из которых принцесса была младшей.

В первый год Наследованной драгоценности царствования короля Чан Нян Тонга на землях Срединной империи, в Яйшане, Чжан Хун-фань внезапно напал на сунское войско. Полки Сунов были разгромлены. Тогда первый министр Лу Сю-фу обнял императора Чжао Бина и бросился вместе с ним в море. Вслед за ними там нашли свою смерть более ста тысяч воинов и полководцев Сунского дома. Принцесса с сестрою и матерью спаслись в ладье. Они обхватили руками мачту, и море вынесло их на берег подле какой-то пагоды.

Тамошний настоятель сжалился над ними, укрыл их в пагоде, накормил, а потом и выходил. Много времени

не прошло, и женщины оправились от несчастья. Они вновь обрели приятную полноту, а к принцессе возвратилась ее дивная прелесть. Настоятель, восхищенный и взволнованный, захотел соединиться с нею, но был отвергнут. Не перенеся позора, бросился он в морские волны и утонул.

Принцесса с сестрой и матерью заплакали в один голос:

— Ведь только благодаря настоятелю мы остались в живых, а он по нашей вине принял смерть. Нет, не утешиться нам никогда, не найти покоя во веки вечные!

Бросились они в море впиз головою и утонули. Тела их волны прибили к берегу в заливе Кан-хай, что в уезде Кюинь-лыу, в округе Зиен-тяу нашего королевства. Люди Кюинь-лыу, выловив их из воды, изумились: утопленницы были совсем как живые. Догадались они, что не обошлось здесь без высших сил, похоронили их и возвели в том месте ден.

С тех пор всякий раз, когда корабли встречались в море с грозным вихрем и бурными волнами, стоило только корабельщикам вознести молитву духам — покровительницам храма, и бури обходили их стороной. Молва об этом разнеслась по стране. Дены в честь трех утопленниц были поставлены во многих заливах и устьях, в каждом совершались чудеса и являлись знамения.

*Из добавлений,
сделанных отшельником
обителем «Три чистоты»*

*Великий князь Хынг Дао
из королевского рода Чан*

Звали его Куок Туаном, род свой он вел от королей дома Чан, был сыном иеншиньского князя по имени Лиеу и впоследствии стал именоваться Великим князем Хынг Дао, что означает: «Возвысивший Дао».

Между иеншиньским Князем и королем Тхай Тонгом была давняя распря. Перед смертью Князь взял Куок Туана за руку и сказал ему:

— Сын, ежели не примешь ты во всем сторону отца и пойдешь на королевскую службу, не будет мне покоя.

Но Князь, по здравом размышлении, не внял родительскому совету, а, напротив, держался с умом и осторожностью. Со временем сделался он искуснейшим полководцем и в годы Двоекратного процветания дважды нанес поражение полчищам юаньского императора, вторгшимся в наши пределы. После смерти Куок Туана государь повелел возвести ден в его честь.

С тех пор, ежели надвигался враг, стоило накануне сражения вынести из храма старый меч Хынг Дао, и воинство наше неизменно одерживало победу.

Кроме того, дух Великого князя умел исцелять «хворь преступного Яня».

Преданье гласит: некто Янь из рода Юаней, по прозванию Бо Лин, был сыном купца из Гуандуна и женщины из деревни Ан-бай, что у нас в королевстве. В Китае, при императорах Юаньского дома, он удостоился на экзаменах степени цзиньши. Обучившись чародейству, Янь повадился тайно в императорский гарем, но однажды был схвачен и приговорен к смерти. Как раз в то время император снаряжал свое войско в поход на нашу державу. Янь о том проведаль и стал умолять государя назначить его в войско проводником, обещая искупить вину. Император согласился.

В сражении у реки Белой Лианы князь Хынг Дао поймал Яня, приволок его в деревню Ан-бай и там предал смерти. Голову Яня бросили в реку. Попалась она какому-то рыбаку в сеть, тот кинул ее обратно в воду; снова выбрал сеть — голова оказалась тут как тут, и так много раз. Изумился рыбак и сказал голове:

— Если ты дух, помоги мне взять хороший улов, а уж я схороню тебя как подобает.

Само собой, наловил он в тот день великое множество рыбы. Потом вынес голову на берег и похоронил.

Дух Яня отличался удивительным нравом. Любил он являться на берег к рыбакам и предавался вместе с ними забавам и веселью. Со временем рыбаки привыкли к духу и порешили выстроить ден в его честь.

В преданиях рассказывается также, что Янь спросил перед казнью:

— Чем попотчует меня Великий князь, когда я умру?

Военачальник За Тьонг, стоявший подле Князя, воскликнул в гневе:

— Будешь ты жрать крови, отходящие у женщин при родах!

С тех пор скитается душа Яня по земле и только увидит где женщину, которой приспело время рожать, бросается к ней и напускает на нее боль невыносимую и нескончаемую, и никакими снадобьями ее не унять.

Но ежели кто из домашних возложит на алтарь дары и прочтет молитвы в дене Хынг Дао, да к тому же выпросит обрывок старой храмовой циновки и постелит ее на ложе больной и даст ей испить смешанного с водою пепла от храмовых благовоний — хворь тут же пропадает, словно ее и не было. Случается и так, что едва внесут циновку в дом, а уж роженице полегчает. Вот отчего столько людей стекается всякий раз на празднества к дену Великого князя. Они просят у Князя целительной помощи.

Жизнеописание великого святого Ты Дао Ханя

Дао Хань, что означает «Преданный истинному пути», происходил из рода Ты, и звали его Ло. Отец Дао Ханя по имени Винь всем сердцем прилежал учению Будды и со временем сделался Смотрителем храмового имущества при королях Ли.

Винь любил прогуливаться по деревне Ан-ланг, расположенной вблизи от столицы; здесь присмотрел он себе жену — девуцу из рода Танг, по имени Лоан, женился на ней и выстроил на южной окраине деревни дом. Поставили дом на счастливом месте, и у Виня родился сын, дух которого прикоснулся к великой святости Будды. Это и был Ты Дао Хань.

В юные годы Дао Хань предавался всяческому развлечению и забавам, по мысли его всегда были возвышенны, а движенья души понятны разве что немногим. Он сошелся и подружился с Фи Шинем — конфуцианцем, Ле Тоан Нгиа — даосом и Фан Атом — искусным певцом и музыкантом. Ночами Дао Хань усердно склонялся над

книгами, а дни проводил в веселье: свистел на свирели, забавлялся, бросая кау, играл на деньги.

Отец нередко бранил его, обвиняя в беспутстве и лени, но как-то ночью прокрался в его комнату и увидел сына дремлющим со свитком в руке подле угасшего светильника. Понял он тогда, что Дао Хань увлечен науками, и более не тревожился.

Впоследствии на экзаменах Белого лотоса Дао Хань оказался первым, но на королевской службе служить не стал, дню и ночью помышляя, как бы отомстить за отца.

А случилось вот что. Винь с помощью колдовства проник в покои благородного хау Зиен Тханя. Но однажды монах и кудесник по имени Дай Диен, сродник хау, одолел Виня своими чарами. Он убил его, а мертвое тело сбросил в реку То-лить.

Доплыло мертвое тело до моста Тэй-зыонг, что как раз против дома хау, остановилось там, да так и не тронулось с места. Хау, чрезвычайно испуганный, сказал об этом Дай Диену.

Диен вышел на мост и воскликнул, обращаясь к духу убиенного Виня:

— Принесший обеты Будде не может вечно хранить злобу! Что есть наша жизнь! Жалкое игрище, и только. Зато после смерти можно сделаться бодхи.

Едва он умолк, мертвое тело поплыло вниз по течению. Плыло оно долго и остановилось в земле Хам-жонг, что означает: «Драконова челюсть». Жители прибрежной деревни возвели для него гробницу, рядом поставили храм-миеу, а в нем — изваяние усопшего; с тех пор всякий год в десятый день первого месяца там служат поминальный молебен и возлагают дары.

Через некоторое время умерла и мать Дао Ханя. Погребли ее в пагоде Ба-ланг, где поклоняются ныне святому отцу и святой матери.

А сам Дао Хань, каждый день возлагая дары на домашний алтарь предков, неотступно думал о мести. Но сколько ни думал, придумать ничего не мог.

И вот однажды, увидав, что Дай Диен идет по улице, сотворил он заклинание, схватил тяжелую палку и ринулся на врага. В этот миг раздался с небес громкий окрик:

— Отступишь! Пустое затеял!

Бросил Дао Хань в сердцах свою палку и побрел домой. Тогда-то он и решил отправиться в Тэй-тхиен — страну Западного неба, выучиться там чародейству и сокрушить Дай Диена. Сговорился он с двумя друзьями — Минь Кхонгом и Знак Хаем, и пустились они все вместе в путь. Однако, достигнув земли Ши-ман, они поняли, что дальнейшая дорога сулит опасность, и решили уже повернуть назад, как вдруг увидели лодку, а в ней какого-то старика, который греб к берегу. Они подошли поближе и спросили:

— Скажи нам, почтенный старец, далеко ли до Тэй-тхиена?

— Горный путь неприступен, — отвечал старец, — и вам по нему не пройти. Зато мой челн мигом доставит вас до места. Возьмите этот посох. Стоит лишь указать им на запад — тут же будете в Тэй-тхиене.

Затем произнес он стихи, которыми венчают молитву и именуемые «ке».

Единственный к истине путь приведет,
хоть нет познанию конца.
Прославится тот, кто к познанию идет,
покинув жилище отца!
Но незачем тысячи рек бороздить
и тысячи тягот нести, —
Увидят скоро у Желтой реки
великого мудреца.

Смолкли последние слова; смотрят паломники, а лодка их уже у самого Тэй-тхиена.

Дао Хань остался стеречь лодку, а Знак Хай с Минь Кхонгом вышли на берег, обучились колдовству и отправились домой ипою дорогой. Провел Дао Хань в лодке три дня, а на четвертый, не дождавшись от друзей никакого известия, выбрался на берег, чтобы узнать, не случилась ли с ними какая беда. По дороге он встретил старуху, сложил на груди ладони, поклонился ей и спросил:

— Не заметили ли вы, достопочтенная, двоих чужеземцев, недавно пришедших сюда учиться чародейству?

— Они выучились множеству заклинаний и тайн волшебства и воротились домой, — ответила старуха.

Дао Хань поведал ей все, как было: что пришли они сюда втроем, дабы постичь тайнодействие, и что друзья бросили его на чужбине, а сами ушли. Старуха выслушала его рассказ, затем дала коромысло с ведрами и велела принести воды, а когда он исполнил это, открыла ему все тайны колдовства и волшебных чар, обучила искусству сокращать путь, а также заклинаниям да-ни. Питая злобу к друзьям, его предавшим, Дао Хань произнес строку из заклинания. У Минь Кхонга и Знак Хая тут же от боли свело животы, и они уселись перевести дух на обочине дороги. Тем временем Дао Хань, сократив путь, опередил их. Зайдя в густые заросли близ деревни Полинный мост, что в уезде Ты-лием, он обернулся тигром, грозно зарычал и выскочил на дорогу. Вид его был ужасен. Но Знак Хай и Минь Кхонг, прибегнув к чарам, оба разом призвали в тигре Ты Дао Ханя и воскликнули:

— Остановись, если хочешь узнать о будущих своих воплощениях! Выслушай нас, и мы тебе все откроем!

Дао Хань опомнился, принял истинный свой облик и сказал:

— Мы — я и вы оба — познали истинный путь Почитаемого в мире, однако немало уз еще связует меня с человеческим моим естеством и судьбою. Пройдут сроки, и я вновь явлюсь в этот мир и воссяду тогда на трон земного властителя. Предвижу, что не избежать мне тяжкого недуга, а потому прошу вас заранее об исцеленье и помощи.

Отринув обиды и освободясь от гнева, они научили друг друга всем тайнам чародейства, которые каждый из них знал в отдельности: как опускаться в пучину и как парить в поднебесье, как вселяться в иную плоть и обращаться в призраков или злых духов, — короче, всему, что не дано было постигнуть никому из смертных. Затем они побратались, признав Дао Ханя старшим братом, средним братом сделался Минь Кхонг, а младшим — Зиак Хай. Место их встречи именуется ныне: Мост откровения.

Минь Кхонг и Зиак Хай удалились в пагоду Слияния истоков, Дао Хань же уединился в пагоде Небесного блаженства, чтобы совершенствовать дух свой и умножать знания. У входа в пагоду росли две древние сосны, люди называли их «Драконовы деревья». Многие и многие дни, глядя на эти деревья, Дао Хань без усталости читал: «Дай-би-там да-ни-ла», и вот с древних сосен начали одна за другой отпадать ветви, пока от обоих деревьев ничего не осталось. И Дао Хань понял, что это Куан Ам преклонила свой слух к его молениям, и стал еще усерднее распевать их, так что достигли они наконец Врат рая. Однажды Дао Хань увидел духа, парившего у самой земли, и спросил его:

— Кто ты, о почтенный дух?

— Внимающий вашему слову — Небесный князь с

Четырех вершин, — отвечал тот. — Восхищенный неистовым вашим усердием, я готов повиноваться вам и вершить вашу волю.

Дао Хань решил, что отныне превзошел он всю земную премудрость, а значит, способен он сполна отомстить за отца, и возвратился в родную деревню.

Как-то бросил он с моста Ан-кюйет в реку То-лить свой посох, и посох, коснувшись стоямя водной глади, помчался затем, словно на крыльях, против течения и долетел до моста Тай-зыонг.

— Итак, превзошли Мы в чародействе Дай Диена! — вскричал обрадованный Дао Хань и бросился к дому заклятого своего врага.

Дай Диен сказал:

— Сдается мне, ты успел обо всем позабыть?!

Дао Хань посмотрел на небо, но не увидел там никакого знамения. Тогда он убил Дай Диена, а тело его бросил в воды То-лить, исполнив давний обет мести.

Отомстив убийце отца, Дао Хань сразу почувствовал великое облегчение и отправился в лесные чащобы постигать неведомые тайны и обретать сокровенные знания. Дошла до него молва о праведном отшельнике из Тхай-биня Чи Хьюене, который в совершенстве постиг Учение. Имя его, собственно, и означало «Неизреченно мудрый». Дао Хань пришел к нему и стал расспрашивать об истинном духе, прочитав ему перед тем следующие стихи:

Как долго во мраке житейском не мог
я золота знаний найти,
Тайник, где скрывается истинный дух,
держала судьба взаперти.
Молю: снизойди и единственный путь
к познанию мне укажи,
Чтоб Светоч увидел я, чтоб не блуждал,
измученный, в долгом пути.

Чи Хюйен прочел в ответ:

Ключей от заветных дверей тайника
на золото не променять.
На них божественной мысли
и духа истинного печать.
Владения Бодхи ты всюду найдешь —
и в глине, и в тине речной,
И вовсе не надо божественных тайн
в краях чуждадных искать.

Дао Хань не понял его стихов, пришел в пагоду Облака закона и спросил у преподобного Шунг Фама:

— Что есть истинный дух?

И Фам ответил:

— Нет ничего, в чем не было бы истинного духа!

Дао Хань тут же усвоил сказанное и возвратился в пагоду Небесного блаженства, дабы усовершенствовать свои знания и колдовское искусство.

Мудрость и чудесная сила Дао Ханя возрастали день ото дня. Он повелевал птицами, звери являлись исполнить его желанья; больные и увечные прибегали к его помощи, и все исцелялись немедленно; он помогал людям знанием и мудростью, а они почитали его и благодарили.

Правил тогда страной король Ли Нян Тонг, у которого долго не было наследника. Сколько он ни молился о ниспослании потомства — все было напрасно. Шунг Хиен, младший брат Нян Тонга, носивший звание хау, пригласил Дао Ханя к себе во дворец совершить молебен о ниспослании ему потомства, а также о том, чтоб его, хау, будущий сын провозглашен был наследным принцем. И Дао Хань вознес молитву, прося даровать себе новое земное рождение. Как раз в это время жена Шунг Хиена, совершая омовенье в своих покоях, увидела вдруг в бочке с водой Дао Ханя; испугалась она и сказала о том мужу, но хау, знавший всю подоплеку, отвечал ей:

— Не бойся! Ежели в бочке с водой и обнаружится нечто, стало быть, Совершенный человек воплотился уже в твоём чреве.

С того дня жена хау понесла. Дао Хань же, прежде чем уйти, наказал вельможе:

— Прошу вас, дайте мне знать, когда начнутся роды.

Подошла пора жене хау родить, и рожала она в великих муках.

Дао Хань, получив о том известие, созвал своих учеников и послушников и молвил:

— Увы, прочны еще узы, связующие Нас с этим миром, ибо суждено Нам воплотиться вновь в короле, который будет царствовать над людьми. После кончины Мы сделаемся властителем Небесной страны тридцати трех городов. Когда же земная плоть Наша обратится в прах, Мы вступим в пределы, где «нет ни жизни, ни смерти».

Ученики и послушники, охваченные горем, плакали и сокрушались, и тогда Дао Хань прочитал им следующие стихи:

Осень внезапно гусей застанет,
молча торопjt их в путь.
О, как нетрудно печаль разбудить,
скорби в душе всколыхнуть.
Всем, кто моим поученьям внимал,
молвлю: забудьте печаль.
На землю не раз учитель придет,
мира открывший вам суть.

С этими словами поднялся он в Пещеру духов, ударился головою о каменную стену и, ступив на гладкий камень, перевоплотился. Следы, оставленные на скалах головой его и стопами, видны и поныне.

Перевоплощение Дао Ханя случилось седьмого числа третьего месяца, в третий год Торжества добрых предзнаменований и величайшего счастья.

Он возродился на свет в облике сына Шунг Хиэпа, рос не по дням, а по часам и вырос умным, пригожим и наделенным всяческими талантами. Король Ли Нян Тонг взял его к себе во дворец, заботился о нем, поучал и вскоре провозгласил наследником престола. Когда же Нян Тонг умер, принц взошел на престол под именем Ли Тхэн Тонга.

В год Дракона, когда минул Тхэн Тонгу двадцать один год, он вдруг занемог, тело его обросло шерстью, и обликом своим он стал все более походить на тигра. Со всех концов государства сошлись мудрецы и ученые, чтобы исцелить короля, но ничего ему не помогало. Услышав об этом, Минь Кхонг и Знак Хай поняли, что сбылось предсказание Дао Ханя, и сочинили следующие стихи:

Болен стоящий на круге Девятом небес,
отпрыск династии Ли.
Он исцелился бы, если б Минь Кхонга нашли
и во дворец привели.

Минь Кхонг с Знак Хаем обучили этой песне малых детей, и вскоре она стала известна повсюду, а когда достигла королевского дворца, в пагоду Слияния истоков был отправлен посол за Минь Кхонгом и Знак Хаем.

Минь Кхонг с Знак Хаем сварили малый котел риса и пригласили к трапезе посла со всею свитою его и охраной; гостей собралось великое множество, они наелись до отвала, однако съесть всего так и не смогли. Затем Минь Кхонг и Знак Хай вместе с послом и свитой уселись в ладью. Минь Кхонг предложил государевым посланцам отдохнуть до рассвета, а с рассветом прилив сам поднимет ладью и облегчит ей путь. Когда те улеглись и заснули крепчайшим сном, преподобные мудрецы при помощи колдовства сдвинули ладью с места, и она без гребцов и без кормчего полетела по волнам так же проворно,

как стрела. В мгновение ока путники очутились подле самой столицы. Пробудившись ото сна, они с удивлением и страхом увидели неподалеку от ладьи бапню Небесного воздаяния.

Посол пригласил Минь Кхонга и Зиак Хая во дворец; но собравшиеся там ученые и настоятели пагод, сочтя ветхие одежды и простое обличье гостей признаком их ничтожества, даже не встали им навстречу. Тогда Минь Кхонг с Зиак Хаем вытащили из сумки железный гвоздь добрых пяти пядей длиною, голой рукой вбили его чуть не по самую шляпку в деревянную колонну и молвили с важностью:

— Лишь тому, кто вытащит этот гвоздь, по силам исцелить государя!

Мудрецы и монахи один за другим пытались извлечь гвоздь из колонны, но все было впустую. Тогда Минь Кхонг легко, словно играючи, вытащил гвоздь двумя перстами левой руки, и все склонились перед ним, признавая его волшебную силу, после чего Минь Кхонг велел принести большой чан, вылил в него двенадцать канов масла и бросил сотню гвоздей, да послал еще и за веткою софоры. Затем он попросил доставить к нему короля на посылках и уступил место Зиак Хаю. Тот разложил под чаном огонь, пламя взметнулось, масло закипело и забурило. Минь Кхонг погрузил туда руку и разом выхватил все сто гвоздей. Затем опустил ветвь софоры в кипящее масло и припаялся обрызгивать им короля с головы до ног, восклицая при этом:

— Ведь ты теперь Сын Неба! Как же одолела тебя подобная хворь?

Капли горячего масла падали на королевское тело, и пропадала с глаз долой тигриная шерсть, отпадали когти, отросшие было на руках и ногах; сделалось тело короля чистым, как прежде, и благоуханным.

Когда государь скончался, в пагоде Небесного блаженства дивные пошли чудеса и открылись знамения, внушая всем очевидцам благочестивый трепет. Послали о том донесение в столицу, и король Ли Ань Тонг, наследник Тхэн Тонга, приказал возложить там дары, отслужить молебен, а Дао Ханю пожаловал звание Высочайшего и одухотвореннейшего среди духов.

Многие и многие годы спустя останки Дао Ханя все еще пребывали в пещере. Шло время, но они по-прежнему источали приятный и сладостный запах; немало тому изумляясь, жители соседней деревни поместили их в деревянный ларь и чтили как святые мощи.

В годы Вечной радости правления императоров из дома Мин вторглось китайское войско в наши пределы; достигнув окрестностей пещеры, минские воины услышали чудесное благоухание и, отыскавши ларь, увидели мощи праведника. Лик Дао Ханя был ясен и чист, словно при жизни.

Минские воины провозгласили его Небожителем, перенесли останки в пагоду Благоухающей горы и решили предать сожжению. Семь дней и ночей пылали костры, но не коснулся огонь нетленных мощей, так что китайцы хотели уже бросить их и уйти, однако ночью явился им некто во сне и сказал:

— Останки Наши пребывают нетленными еще со времен правления дома Ли. Нелегкое это дело и нескорое — предать святые мощи огню. Здесь надобен костер из могильной ограды. Иначе все будет напрасно.

Минские воины последовали его совету, и, само собою, останки Дао Ханя вспыхнули и сгорели. Собрали воины золу и пепел, вылепили статую праведника и поместили ее в небольшой храм слева от пагоды Небесного блаженства.

Однажды, это было в годы Блеска и благополучия царствования короля Ле Тхань Тонга, жена его, государыня из дворца Неизбывной радости, призвала вельможу в чине тхай уи из дома Чинь, имевшего звание куок конга, и послала его в пещеру у пагоды Небесного блаженства вознести молитву о ниспослании потомства. Во время молитвы в пещеру влетел внезапно обломок скалы; вельможа поднял его и принес королеве. Вскоре привиделось ей ночью во сне, будто в бок к ней вошел золотой дракон. С той ночи государыня понесла и в положенный срок разродилась мальчиком — будущим королем Ле Хиен Тонгом. В пагоде Небесного блаженства был построен храм Являющего добрые предзнаменования и перед храмом поставлена каменная плита с надписью. С тех пор пагода еще больше прославилась своею святошью; о чем бы ни молились у ее алтаря, будь то простолюдин, будь то вельможа, — все неизменно обретали просимое. По сию пору не угасают там огни курений,

Бу Кунь,

*Письмовод Королевского ведомства церемоний,
прозванный*

«Сохранившим изначальную простоту»,

а также «Енижным покоем

вседневно взыскующего истины»

и «Средоточием радости»

Киеу Фу,

Советник по прозванию

«Неизменно почтительный

и преданный долгу»

Дивные повествования земли Линь-нам

Рассказ о морском чудовище

В морях на востоке обитал Нгы Тиль — чудовище более пятидесяти чьюнгов длиною, обладавшее, подобно тысяченожке, множеством лап. Нгы Тиль умел преобразаться в десять тысяч существ, и его волшебная сила не знала границ; передвигался он с шумом — словно проливной дождь, а питался человеческим мясом, внушая всем ужас неодолимый.

В древние времена были рыбы, обличьем своим немало сходные с человеком. Однажды они приплыли к берегу Восточного моря и с этих пор стали походить на людей во всем, овладели даже людскою речью. Со временем они подросли и произвели на свет великое число сыновей и дочерей. Они ловили рыбу, остреев и раков, чем доставляли себе пропитание.

Были еще дан няны, обитатели подводной горы, столь же искусные в ловле рыбы. Но и они в конце концов припиали человеческий облик. Дан няны завязали тор-

говлю с береговым людом и нередко пересекали на своих лодках воды Восточного моря; они привозили рыбу и прочую морскую живность, получая взамен ножи, кузнечные молоты и рис.

Однако путь кораблям и лодкам загораживала гряда остроконечных скал, в одной из которых зияла пещера, служившая Нгы Тиню жилищем. Корабельщикам приходилось обходить скалы с моря, что было весьма опасно, так как там их подстерегали бурные волны и сильный ветер. Как-то однажды люди решили пробить среди скал дорогу, но отступились перед твердостью камня. Так, они по-прежнему плавали кружным путем, Нгы Тинь же не пропускал ни одного корабля, чтобы не напасть на него.

Желая помочь корабельщикам, духи опустились ночью на море и принялись сокрушать скалы. Тогда Нгы Тинь превратился в белого петуха и закукарекал с вершины скалы. Услыхав петушиный крик, духи решили, что близок рассвет, и умчались на небо. Эта дорога в скалах, которую так и не закончили духи, существует по сию пору и называется Персиковый залив Будды.

Сжалился над людьми, терпевшими от дурного права Нгы Тиня, Царь драконов Лаунг Куан. Силою волшебства превратил он себя в купеческий корабль и приказал демону За Тхоа из Подводного дворца охранять покой на море. За Тхоа передал его приказание водяным духам; после этого Лаунг Куан подплыл к пещере чудовища и сделал вид, будто бросает одного из гребцов ему на съедение. Нгы Тинь приготовился было проглотить его, но тут Лаунг Куан схватил раскаленный докрасна железный слиток и метнул его прямо в разверстую пасть чудовища. Нгы Тинь вскинулся на дыбы, потом рухнул в воду и, извиваясь, стал биться туловом о борт и днище корабля. Царь драконов отсек чудовищу рыбий хвост, содрал с

него шкуру и устлал ею скалу. С тех пор это место именуется Бать-лаунг-ви, или «Хвост Белого дракона».

Тулово Нгы Тиня с головою волны вынесли в море, и там оно преобразилось в пса. Лаунг Куан поднял огромную скалу, перегородил ею море и, настигнув оборотня, разом отрубил ему голову. Гора посреди моря зовется ныне Кау-дау-шон — «Песья голова». Тулово же Нгы Тиня уплыло в открытое море.

Рассказ о духе деревни Фу-донг

Король наш Хунг Выонг, полагаясь на богатство и мощь державы, стал с небрежением посылать дань и исполнять иные свои обязательства перед Северным двором. Иньский государь воспользовался этим предлогом и отправил в нашу землю войска. Хунг Выонг созвал ближних вельмож, чтобы обсудить с ними меры, кои надлежало принять для отражения неприятеля. Один мудрец и прорицатель предложил:

— Давайте попросим Царя драконов Лаунг Куана привести нам на помощь воинство духов!

Король внял его словам и без промедления распорядился поставить алтарь в честь Царя драконов. Он возложил на него золото, серебро и шелка и три дня кряду постился, куря благовония и читая молитвы.

На четвертый день налетел ветер, разошлись облака, и все увидели старца с огромным чревом и желтым лицом, с белыми усами, белою бородой и белыми бровями, ростом более девяти тхьюков; восседал старец у скрещения

трех дорог и что-то бормотал, посмеиваясь, подпевая и раскачиваясь. Едва заведя его, люди поняли, что он не из смертного рода, и доложили о том государю. Хунг Выонг вышел к нему самолично и поклонился, сложив на груди ладони, после чего старца усадили в паланкин и отнесли в храм.

Старец отказался от угощения и долго сидел молча. Тогда король обратился к нему со следующими словами:

— Полчища Севера в скором времени вторгнутся в наши пределы. Вам открыто будущее, скажите же Нам, одержим ли Мы верх над врагом?

Старик достал гадательные тавлы, взглянул на них и, нарушив наконец свое молчание, возвестил:

— Войска с Севера будут здесь через три года: готовьте оружие и доспехи, учите воинов. А еще найдите мужа, обладающего даром полководца; удастся вам это, и недруги ваши будут повержены. Не забудьте, однако, о достойной награде победителю, пожалуйте его высоким чином и званием, наделите землей и восславьте его навеки.

С этими словами старец взлетел в небеса и исчез; тут только все поняли, что перед ними был сам Лаунг Куан.

Ровно через три года стражи границ донесли о приближении иньского войска. Король, памятуя советы старца, отправил во все концы страны послов на поиски могучего воина. Прибыл посол и в деревню Фу-донг, что в уезде Тиен-зу, в Бак-нине. Проживал там богатый старик, шестидесяти лет от роду, и был у него сын, родившийся в седьмой день первого месяца. Мальчик этот, хотя исполнилось ему к тому времени три года, говорить так и не выучился и все время лежал на спине, не умея ни встать, ни сесть. Услыхав о приезде посла, мать мальчика посетовала:

— Произвела я на свет сына, но он только то и знает, что есть да спать. Увы, не он прославится на поле брани, не его отметит король своею милостью и щедростью, а значит, неоткуда мне ждать воздаяния за все труды мои и заботы.

Сын услышал ее слова и вдруг говорит:

— Матушка, пригласите сюда посла.

Изумленная мать побежала рассказать об этом соседям.

Соседи обрадовались и поспешили за королевским послом.

— Эй, ты, чадо, едва отверзшее уста, для чего ты звал Нас? — спросил посол.

Мальчик медленно встал и ответил ему:

— Торопись во дворец, доложи королю, что Нам потребен железный конь ростом в восемнадцать тхьюков, железный меч в семь тхьюков длиною, железная плеть и железный нон. Мы сядем верхом на коня, наденем нон и выступим в бой, — само собою, враг будет разбит наголову.

Посол поспешил во дворец и доложил обо всем королю. Хунг Выонг, удивленный и радостный, воскликнул:

— Теперь Нам более не о чем беспокоиться.

— Но под силу ли одному разбить целое войско? — усомнились вельможи.

— Слова Лаунг Куана не могут быть обманом! — гневно вскричал государь. — Прочь все сомнения! Добудьте-ка лучше пятьдесят канов железа, и пусть скуют из него коня, меч, плеть и нон.

В деревню Фу-донг вновь прибыл королевский посол, и мать, опасаясь, что привез он недобрые вести, прибежала к сыну. Но тот рассмеялся и сказал ей:

— Вы, матушка, лучше позаботьтесь о том, чтобы у меня было вдоволь еды и питья, а моя забота — биться и победить недругов наших.

Мальчик рос не по дням, а по часам и поглощал при этом так много еды и питья, что мать вконец разорилась, стараясь прокормить его. Соседи пригоняли ему быков, песли плоды, рисовые пироги и напитки, а он все не мог насытиться. Соткано было великое множество шелка и пестроцветной парчи, однако на платье ему все равно не хватало. Пришлось нарезать перистых цветов тростника, чтобы он смог прикрыть ими свою наготу.

Едва иньское войско достигло подножья Буйволово́й горы, что в Ву-нипе, мальчик встал, распрямился во весь рост, а было в нем более десяти тхыюков (иные говорят, даже не тхыюков, а чыонгов), чихнул грому подобно — громче десяти глоток разом, и, выхватив меч, воскликнул:

— Эй, трепещите, пред вами небесный воитель!

Нахлобучил нон и прыгнул в седло. Конь взвился на дыбы, громко заржал и помчался, словно на крыльях. В мгновение ока богатырь обогнал изготовившуюся к бою королевскую рать и поскакал впереди, размахивая мечом. Еще миг, и он со всею мощью обрушился на врагов. Враги побежали вспять, одни падали замертво, другие, оставшиеся в живых, бросались на колени и кланялись небесному полководцу, моля о пощаде. Иньский правитель погиб в сражении.

Достигнув горы Шаук-шон — Северной горы, что в уезде Ким-хоа, доблестный военачальник сбросил одежды и взлетел на своем копе в небеса. Случилось это в девятый день четвертого месяца, и по сию пору на скалах еще хранятся следы железных копыт.

В благодарность за совершенный им подвиг, Хунг Вьонг почтил богатыря званием Благогородного князя духов из Фу-донга, построил в деревне, рядом со старым его домом, поминальный храм — миеу и приписал к нему тысячу мау плодородной земли. С утра и до вечера горели в миеу огни курений и вился благовонный дым.

После этого иньские правители целых шестьсот сорок четыре года не осмеливались идти на нас войной. Позднее король Ли Тхай То пожаловал воителя званием Вознесшегося на небеса Великого князя духов, поставил храм в деревне Фу-донг подле пагоды Изначального постижения и приказал изваять статую на горе Ве-линь; весной и осенью — дважды — в тех храмах возлагались дары и совершались праздничные обряды.

При короле Тхуан Де из дома Ле в деревне Фу-ло проживала девица по имени Нго Ти Лан: жадная до книжной премудрости и искушенная в стихотворчестве, она во множестве слагала прекрасные стихи. Совершив как-то прогулку на гору Ве-линь сложила она такое четверостишие:

Молодая листва на вершине Ве-линь
тонет в белых волнах облаков.
Склон окутан в лиловый и розовый цвет:
сотни тысяч горят лепестков.
В поднебесье железный скакун улетел,
но прославлен скрижалю седок,
И останется он на родимой земле
навсегда, до скончанья веков.

*Рассказ
про топь, возникшую
в одну-единую ночь*

У третьего из королей наших Хунг Вьонгов была дочь по имени Тиен Зунг Ми Ньюнг — Красотой равная фёям; когда исполнилось ей восемнадцать лет, красота ее стала несравненной, однако замуж она не стремилась, а только то и знала, что веселиться да странствовать в поисках развлечений; король же ни в чем не препятствовал ей. Во втором и третьем месяце года Тиен Зунг имела обыкновение путешествовать по морю и возвращалась обратно, лишь сполна вкусив все удовольствия.

В то время в деревне Тьы-са, что на берегу большой реки, жил человек по имени Тьы Ви Ван с сыном, которого звали Тьы Донг Ты. Отец был великодушен и добр, сын — почтителен и предан, и жить бы им да жить в счастливом довольстве, но однажды во время пожара все их добро сгорело дотла, осталась на двоих одна только набедренная повязка, которой они прикрывались, выходя поочередно из дома. Вскоре отец занемог и говорит сыну:

— Когда я умру, схорони меня голым, а повязку оставь себе.

Но сын не осмелился последовать приказу отца. Он предал его земле в повязке, сам же остался нагишом. Страдая от голода и стужи, он стоял на берегу реки, а когда подплывали купеческие ладьи, входил поглубже в воду и просил подаяния; иногда ему удавалось поймать на крючок рыбу — тем и поддерживал он свою земную жизнь.

Вдруг неожиданно-негаданно к берегу подплыла проворная ладья Тиен Зунг, зазвучала изысканная музыка гонгов и барабанов, забежали бесчисленные придворные и слуги. Донг Ты обуял страх. Из прибрежных песков поднимались лишь чахлые тростники да росли два или три деревца; Донг Ты вырыл под ними яму и, улегшись в нее, забросал себя сверху песком.

Но случилось так, что, едва сойдя на берег, Тиен Зунг решила искупаться. Она приказала повесить тростники со всех сторон полотнищами и циновками, вошла за занавесы и, сбросив одежду, принялась обливаться водой. Вода смыла песок и открыла Донг Ты взору принцессы. Принцесса сперва испугалась, но потом, разглядев, что это юпоша, сказала:

— Мы вовсе не собирались замуж! Но теперь, когда Мы встретились с тобой, и, обнаженные, находимся друг подле друга, без слов понятно, что это знамение свыше. Вставай, умойся, Мы подарим тебе платье, возьмем на Нашу ладью и устроим на радостях пир.

И вся свита согласилась, что столь благоприятных совпадений еще не бывало.

— Нет, — вскричал Донг Ты, — я не осмелюсь!

Тиен Зунг стала сетовать и всячески уговаривала Донг Ты жениться на ней. Он отпирался и так и этак, но Тиен Зунг сказала:

— Ведь это небо соединило нас, а ты противишься?

Приближенные принцессы донесли обо всем королю. Хунг Вьюнг рассердился:

— Тиен Зунг не соблюла долга и чести, — сказал он, — разгуливала где придется, забыла о Нашем богатстве и сошлась с худородным и нищим. Да как после этого решится она взглянуть Нам в лицо?

Узнав об этом, принцесса перепугалась и не посмела вернуться к отцу. Заложили они с Донг Ты пристань, построили торговые ряды и вместе с тамошним людом открыли торговлю. Со временем торжище это сделалось знаменитым, и многие богатые купцы из чужеземных краев приплывали туда торговать. Тиен Зунг и Донг Ты заслужили всеобщий почет, все поклонялись им, словно законным государям.

Однажды некий купец сказал им:

— Высокородные! За морем есть товары великой ценности и редкости. Для того, кто отправится туда хотя бы на год, одна мера золота обернется по возвращении десятью.

Тиен Зунг обрадовалась:

— Нас ведь соединило небо, — сказала она Донг Ты, — пропитание и одежда нам также дарованы свыше. Давай соберем побольше золота и отправимся торговать в заморские страны.

Есть посреди моря гора Красная яшма; стоит на той горе небольшой храм, а подле него причаливают к берегу купцы, чтобы утолить жажду и запастись питьевой водой. Когда Донг Ты пошел прогуляться к храму, он повстречал буддийского монаха Нгьюнг Куанга, что означает: «Пресветлая чистота», приобщившего Донг Ты к святому учению. Донг Ты вручил свои деньги купцам, наказав им закупить для него товар, а сам остался постигать учение. На возвратном пути подплыли купцы к Красной

яшме и отвезли Донг Ты восвояси. Преподобный подарил ему на прощание посох и нон и сказал:

— В этих вещах заключена чудотворная сила.

Донг Ты, возвратившись домой, стал проповедовать учение Будды, да и Тиен Зунг тотчас прозрела; бросили они свой дом и торговые лавки, оставили все дела и отправились на поиски учителя и наставника.

Однажды во время далеких странствий ночь застала их в пустынных, безлюдных местах, и они остановились передохнуть, опершись вдвоем на посох и накрывшись попом. Вдруг в пору третьей стражи перед ними возникли крепостные валы и стены, многоярусные хоромы из дорогого камня и золотые дворцы, башни и храмы, бесчисленные службы, дома для чиновников, сокровищницы и кладовые, роскошные ложа, устланные тканями и циновками и занавешенные пологам, — все в золоте, серебре и дорогих камнях, повсюду духи и феи, военачальники и дворцовая стража.

Наутро окрестные жители толпами повалили в чудесный город, неся благовония, цветы и всяческие дары с просьбою принять их в подданство. Вельможи и военачальники, поделив между собою чины и воинов, основали новое государство.

Узнав об этом, Хунг Вьонг подумал было, что дочь его решила учинить мятеж, и немедленно послал туда войска. Полководцы стали просить у Тиен Зунг дозволения вывести воинов за городские стены, чтобы заступить неприятелю путь. Но она отвечала с улыбкой:

— Смею ли я восстать на отца? Пусть небо рассудит нас, в животе и смерти оно лишь одно и властно. Положимся же во всем на высшую справедливость, если даже придется положить головы под меч.

Тут многих ее подданных охватил ужас, и они разбежались кто куда; остались в городе только исконные жи-

тели. Королевское войско тем временем подошло совсем близко, но поскольку рано стемнело, оно не могло наступать дальше и остановилось лагерем в округе Ты-ниеп на другом берегу реки. В полночь налетел ураган, вздымая песок и вырывая с корнем деревья; королевское войско обуяли смущение и страх. Тиен Зунг вместе с приближенными и подданными, с дворцами и крепостными стенами в мгновение ока вознеслась на небеса, земля же в этом месте осела, и образовалась огромная топь. Впоследствии люди поставили здесь храм и с тех пор круглый год служат молебны. Огромную топь называли Ня-за-чать, что означает: «Топь единой ночи небесного вознесения».

Много лет спустя У-ди, государь из правившего в Поднебесной дома Лян, послал Чэнь Ба-сяня с войском, дабы завоевать Юг. Король паи Ли Нам Де поставил Чи-еу Куанг Фука верховным начальником и велел преградить путь врагу. Куанг Фук укрыл своих воинов посреди болот Ня-за-чать. Топь была обширна и глубока; вражеские отряды, увязая в трясине, двигались с немалым трудом, между тем Куанг Фук, посадив своих воинов на плоскодонные лодки, захватывал врага врасплох, отбивал припасы и долгим противодействием своим истомил его вконец. Прошло три, а то и четыре года, но Ба-сяню так и не удалось встретиться с Куанг Фуком в открытом бою.

— Горе! — воскликнул тогда Ба-сянь. — Топь единой ночи небесного вознесения назовут ныне «Топью единой ночи людской гибели».

Когда начался мятеж Хоу Цзина, лянский государь отозвал Ба-сяня, возложив начальствование на помощника его Ян Чапя, весьма искусного полководца. Куанг Фук начал поститься, воздвиг посреди топи алтарь, стал жечь благовония и молиться. Внезапно явился ему Донг Ты верхом на драконе. Спустился он к алтарю и сказал:

— Отсюда Мы вознеслись на небо, и чудотворный дух Наш доныне витает здесь. Нам известно, что ты молился всем сердцем, и за это Мы поможем тебе расправиться с врагом.

С этими словами он вырвал у дракона коготь и сказал далее:

— Возьми коготь и укрепи его на боевом племе. Он принесет погибель захватчикам.

Тут Донг Ты взлетел в поднебесье и скрылся.

Куанг Фук издал ликующий клич и со всею мощью обрушился на врага. Лянское войско потерпело страшное поражение. Ян Чань был обезглавлен на поле брани, полчищам его пришлось убраться восвояси.

Когда скончался государь Ли Нам Де, Куанг Фук объявил себя королем под именем Чиеу Виет Вьонг и выстроил крепость близ Буйволово́й горы, что в уезде Вунинь,

Рассказ о бетеле

В древние времена у короля был сын необычайной силы и огромного роста. Отец дал ему имя Као, что означает «Высокий», и стало оно его родовым именем. У Као родились два сына, похожие один на другого, словно две капли воды; старшего называли Тан, младшего — Ланг.

Когда одному исполнилось восемнадцать лет, а другому — семнадцать, они осиротели, и даос Лыу Хюйен взял их к себе в ученики.

Жила в тех местах девица семнадцати или восемнадцати лет по имени Лиен, доводившаяся Лыу родней. Она весьма приглянулась обоим братьям, и каждый в душе решил жениться на ней. Девица же, догадавшись об этом, но не зная, кто из них старше, подала им миску похлебки и одну пару палочек на двоих. Младший, понятно, уступил палочки старшему, чтобы тот поел первым. Тогда девица пришла к родителям и попросила выдать ее за Тана.

После женитьбы Ланг оставался вместе с ними, однако Тан уже не мог проводить с братом столько же времени, сколько прежде, и был с ним не столь приветлив и ласков. Ланг долго сокрушался, решив, будто брат ради молодой жены и думать о нем забыл, и однажды, не простившись, не сказав никому ни слова, вышел из дому и углубился в лес. Посреди леса ему встретилась глубокая и быстрая речка; лодки для переправы он не нашел, зарыдал с горя и умер, превратившись в дерево подле речного устья.

Старший брат, хватившись младшего и нигде его не находя, отправился на поиски. Дойдя до речки, он упал на землю у того самого дерева и умер, оборотившись камнем, прильнувшим к древесным корням.

Жена пошла искать мужа, дошла до того места, упала на землю, обвила руками камень, и умерла, сделавшись ползучим растением с горько пахнущею листвою, побеги которого оплели и дерево и камень.

Отец и мать Лиен бросились искать свое дитя и тою же дорогой пришли к реке; там, безмерно скорбя, они поставили помпальный храм — миеу, после чего вернулись домой. Ночью явились им во сне оба брата и поклонились, сложив на груди ладони.

— Мы свято берегли братские узы, — сказали они. — Переступив их, мы не смогли жить долее, и из-за нас погибла и ваша дочь. Но вы не только не призвали на нас кару, но еще и построили миеу в память о нас.

Следом за ними явилась сама Лиен и сказала так:

— Вы породили меня, вырастили и выпестовали, а я, увы, ничем не воздала вам за великие ваши заботы. Я помнила только о долге супружества и старалась быть хорошей женой, но я забыла дочерний долг. Умоляю вас о прощении,

— Дети, — ответили им отец и мать Лиси, — вы твердо хранили братскую верность и супружеский долг. За что же нам упрекать вас? Жизнь и смерть двуседины, — продолжали они, — не лучше ли поскорее уйти к усопшим и не терзаться всё печалью и горем!

Окрестные жители, воздавая хвалу преданным братьям и верным супругам, приносили в миеу дары и воскуряли там благовония.

Однажды, — это было в седьмом или восьмом месяце, когда еще не спала жара, — король Хунг Выонг, объезжавший свои владения, остановился на отдых в прохладной тени у миеу. Увидев дерево с густой листвой, опутанное лианами, он сорвал плод с дерева и лист с лианы, положил то и другое в рот и, разжевав, сплюнул слюну на камень. Послышался приятный запах, и на камне проступило красное пятно. Хунг Выонг приказал обжечь этот камень и стал жевать древесный плод и лист лианы вместе с известью, которая получилась из камня. Он ощутил сладостный вкус и благоуханный запах; губы у него заалели, на щеках показался румянец. Хунг Выонг пришел в восхищение и велел запасти для него побольше и листьев, и плодов, и извести.

Дерево это, именуемое с тех пор танлангом, и ползучее растение, названное бетелем, выращивают ныне повсюду. И с тех пор у нас, в стране Юга, всякий раз, когда сходятся гости на свадьбу или иной какой-нибудь праздник, прежде всего подаются плоды танланга — арека, завернутые вместе с известью в листья бетеля.

Рассказ о новогодних пирогах

После того как король наш Хунг Вьонг разгромил иньские орды и держава его обрела покой и благоденствие, решил он уступить престол одному из своих детей. Король немедленно созвал всех принцев и принцесс, а было их два десятка и еще двое, чтобы объявить им о своем решении.

— В скором времени Мы сложим с себя королевскую власть, но достанется Наш престол тому только, кто преподнесет Нам в конце года наилучшие и вкуснейшие яства, чтобы не стыдно было возложить их на алтари почивших государей, прародителей Наших.

Принцы тут же бросились на поиски всего самого лакомого, самого редкостного и небывалого: плодов земли, порождений моря — всего и не перечесть. Один только восемнадцатый принц по имени Ланг Лиеу, чья мать, давно покинутая государем, умерла в одиночестве, не находил себе места от волнения и тревоги. Ведь почти никто из придворных не желал помочь ему хотя бы со-

ветом, и даже во сне он не знал покоя. Но эст как-то явился ему в сновидении дух и сказал:

— Среди всего сущего на земле и в небе, среди драгоценнейших сокровищ нет ничего, что могло бы сравниться с рисом. Рис насыщает людей, дает им здоровье и силу и никогда не приедается. Итак, возьми клейкого риса и приготовь из него пироги; одни сделай круглыми, как небо, другие — четырехугольными, как земля. А начинка их пусть пахнет вкусом своим о великих трудах родителей, зачинающих и пестующих потомство свое. Оберни пироги листьями и принеси государю.

Ланг Лиеу проснулся и радостно воскликнул:

— О, счастье, вот и помог мне всемогущий дух!

И он тотчас принялся за дело: нашел клейкий рис отменной белизны, выбрал округлые и неповрежденные зерна, тщательно промыл, слепил из них четырехугольный пирог с чудесной начинкой, означающий землю и все живое, и, обернув листьями, парил его до тех пор, пока он не поспел. Этот пирог называли впоследствии «бань тинг». Потом он взял сваренный клейкий рис и, размяв его, вылепил круглый пирог, означающий небо. Пирог этот нарекли «бань зай».

В положенный срок принцессы и принцы собрались ко двору, и государь стал с удовольствием разглядывать припесенные ими яства. Тут были все известные доселе наилучшие и редкие кушанья, ни одно лакомство не было забыто. И только Ланг Лиеу принес какие-то невзрачные пироги. Изумленный король приступил к нему с расспросами, и принц поведал ему о своем сне. Хунг Вьонг отведал пирогов и нашел, что они великолепны, более того, что они гораздо вкуснее яств, приготовленных прочими его детьми. Чем больше король ел пирогов Ланг Лиеу, тем больше они ему нравились, он причмокивал языком,

нахваливал угощение восемнадцатого принца и наконец признал его победу надо всеми братьями и сестрами.

С тех пор во время празднования Нового года король, поминая своих родителей, возлагал на жертвенный алтарь пироги Ланг Лиеу. Примеру государя последовали и все его подданные, так что теперь, по причине сходного начертания иероглифов и созвучности слов, имя Ланг Лиеу превратилось в Тиетлиеу, что означает: «Кушанья первого дня Нового года».

Король тогда же уступил Лиеу престол, а братьев и сестер его назначил правителями в разных землях державы.

Впоследствии началась между ними свара, военачальники их повадились нападать друг на друга, поэтому люди, желая обезопасить себя, стали обносить дома частоколами. Так возникли горные селения, деревни в долинах и городища.

Рассказ об арбузе

В царствование короля нашего Хунг Вьонга жил чиновник по имени Май Тиём, родом чужестранец. Ему было семь или восемь лет, когда государь выкупил его у приплывших из-за моря иноземных купцов и взял на дворцовую службу. Мальчик был открыт лицом и честен правом. С возрастом он постиг и держал в памяти многие важные знания. Король дал ему имя Май Иён, прозвище Ан Тиём, а также даровал супругу. В счастливом браке у Тиёма родились сын и дочь. Государь полюбил Тиёма и, проникаясь к нему все большим доверием, назначал на высокие должности. Много времени не прошло, а Тиём уже сделался знатным вельможей и скопил несметные богатства. Он стал заносчивым и кичливым и частенько говаривал:

— Отнюдь не королевской милости Мы обязаны своим благополучием, а только себе самим.

Услыхав это однажды, государь чрезвычайно разгневался и сказал:

— Итак, слугу Величества обуяла гордыня. Подданный не испытывает к Нам ни малейшей признательности и утверждает, будто всего достиг самолично! Что ж! Сошлите его с семьей на необитаемый остров посреди моря, и Мы посмотрим, много ли он добьется там собственным старанием?

И Тиема тут же сослали на пустынный остров в морском заливе, омывающем земли уезда Нга-шон. Еды ему оставили немного — на четыре, от силы на пять месяцев. Потом его ждала верная смерть. Жена Тиема заплакала с горя, но он успокоил ее:

— Ведь нас породило небо, значит, оно нас и прокормит. В животе ли, в смерти ли — властно оно одно, стало быть, и тревожиться нам не о чем.

Вдруг видят они белоперого фазана, летящего с западной стороны. Фазан опустился у подножья горы и прокричал четырежды или трижды, обронив на песок шесть или семь семян неведомого растения. Семена проросли, дали зеленые всходы, а вскоре на них появились крупные плоды. Обрадованный Аи Тиём воскликнул:

— Да это вовсе не чудо! Это всего только пища, небом ниспосланная.

Он разрезал плод и отведал его. Плод отличался прекрасным вкусом и свежим, бодрящим запахом. Тиём собрал его семена и посадил их на будущий год. Плодов уродилось столько, что ни Тиём, ни жена Тиема, ни дети не в силах были съесть всего, и Тиём стал выменивать их на рис. Названия этих плодов он не знал, но поскольку фазан, принесший в клюве их семена, прилетел с запада, то и названы они были «Западными плодами». Рыбари и купцы, едавшие Западные плоды, восхваляли их вкус; жители ближних и дальних деревень просили у Тиема семена и разводили Западный плод на своих землях.

Накопец король вспомнил про Тиема и послал узнать, жив он еще или умер. Посланец вернулся и доложил ему обо всем, что случилось с Тиемом. Король тяжело вздохнул:

— Как видно, он говорил правду, что всем обязан самому себе; поистине, это так.

Особым указом он вернул Тиему прежнюю должность и дал людей в услужение.

Остров, который был прибежищем Ан Тиема, получил его имя, а деревню, лежавшую поблизости, назвали Май-тхон, то есть «деревня Мая». Иные, движимые желанием возвеличить родословную Ан Тиема и почитать его предков, утверждают, будто они вышли из округа Ан-тием, что в земле Тхань-хоа.

Рассказ о пещере Виет

Пещера Виет находится подле Буйволово́й горы, что в уезде Ву-нинь.

При короле нашем Хунг Выонге Третьем иньский государь отправил песметное войско, чтобы завоевать страну Юга. Пока войско врагов стояло лагерем у Буйволово́й горы, король вознес Лаунг Куану молитву о помощи, и тот ответил: «Если отыщете могучего мужа, наделенного талантом воителя, враги ваши будут разбиты».

Тогда-то и случилось, что Великий князь духов Шаук Тхиен Выонг, охраняющий северные пределы, снова приняв земное обличье, оседлал железного коня и бросился в бой. Иньские военачальники вместе со всем войском поворотили вспять и бежали. Государь иньский принял смерть у подножья горы и сделался владыкою в подземном царстве; окрестные жители поставили в его честь поминальный храм. Однако с течением времени храм был забыт и пришел в запустение.

После того как пали Чжоу и воцарились государи из дома Цинь, некто по имени Тхой Лыонг, уроженец нашей земли, поступил к Циням на службу. Стараниями и талантом достиг он важных чинов и сделался советчиком государя. Тхой Лыонг нередко проезжал близ Буйволово́й горы и всякий раз, глядя на заброшенный храм, искренне огорчался. Наконец однажды он привел храм в надлежащий вид, обновил его снаружи, а на стене храма начертал следующие стихи:

Великий царь из дома Инь,
чью память чтит народ,
Пришел когда-то в этот край
прекрасных гор и вод.
В зеленой куще над водой
стоит забытый храм.
Скончался царь, но до сих пор
молва о нем живет.
Победы, горести умрут,
но не дела царя,
Чья сила — щит земли Вьет,
незыблемый оплот.
И все возносят, как один,
свои мольбы к нему:
Пускай он долгие века
державу бережет.

Долгие годы спустя военачальники Жэнь Сяо и Чжао Та, вторгшись в страну Юга, укрыли свое войско под Буйволово́й горой, близ этого храма. Тогда же они приказали исправить все повреждения, причиненные храму временем и непогодой, и вознесли молитвы.

Между тем иньский государь, тронутый добродетельным поступком Тхой Лыонга и желая вознаградить его, послал в мир фею Ма Ко, с тем чтобы она его отыскала. Но Лыонг к тому времени уже умер, оставив после себя единственного сына по имени Ви, который находился в

странствиях, постигая науки и набираясь житейского опыта.

В тот год в начале первого месяца к храму сошлось немало окрестного люда, и некий паломник пожертвовал для алтаря два превосходных хрустальных сосуда. Фея Ма Ко залюбовалась ими, взяла один из них в руки, но печаянно выронила его, и сосуд раскололся. Люди схватили Ма Ко, требуя, чтобы она возместила причиненный храму ущерб. Фея была в старой, прохудившейся одежде, поэтому люди не признали ее и стали нещадно избивать. Только Тхой Ви пожалел ее. Он снял с себя дорогие одежды и выкупил фею. Ма Ко расспросила Ви, из каких он мест и куда направляется, и юноша поведал ей историю своей семьи. Узнав, что перед нею единственное дитя Тхой Лыонга, Ма Ко обрадовалась и сказала:

— Увы, Нам нечем выразить сейчас свою благодарность, но придет срок и воздастся тебе по заслугам. — С этими словами она протянула Ви пучок полыни и добавила: — Береги ее и не отдавай никому. Если у кого на голове вырастет шишка, от этих листьев она вмиг пропадет, а ты обрешь богатство и знатность.

Ви принял подарок, но он не знал, что это — снадобье духов. Как-то он навестил даоса Ынг Хюйена, сердечного своего друга. На голове у Ынг Хюйена росла шишка.

— Есть у меня целебные листья полыни, — сказал Ви. — Они могут излечить твой недуг.

Хюйен попросил Ви испытовать на нем свое снадобье, тот приложил его к опухоли, и шишка сразу пропала. Хюйен сказал:

— Я знаю, это — снадобье духов, но не могу сейчас ничем отблагодарить тебя. Поэтому позволь, я выражу свою признательность тем, что познакомлю тебя с неким вельможей, страдающим тем же недугом, что и я. Вель-

можя этот уже не раз обещал тому, кто его вылечит, немалую толику от своих богатств.

С тем Ынг Хюйен и отвел Ви в дом вельможи. Ви приложил к опухоли полынные листья, и, само собою, шишка, росшая на голове у хозяина, исчезла. Вельможа, — а это был Жэнь Сяо, — на радостях усыновил Тхой Ви, поселил у себя в доме и нанял ему учителей, чтобы Ви, в ожидании достойного поприща, усовершенствовал свои познания.

Тхой Ви был наделен от природы преострым умом, любил читать книги и прекрасно играл на цитре. Он пришелся весьма по сердцу дочери Сяо по имени Фан Жун, или, «Душистый лик», едва она его увидела, и они, времени не теряя, соединились друг с другом. Узнав об этом, Жэнь Фу, сын Сяо, решил погубить Тхой Ви, принеся его в жертву злему духу Сыонг Куонгу. Хитростью завел он Тхой Ви в отдаленный покой и там сказал ему:

— В конце года приносят жертвы злему духу Сыонг Куонгу. Пока еще не выбран человек для заклания, тебе не стоит показываться на людях, а лучше всего, схоронись-ка ты здесь, в потаенном покое.

Так он сказал, а Ви, ни о чем не подозревая, с ним согласился, после чего Жэнь Фу запер дверь на ключ. Однако Фан Жун сумела передать Тхой Ви нож, которым тот сделал подкоп, и выбрался на волю.

Ночью, таясь ото всех, Ви отправился к Ынг Хюйену, за помощью и приютом. Желая забраться повыше в горы, он сильно спешил; в горах же была пропасть, он оступился и полетел вниз по крутому склону. Пробило уже первую стражу, когда упал Тхой Ви на дно пропасти. Поначалу от ужасной боли он не мог даже пошевелиться. Так он пролежал час, а то и два, пока наконец собрался с силами, приподнялся и сел. Тем временем полуденные лучи солнца осветили пещеру, и Тхой Ви увидел кругом

себя одни только отвесные скалы, не имевшие ни трещины, ни хотя бы малейшего уступа; прямо перед ним невдалеке зияла пещера, а над нею с крутой скалы свисали каменные сосульки.

Внезапно он увидел белого змея в сто чыонгов длиной с золотым гребнем на голове. У змея были красная пасть, синие усы и белые плавники, на шее раздувалась огромная шишка, а на лбу горела золотая надпись: «Сын государя из столицы». Змей объел каменные сосульки и уполз в пещеру.

Так прошло три дня и три ночи; на четвертый день Тхой Ви, мучимый голодом, принялся тайком грызть каменные сосульки. Обнаружив, что кто-то трогал его еду, и чрезвычайно тому изумившись, змей стал оглядываться, лица, кто бы это мог быть. Наконец он заметил Ви и уже изготовился было проглотить его, но тот в ужасе упал перед ним ничком и начал кланяться, приговаривая:

— Я шел по горам, спасаясь от верной смерти, и вот — о, несчастье! — свалился в ваше ущелье. Еды у меня никакой не было, и, мучимый голодом, я осмелился посягнуть на ваши кушанья. Слов нет, вина моя велика! Но вот я вижу на шее у вашей милости опухоль, а у меня с собою — целебные листья полыни. Позвольте заглянуть мой проступок, испытайте мой жалкий дар врачавателя.

Змей кивнул головой, давая понять, что желает исцелиться. Вдруг засиял свет, и на дно ущелья упал пылающий уголь. Тхой Ви посветил себе, сделал все, что полагалось, и опухоль тотчас исчезла. Змей выгнул перед ним спину, как бы приглашая сесть на него верхом. Ви взобрался к нему на спину, и змей во мгновение ока доставил его к выходу из ущелья. Как раз пробили вторую стражу, и дорога об эту пору была пуста. Взмахнув хвос-

том, змей подал Тхой Ви знак сойти на землю, после чего вернулся к себе в пещеру.

Вскоре Тхой Ви снова сбился с пути и в тревоге остановился, как вдруг увидел впереди себя высокие городские стены и ворота, покрытые сверкающими красными изразцами; над стенами поднималось некое дивное сияние. На воротах висела красная доска с надписью из золота: «Город иньского государя». Усевшись подле ворот, Ви увидал за ними озеро, посреди которого плавали лотосы всех пяти цветов, а вокруг красовались софоры и пвы. От озера шла дорога, вымощенная гладкими кирпичами, вдоль дороги стояли нефритовые дворцы и жемчужные храмы — просторные, с высокими кровлями. В глубине дворца виднелось драгоценное ложе, застланное покрывалом с серебряными цветами, а рядом — цитра и гусли, но нигде Тхой Ви не заметил людей, везде царило молчание. Он вошел во дворец и заиграл на цитре. Тотчас же растворились двери, и появилась иньская государыня в сопровождении свиты из сотен духов и фэй.

— Откуда вы к нам, сановный Тхой Ви? — спросила приветливо государыня и пригласила его подняться в дворцовый зал.

— Некогда, — начала она свой рассказ, — дворец иньского государя был заброшен и пришел в запустение, никто не возлагал в нем даров, никто не читал молитв. Лишь благодаря заботам советника Тхой Лыонга он был восстановлен и изукрашен заново. С тех пор, следуя прекрасному примеру, люди неизменно приходят туда помолиться и возлагают дары. Мы повелели фее Ма Ко отыскать советника Тхой Лыонга и принести ему Нашу благодарность, но не суждено ей было повстречать советника, она нашла только его благородное чадо. И хотя нечем было тогда отдарить вас по заслугам, супруг Наш и повелитель знал, что не сегодня-завтра вы все равно

явитесь к Нам погостить. Увы, накануне он получил грамоту с наказом явиться в Небесный дворец, и сейчас его нет дома.

Вслед за тем слуги внесли множество вин и яств, и начался пышный пир. По окончании пиршества в зал вошел человек с длинными усами и толстым чревом и, преклонив колени, доложил государыне:

— В тринадцатый день первого месяца пришелец с Севера Жэнь Сяо убит злым духом Сыонг Куонгом.

Государыня молвила:

— Саповный Ян, доставьте благородное чадо семьи Тхой обратно на землю.

С тем она удалилась.

Сановный Ян велел Тхой Ви зажмурить глаза и усесться к нему на плечи. Прошло немногим более четверти часа, и они опустились на вершину горы. Сановный Ян превратился в каменного козла, ведь иероглифы «ян» — «имя» и «яп» — «козел» созвучны; камень этот по сию пору стоит на Буйволово́й горе, прямо за пагодой Чиеу Виет Вьонга.

Ви пришел к Ынг Хюйену и поведал ему в подробностях обо всем, что с ним приключилось.

В первый день восьмого месяца, едва солнце стало клониться к закату, Ви и Хюйен отправились на прогулку и повстречали фею Ма Ко; она привела Тхой Ви девицу в жены и вручила ему камень Лаунг-туи, или «Драконову лазурь». В древности подобных камней было два — от женского и мужского начал; со времен самого Хуан-ди и вплоть до воцарения Иньского дома их передавали с рук на руки и хранили как величайшие сокровища. И хотя в битве у Буйволово́й горы иньский государь, носивший при себе этот камень, погиб, а камень очутился под землею, но и тогда сиянье его озаряло край небес.

В годы жестоких войн, случившихся при государях из дома Цинь, все дорогие камни рассыпались золой на пожарищах. Однако чудесное сияние возвестило людям, что бесценная Драконова лазурь цела и находится в стране Юга, и тотчас из самых дальних земель начали они стекаться на ее поиски. Тогда-то иньский государь и прислал Тхой Ви несравненный камень в знак благодарности. Люди собрали золото, серебро и дорогие шелка и, оценив камень в сто тысяч связок монет, выкупили его у Тхой Ви, который сразу сделался великим богачом. Через некоторое время фея Ма Ко снова явилась к нему и увела его и его супругу неведомо куда; быть может, они и сами обратились в духов.

Пещера Виет ныне обрушилась, а широкий провал, зияющий в том месте, нарекли Виет-тинь-кыонг, то есть «Ямой пещеры Виет».

Рассказ о Золотой черепахе

Король Ан Зыонг, царствовавший в Ау-лаке, происходил из земли Ба Тхук, из рода Тхук, и звали его Фан. Дед его сватался некогда к Ми Ньюнг, дочери короля Хунг Выонга, но услышал в ответ отказ и воспылал ненавистью и жаждой отмщения. Фан, согласно дедовской воле, пошел на Хунг Выонга войной, разбил его, стер с лица земли державу Вап-ланг, название ее сменил на Ау-лак, после чего под именем Ан Зыонга взошел на престол и заложил крепость в земле Виет-тхыонг. Однако едва только начинали класть стены, как они тут же рушились. Король возвел алтарь и начал поститься, вознося молитвы духам и божествам.

Седьмого числа третьего месяца явился с восточной стороны старец, подошел к крепостным воротам и с досадой промолвил:

— Когда ж наконец соорудят эти стены!

Король пригласил его во дворец, воздал ему достойные почести и сказал:

— Не раз и не два возводили Мы эту стену, но всякий раз она обрушивалась вровень с землей. Столько великих усилий положено понапрасну — отчего это?

— Ждите посланца вод Чистой реки, — отвечал старец, — с его помощью ваше дело благополучно завершится.

Старец отвесил поклон и удалился.

На следующий день король вышел к Восточным воротам и стал ждать; вдруг показалась с востока Золотая черепаха, поднялась над волнами и ясным человеческим голосом назвалась посланцем вод Чистой реки, постигшим события небесные и земные, тайны жизни и смерти, деяния духов и нечистой силы.

Король воскликнул:

— Все так, как и предсказывал Нам старец.

Тотчас послал он за золотым подносом, на котором черепаху и отнесли в город; во дворце король пригласил ее присесть и попросил ответить, в чем причина его неудачи.

— Зловредные начала — в недрах горы Виет-тхыонг, — отвечала Золотая черепаха. — Это короли минувших времен, жаждущие отомстить за посрамление их державы. Мешает также белый петух. Прожив на свете тысячу лет, он сделался оборотнем и укрывается ныне в горе Тхат-зиеу-шон, что значит: «гора Небесных светил». В той же горе обитают привидения — души погребенных в ней музыкантов, игравших при древних, исчезнувших ныне династиях. Неподалеку отсюда есть постоянный двор. Владелец его — Нго Кхонг. Проживает с ним вместе дочь — девица и упомянутый белый петух, поистине бесовское отродье; всякий раз, когда путники остаются там на ночь, нечистая сила преображается в десять тысяч существ и принимает десять тысяч обличей, чтобы им навредить. Великое множество людей уморили они. Недавно белый

петух сочетался браком с хозяйской дочкой. Убейте белого петуха, и все оборотни вмиг погибнут; сущность их, сделавшись сгустком холодного мрака, обернется совою, сова взлетит на сандаловое дерево, а в клюве у нее будет письмо к Небесному императору с просьбой разрушить крепость дотла. Тут я ее, с вашего соизволения, укушу, письмо упадет, а вы, государь, тотчас его подберите. Только после этого можно будет построить крепость.

Золотая черепаха научила короля притвориться путником, ищущим на постоялом дворе ночлега, а ее попросила взять с собою и оставить в комнате у дверей.

— По ночам у нас нечистая сила губит людей, — сказал королю Нго Кхонг. — Прошу вас, господин, уходите, покуда еще не стемнело, вам тут нельзя оставаться.

Король, усмехнувшись, ответил:

— Жизнь и смерть определены судьбой, оборотни перед ней бессильны, а Нам не страшны.

Поздней ночью явился оборотень и стал кричать:

— Кто это здесь такой, почему двери перед нами не растворяет?

— А если двери останутся закрытыми, что тогда, презренный? — воскликнула Золотая черепаха.

Нечистая сила стала принимать сотни обличей, превращаться в тысячи разных существ, прибегать к десяти тысячам уловок и хитростей, но так и не сумела проникнуть в дом.

С рассветом оборотни бросились наутек. Золотая черепаха вместе с королем устремила за ними в погоню, но у самой горы Небесных светил оборотни пропали из виду. Король сразу же возвратился на постоянный двор.

Наутро хозяин послал прислугу прибрать труп ночлежника и схоронить его, но оказалось, что гость их цел и невредим, да еще улыбается как ни в чем не бывало. Бросился хозяин к королю, поклонился и сказал:

— Вы, господин, как видно, святой, коли остались живы в этом страшном месте. Откройте и нам чудесное средство, чтобы спасти других.

— Убей белого петуха, принеси его в жертву духам, и нечистая сила сразу исчезнет, — ответил король.

Нго Кхонг внял его совету. Едва он зарезал белого петуха, хозяйская дочь поворотилась и испустила дух. Раскопав подножье горы Небесных светил, королевские слуги нашли там множество древней музыкальной утвари и человеческие кости. Они сожгли все это, а пепел сбросили в реку.

На закате солнца король и Золотая черепаха взобрались на гору Виет-тхыонг. Нечистая сила тем временем превратилась в сову с шестью лапами, сова взлетела на сандаловое дерево с письмом в клюве. Золотая черепаха, обернувшись черной мышью, подкралась сзади к сове и укусила ее за лапу. Письмо свалилось на землю, король быстро подобрал его и разорвал в клочки. Так была побеждена нечистая сила.

Спустя полмесяца крепость была построена. Ширина ее составляла более тысячи чыонгов; стены поднимались кверху уступ за уступом, как завитки раковины, оттого и нарекли крепость Лоа-тхань — «Крепость-улитка»; называли ее также крепость Ты-лаунг, то есть «Воспоминание о драконе», а во времена Танской династии из-за огромной ее высоты крепость прозвали Куньлуньской, ибо Куньлунь — название высочайшей горы.

Золотая черепаха прогостила у Ан Зыонга три года, затем распрощалась со всеми и воротилась восвояси. Прощаясь с нею, благодарный король сказал:

— Лишь с вашею помощью возведены эти стены. Но если нагрянет враг, чем Мы его отразим?

— Судьбы царств, их величие и паденье, покой и вражья напасть — все предопределено небом, — ответила

Золотая черепаха, — государь же добродетелями своими и неукоснительным следованием закону может продлить благоприятные судьбы державы. Но если король выражает беспокойство, разве можем Мы отказать ему в помощи.

Она выдернула коготь и протянула его королю:

— Велите выточить из моего когтя спусковой крючок к самострелу. Выстрелите из этого самострела, а о прочем не беспокойтесь.

С тем Черепаха возвратилась в восточные воды.

Король приказал Као Ло изготовить самострел и сделать к нему спусковой крючок из черепашьего когтя. Назвали его «Чудесный самострел Золотой черепахи». Однажды князь из рода Чжао, по имени Та, вторгся в наши земли и начал войну с королем. Государь выстрелил из Чудесного самострела, и войска Чжао Та были разбиты наголову; побежали они к Буйволово́й горе и, не смея более противиться королевскому войску, запросили мира. На радостях король решил так: земли к северу от Малой реки отойдут к Чжао Та, а те, что к югу, останутся под его рукой.

В скором времени Чжао Та отправил к Ан Зыонгу сватов. Государь, ни о чем не подозревая, отдал свою дочь по имени Ми Тяу — «Прекрасная жемчужина», за сына Чжао Та, которого звали Чжун-ши. Чжун-ши подговорил Ми Тяу втайне от всех показать ему Чудесный самострел, затем украдкой вырезал точно такой же спусковой крючок и, подменив им коготь Золотой черепахи, объявил жене, что едет на север, так как настало-де время проводить отца.

— Узы супружеской любви перасторжимы, но равно нерушим долг перед родителями. Ныне я собираюсь проводить отца. Ежели случится так, что мир между нашими странами нарушится, и Север и Юг отойдут друг от друга,

я все равно буду повсюду искать тебя. Назови же мне примету, по которой я мог бы найти тебя.

— Увы, горька моя женская доля, — отвечала Ми Тяу супругу, — чует мое сердце, что не спести мне тяжести разлуки с тобой. Запомни, надену я платье из гусиных перьев. Где бы я ни очутилась, везде буду выдерживать их и бросать на перекрестках дорог. Так мы отыщем друг друга и спасемся.

И вот Чжун-ши привез отцу волшебный коготь. Обрадованный Чжао Та тотчас выступил в поход против Ли Зыонга. Государь же, полагаясь во всем на свой Чудесный самострел, отдавал все свое время шахматной игре. Поэтому, услыхав о приближении неприятеля, он только усмехнулся:

— Как видно, Та уже не страшится Чудесного самострела?!

Когда полчища Чжао Та приблизились к крепости, Ли Зыонг взял самострел, но, обнаружив, что драгоценный крючок исчез, отшвырнул его прочь и обратился в бегство. Он усадил Ми Тяу позади себя на коня и помчался на юг. Чжун-ши, находя на дороге гусиные перья, следовал за беглецами по пятам. Король доскакал до самого моря, дорога здесь обрывалась, а лодки поблизости не было.

— Это небо карает Нас! — вскричал в отчаянии король. — Где ты, о посланец вод Чистой реки, приди к Нам на помощь!

Золотая черепаха всплыла над водой и закричала:

— Сидящий позади тебя — виновник всех твоих несчастий!

Король выхватил меч и, не раздумывая, отрубил дочери голову. Перед смертью Ми Тяу взмолилась:

— Увы, такова женская судьба! Если замыслила я в сердце своем против отца, пусть стану после смерти

прахом нечистым. Но если была верна дочернему долгу и согрешила безвинно, обманутая злыми людьми, пусть стану я жемчугом, чтобы очиститься мне от позора и причиненного мною зла.

Ми Тяу умерла на морском берегу; кровь ее, стекавшую в море, заглотали жемчужницы, и каждая капля стала чистым жемчужным зерном.

Король взял в руки носорожий рог семи пядей в длину, воды расступились, и Золотая черепаха увела его за собой на морское дно.

Говорят, будто случилось все это на землях За-шон, что в местности Као-са, в округе Зиен-тяу. Воины Чжао Та, достигнув наконец этих мест, нашли там только мертвую принцессу Ми Тяу. Чжун-ши обнял бездыханное тело супруги и отвез в лоа-тхань, чтобы похоронить. Тело ее превратилось потом в камень нефрит. Чжун-ши еще долго скорбел и сокрушался безмерно, но однажды во время купанья ему почудилось, будто видит он на воде отраженье Ми Тяу. Тогда он бросился в колодец и умер.

Люди, жившие позже них, открыли: ежели жемчуг, добытый со дна Восточного моря, омыть в воде из того колодца, то станет он чистым, заблестит и заиграет многими красками. Избегая называть имя Ми Тяу, нарекли они эти жемчужины перлами — большими и малыми.

Рассказ о Горе-балдахине

Гора Тан-виен расположена к западу от Тханглаунга, столицы государства Нам-виет. Вершина ее возносится на двенадцать тысяч триста чыонгов, а путь вдоль ее подножья равен девяноста восьми тысячам чыонгов. Поднимаясь к небу тремя округлыми уступами, напоминает она балдахин, именуемый «таном»; оттого и зовется гора — Тан-виен, то есть «Гора-балдахин». Согласно сочинению Танского монаха «Вступление к плачу о Цзяочжоу», Великого князя этой горы звали Шон Тинь, что означает: «Дух гор», и происходил он из рода Нгуен. Чудотворная сила Духа не знала границ. Стоило только во время засухи или же в дни наводнения вознести ему молитву, попросить у него защиты от бед и напастей, и он тут же помогал людям.

Обычно в ясные дни кажется, будто в ущельях Горы-балдахина проплывают знамена и стяги. Говорят, что это шествует сам Дух гор со своими войнами.

Когда Гао Пянь был послан танским государем в Аппам, он вознамерился было изгнать оттуда всех тамошних

духов. Он приказал привести девицу семнадцати лет от роду и не познавшую мужчин, вспороть ей чрево и вырвать внутренности, после чего набить ее травой и, обрядив в платье, усадить на алтарь, поднеся жертвенное мясо буйвола и быка. Ежели тело девицы хотя бы слегка шелохнется, надлежит отсечь ей голову. К этой уловке прибегают всякий раз, когда хотят известить духа обманом. Так, Гао Пянь, решивший с помощью подобного обмана известить Духа гор, вдруг заметил, что тот во весь опор скачет по облакам на белом коне. Приблизившись, Дух гор плюнул на чучело и умчался.

— Увы! Духов земли Юга трудно постичь и того трудней обмануть, — посетовал Пянь. — Кто знает, когда иссякнет их чудотворная мощь!

Вот какова была сила волшебства!

В давние, незапамятные времена Великий князь Дух гор нашел несравненной красоты гору. Это и была Гора-балдахин. Едва ее увидев, он тотчас проложил дорогу от пристани Белая изгородь через ущелье Ап-ве, к южному ее склону, туда, где берет начало ручей. Вдоль дороги он воздвиг дворцы и построил беседки для отдохновения. Затем он взошел на окутанную тучами вершину, где и решил поселиться. Время от времени Дух гор разъезжал в своей ладье по Малой Желтой реке, любясь рыбной ловлей, и, если останавливался в какой-нибудь из деревень, непременно сооружал там дворцы и беседки. Многие годы спустя люди находили следы построек Духа гор, ставя в тех местах дены и мисы для возложения даров и молитв.

Согласно другому древнему преданию, изложенному в сочинении Лу-гуна «Записки о Цзяочжоу», Великий князь Дух гор из рода Нгуен жил в согласье и радости вместе с водяными тварями в земле Зна-нинь, что в округе Фаунг-тяу. При чжоуском государе Нуань-ване король

наш Хунг Вьюнг Восемнадцатый пришел в земли Виетчи и Фаунг-тяу и основал там государство Вап-ланг. Была у него дочь Ми Ньюнг, внучка Божественного земледельца в двадцать седьмом поколении, отличавшаяся несравненной красотой. Фан, властелин страны Тхук, посягнул на нее, но король не дал на то своего согласия, ибо желал найти зятя великодушного и доброго.

Некоторое время спустя явились к королю двое: один назвался Шон Тинем, или Духом гор, другой — Тхюн Тинем, или Духом вод, и оба попросили отдать им в жены прекрасную Ми Ньюнг. Король предложил им сначала показать силу своего волшебства.

Дух гор протянул палец к горе, и камни расступились перед ним. Он беспрепятственно вошел в скалу и с такою же легкостью вышел из нее. Дух вод вобрал всю воду из реки и дунул ею в небеса, где она стала дождевыми тучами.

— Вижу, что волшебной силы вам не занимать, — молвил король. — Дочь у Нас только одна, и Мы отдадим ее за того, кто первым преподнесет свадебные дары.

На другое утро Дух гор поднес Ми Ньюнг множество дорогих камней, золота и серебра, диковинных птиц и редких зверей, королю подарки понравились, и он разрешил дочери принять их.

Дух вод явился позже Духа гор и уже не нашел Ми Ньюнг. Охваченный страшным гневом, он созвал всех водяных тварей, и вышли они в поход, чтобы отвоевать невесту. Дух гор перегородил железной решеткой реки в уезде Ты лием, но Дух вод тотчас же сотворил для Малой Желтой реки новое русло, и стала она впадать в Поющую реку — Хат-зианг. Затем он проник в воды Черной реки, чтобы нанести Горе-балдахину внезапный удар в спину. Он сотворил еще один речной проток и направил его Горе-балдахину в лоб. Он обрушил берега рек, зато-

пил их озерами и болотами, открыв тем самым удобные пути для водяных полчищ. Он наслал на гору бешеный вихрь с ливнем и тучами и стал поднимать речные воды. Преграждая дорогу воде, люди принялись забивать в землю колья и бревна, они застучали в барабаны и ступы и закричали что было мочи, призывая всех на подмогу. Увидав подплывавшие к частоколу сухую траву и ветки, люди выпустили в них множество стрел, и что же — убитые водяные ратники обратились в дохлых черепах и морских змеев, и было их столько, что они запрудили реку.

С тех пор это случается всякий год в седьмом и восьмом месяцах. Налетают ветры, вздуваются реки, они гудят посевам, и тамошний люд терпит страшные беды. Говорят, будто это Дух гор и Дух вод сражаются из-за прекрасной Ми Ныонг.

Великий князь Дух гор постиг тайну бессмертия небожителее, оттого чудотворная сила его и могущество беспредельны. Он — первейший среди добрых духов нашей страны Дай-виет.

Во времена государей из дома Чан пекий Нгуен Ши Ко, муж, удостоенный в королевской письменной палате «Лес кистей» чина хаук ши, направляясь походом на запад, побывал на Горе-балдахине и сложил такие стихи:

Известно: высокая эта гора —
 высокого духа приют.
На ней воспевали его в стихах,
 струился курильниц дым.
О дух, за которым пошла Ми Ныонг
 и стала творить чудеса,
Молю, защити ты меня среди битвы,
 щитом огради своим.

Рассказ о Ха О Лое

В третий год Унаследованного изобилия при короле нашем Чан Зу Тонге придворного по имени Данг Ши Зоань из деревни Ма-ла отправили послом в Китай. Супруга его, урожденная Ву, осталась дома.

Был в их деревне храм, посвященный духу-охранителю Ма-ла, и дух этот стал еженощно принимать облик Ши Зоаня и являться в его дом. Лицом и телом, поведением и походкой похожий на уехавшего супруга, он пробирался к Ву в опочивальню, соединялся с нею и уходил только с первыми петухами. Однажды Ву сказала:

— Ведь государь отправил вас послом на север: но вот вы по ночам возвращаетесь, почему же днем я вас не вижу?

— Сын Неба послал вместо меня другого, — солгал ей дух, — меня же оставил при себе, чтобы играть со мною в шахматы, и никуда не отпускает. Но я верен долгу супружества, потому украдкой навещаю тебя, чтобы

вкусить с тобой всю сладость любовных утех. Однако с рассветом я должен быть во дворце и оттого не смею побыть здесь подольше.

Раздался петушинный крик, и дух поспешил уйти, оставив Ву в тревоге и сомнениях.

На следующий год Ши Зоань воротился домой и нашел жену свою на сносях. Немедленно он доложил обо всем государю, и Ву бросили в темницу.

Тою же ночью пригрезился королю дух и почтительно молвил:

— О величество, пред вами дух Ма-ла. Жену мою, готовую разрешиться от бремени, присвоил Ши Зоань, лишив меня и супруги и чада.

Восстав ото сна, государь велел стражникам привести Ву и вынес такой приговор: «Жену возвратить Ши Зоаню, дитя же будет принадлежать духу Ма-ла».

Через три дня Ву разродилась диковинным темным комом, когда его надрезали, внутри оказался мальчик, черный, как тушь.

До двенадцати лет мальчик считался безродным, но потом король дал ему родовое имя Ха и нарек О Лоем, что означает: «Черный гром». И хотя был он чернокож, зато кругл и упитан — весь так и лоснился, будто смазанный салом. В пятнадцать лет государь призвал его ко двору и отнесся к нему с радушием и добротой, как к дорогому гостю.

Однажды, совершая прогулку, О Лой повстречал почтенного Люй Дун-биня.

— Чего бы ты хотел в сей жизни, отрок? — спросил его Люй Дун-бинь.

— Ныне Поднебесная пребывает в покое и мире, и в государстве — благоденствие и порядок, — вежливо отвечал О Лой. — Мне же ничего не надо, кроме сладкозвучного голоса и внешности, приятной взору.

— Обретая приятный голос и красоту, человек столько же в вино и утрачивает, — засмеялся Дун-бинь. — И память о нем хранят лишь собственные его современники.

Он приказал О Лою раскрыть уста, плюнул ему в рот и велел проглотить слюну. Затем вскочил на облако и исчез.

С той поры О Лой, хотя он по-прежнему не различал пачертанья и смысла нероглифов, сделался великим умником и острословом. Он сочинял превосходные стихи, песни и нгэмы и распевал их, вызывая зависть у ветра и прельщая луну в небесах. Голос его вилял вокруг строил и останавливал бегущие облака. Всякий, кому случалось услышать О Лоя, дивился его искусству. Когда О Лой проходил по мостам, висящим среди дворцов и храмов, и напевал свои нгэмы, они уносились ввысь, к далекому небу. Он удалялся, — но там, где ступала его нога, еще долго витали чудесные звуки песен. Женщины и девицы мечтали об О Лое, томились желанием взглянуть на него хоть раз.

Король говорил придворным:

— Ежели О Лой согрешит с чьей-нибудь дочерью и будет пойман с поличным, представьте его пред Наши очи. Мы выплатим жалобщику возмещение в тысячу связок монет. Но ежели кто убьет О Лоя или ранит, с того Мы взыщем в казну целых десять тысяч связок.

Дело в том, что государь сам нередко развлекался вместе с О Лоем.

Как раз в это время жила в деревне Нян-мук принцесса А Ким, по прозванию «Золотой лотос». От роду ей было двадцать три года, муж ее умер, и она оставалась вдовой. Принцесса была обольстительна и на диво хороша собой; о подобной красоте говорят, что она разрушает крепостные стены и низвергает царства, — равной ей на свете не сыщешь. Захваченный страстью король домо-

гался любви принцессы, но, ничего не добившись, втайне возненавидел ее.

Вот почему он сказал как-то О Лою:

— Измысли какую-нибудь хитрость и овладей ею, чтобы Нам стало легче на сердце.

— Подданный просит год сроку, — отвечал О Лой. — Если не вернусь через год, значит, не вышло дело и нет меня среди живых.

С тем он поклонился и вышел.

Воротившись домой, О Лой сбросил одежды и улегся в грязь, обсушился на солнце и снова обмазался грязью; после чего вырядился в холщовые порты и рубаху, взял в руки серп, две бамбуковые корзины и пошел к дому принцессы. Сказавшись конюхом и задоблив молодого привратника двумя свертками бетеля, он попросил у него разрешения войти в сад и нарезать травы. Было все это в пятом месяце года, когда распустились цветы тхай ле. О Лой срезал все цветы до единого и сложил их в корзины, но тут какая-то из служанок принцессы подняла шум, велела схватить О Лоя и держать его взаперти до тех пор, покуда хозяин его не явится с выкупом.

Так прошло три дня и три ночи, но когда и на четвертый день за О Лоем никто не пришел, служанка спросила:

— В чьем доме ты служишь и почему не несут за тебя выкуп?

— Я ведь побродяжка, — отвечал Ха О Лой, — и нет у меня ни хозяина, ни дома, ни отца с матерью. Таскаю пожитки певиц и лицедеек, тем только и кормлюсь. У Южных ворот, близ коновязи, встретился мне чиновник; нечем ему было задать корм коню, вот он и посулил мне пять монет и велел нарезать травы. Обрадовался я деньгам, что и говорить! А какие такие цветы тхай ле —

знать не знаю, ведать не ведаю, по мне, все едино. Откуда я возьму выкуп? Лучше наймите меня в работники, и я отслужу вам свою провинность.

Подумали и решили: держать его более месяца на дворе для черной работы. О Лой поначалу сильно страдал от голода и жажды, но служанки, жалея его, стали приносить ему потихоньку еду и питье. Зато вечерами О Лой заводил свои песни, и не было среди привратников, слуг и служанок, среди евпухов и прочей челяди того, кто, внимая ему, не пролил бы слез умиления, не растрогался, позабыв о делах и заботах. Однажды некому оказалось зажечь светильники в покоях принцессы. Обождав немного, она крикнула челядинцев и в сердцах разбранила их, грозя отхлестать плетью. Они тотчас признали свою вину и воскликнули:

— Бейте нас и казните, мы виноваты! Заслушались мы, недостойные, песен косаря и не заметили, как время прошло.

Принцесса удивилась и отпустила их.

Как-то душевными летними сумерками сидела она со свитой около дома, как говорят, привечая ветер и забавляясь с луной. Вдруг послышалась песня О Лоя. Переливы его голоса были так чарующи и прекрасны, словно он повторял напевы богов. Принцессе казалось, что душа ее истает в песне О Лоя. Чувства ее и мысли пришли в смятение, сердце замлело в истоме.

Вот так очутился О Лой в доме принцессы, ибо, желая видеть его подле себя постоянно и слышать вблизи его голос, она сделала его доверенным своим слугой. Все чаще, чтобы рассеять снедавшую ее тоску, заставляла она О Лоя распевать нгэмы. А он, пользуясь всяким удобным случаем, становился пред ней на колени, спешил на каждый ее зов и старался не отдаляться от нее даже на волосок, поднимая, когда надобно, или же опуская взор.

Днем он с величайшим усердием прислуживал ей, а вечерами стоял подле нее со светильником. Принцесса была весьма довольна новым слугой. Когда же она приказывала О Люю петь, то голос его наполнял весь дом и разносился по ближним и дальним пределам:

В одной из песен он шутил с ветром:

Откуда, ветер, ты летишь?
В забытые века
Ты из пещеры вылетал —
из темного мешка.
В цветущем ты играл саду,
качался на луче:
Ты, как никто, умеешь гнать
ладьи и облака.
Влетишь в окно — и нам легко,
как древле — Хуан-ди.
Нас, как Сян-вана посетишь —
душа поет в груди.
Развей же девичью печаль,
веселье разбуди.

В другой — заигрывал с луной:

Луна, о яшмовый поднос!
Как ты изменчива, луна.
Глядишь на запад, на восток,
То ты ущербна, то — полна.
Берешь у солнца яркий свет.
Плывешь в небесной вышине,
прекрасна и нежна.
Тебе, земле и небесам
навечно жизнь дана.
Неужто можешь ты остыть,
о светлая луна?

Голос его разливался, наполняя все и вся; он поддерживал диких гусей в небесах и пронзал рыб в океане, будто нанизывая их на бечеву.

Тем временем сердечное увлечение принцессы выросло в сильнейшую страсть, так что месяца три или четыре спустя она вконец извелась тайным любовным недугом. Служанки и слуги сбивались с ног, угождая ее прихотям, и засыпали как мертвые, едва наступал вечер. Однажды среди ночи позвала их принцесса, но они не слышали зова; один Ха О Лой явился в ее покои. И тут принцесса, не совладав со своими чувствами, сказала:

— Вот что сделал со мной твой голос. Источила меня любовная хворь. Теперь мне и жизнь не в жизнь без тебя. Едва ты запел в моем саду, востер примчался и замер, облака опустились пониже, только чтобы послушать твою песню. Ежели сама природа полюбила тебя, то как же быть мне, смертной? Что мне до твоего рода: высокий он или низкий, все равно, пусть соединятся цитра и гусли, пусть будет сломлена потаенная орхидея! И не падебно мне иного целителя моей болезни, кроме тебя.

О Лой стал было отказываться, но принцесса воскликнула в нетерпении:

— О! До чего же ты неразумен! Да и что может быть прекрасней сочетания неземного голоса и несравненной красоты? Так не заставляй Нас попусту тратить слова и упрямством своим не отнимай надежду на исцеление!

Наконец О Лой согласился, и в тот же миг они кинулись друг другу в объятия. Позабыли обо всем на свете, отринули все тревоги и все сожаленья.

Болезнь принцессы вскоре пошла на убыль, но любовь ее к О Лою становилась день ото дня все неистовей, точно подгоняемая бичом. Ничего ей не было жаль для возлюбленного, и она решила отдать ему все свои земли.

— У меня ведь никогда не было крыши над головой, — сказал О Лой госпоже. — Ныне я встретил вас, прекрасную, словно фея, и нет теперь человека счастливей меня. Для чего недостойному рабу поля и усадьбы,

для чего жемчуга, камня и золото? Подарите мне, если можно, шапку, в которой вы являетесь ко двору. Она будет мне и памятью и утешеньем до самого смертного часа.

Эту шапку, украшенную золотом и яшмой, в знак великой своей милости подарил принцессе покойный государь. И вот госпожа без сожаления отдает ее своему возлюбленному!

О Лой же, заполучив драгоценную шапку, вернулся потихоньку в столицу, надел ее и пришел во дворец. Король обрадовался и тотчас послал за принцессой. О Лоем он приказал стать поблизости.

— Знаешь ты этого человека? — спросил государь у принцессы.

И принцесса ощутила великий стыд и раскаянье.

С тех пор О Лой прослыл искуснейшим певцом во всем королевстве. Сам он сложил об этом случае такие стихи на просторечье:

Хитро обличье изменив, прикинулся слугой
И все удачно совершил искуснейший
О Лой.

Девушки из знатных семейств распевали язвительную песню об О Лое.

Болтун с лицом черней зола,
всегда несущий вздор,
Приличных недостойн слов,
хула ему, позор!
К высокородной он проник
бесчестно, словно вор.

Что ж! Пусть они поносили О Лоя за его обличье, зато не было среди них ни одной, которая не прельстилась бы его голосом и не домогалась бы его любви. А он привораживал их своим пением, прелюбодействовал с ними, и все сходило ему с рук. Даже когда бесчестил он доче-

рей вельмож и сановников, последние, помня о назначенной королем вире, не смели на него посягнуть.

Наконец он сошелся с дочерью самого Минь Уи — сиятельного и могущественного князя. Князь схватил О Лоя, однако торопиться с казнью не стал. Наутро он явился к государю, преклонил перед ним колена и сказал:

— Этой ночью О Лой пропик в дом к слуге Величества. В темноте мудрено узнать человека, и я убил его, не ведая, кто он. Прошу Величество назначить, сколько связей монет я должен положить в казну.

Король, полагая, что О Лой уже мертв, отвечал:

— Полно, здесь ведь не было умысла.

Государь не учинил Минь Уи ни суда, ни допроса, ибо князь приходился роднею его супруге.

Тогда Минь Уи, воротившись домой, схватил тяжелую палку и стал избивать О Лоя, желая забить его насмерть, но тот никак не умирал. Тогда князь взял вытесанный из бревна пест и принялся молотить им пленника.

Прежде чем испустить дух, О Лой произнес на просторечье такие стихи:

И жизнь и смерть — в руках судьбы,
но как судьбу прозреть?
Учись же доблести мужской
и не склоняйся впредь.
Я, как усладу, боль приму.
За песнь и красоту
Готов страдать и умереть.

Затем он сказал:

— Давным-давно Люй Дун-бинь предостерег меня: «Обретая приятный голос и красоту, человек столько же в ином и утрачивает». Ныне постиг я истину этих слов...

Из поздних добавлений

Рассказ о За Тхоа Выонге

В стародавние времена рядом с нашей державою Ау-лак простиралась страна Зиеу-нгием. Восседал на ее престоле король За Тхоа Выонг; у него были и другие имена, одно из которых — Тхап Дау Выонг — означало: «Государь о десяти головах».

На севере земли Зиеу-нгием достигали границ государства Хо-тон. У тамошнего короля по имени Тхап Са Выонг — «Государь десяти колесниц» — был сын, наследник престола, коего нарекли Ви Ба. Супруга наследника Бать Тинь Тиеу Ныонг — «Осиянная чистым светом» — слыла непревзойденной красавицей.

За Тхоа, услышавши о ней, прельстился ее красотой, без промедленья обрушился с войском на Хо-тон и овладел супругой Ви Ба. Охваченный гневом принц поднял обезьяний народ. Обезьяны сокрушили высокие горы, открыли дорогу текучим водам, и Ви Ба, следуя этим, неизвестным прежде, коротким путем, вторгся в пределы Зиеу-нгием, предал страну мечу и огню, убил За Тхоа Выонга и, освободив жену, возвратился домой.

Земли Хо-тон суть нынешнее государство Тямпа.

Рассказ о духе горы Ваунг-фу

Гора Ваунг-фу находится в уезде Ву-сюонг, близ побережья моря, в округе Тхуан-хоа, и рассказывают о ней вот что: когда-то давным-давно жили в лесу брат и сестра, рубившие хворост и щепу на продажу. Однажды брат рубил дерево и от неверного его движения острое топора угодило сестре прямо в лоб. От боли она замерла и рухнула наземь. Брат же решил, что она умерла, и в ужасе бросился прочь от этого места.

Девушку подобрал некий старик, привел к себе в дом и стал о ней заботиться. Некоторое время спустя вряд ли кто мог бы узнать ее — такой красавицей она сделалась. После смерти старика она вышла замуж, причем не за кого-нибудь, а за родного своего брата. Тот, само собою, и знать не знал, что женится на единокровной сестре, однако, заметив однажды на голове у нее рубец, спросил, откуда он взялся.

— Как-то отправилась я вместе с братом в лес за хворостом, — отвечала жена, — сорвалась у брата рука, и он ударил меня топором прямо в лоб. С тех самых пор

он исчез: не знаю, жив он еще или умер и где мне его искать.

Брат понял, что взял в жены собственную сестру, и ужаснулся содеянному. Однако признаться ей в этом у него не хватило духу. Отлучившись из дому якобы по торговым делам, он более к ней не вернулся. Сестра же, так никогда и не узнав, кто был ее супругом, ждала его день за днем и умерла безутешной. А после смерти обернулась каменной скалой. Люди называли скалу Ваунг-фу, что значит: «Ожидающая супруга», и, видя от нее многие чудеса и знамения, построили ден для возложения даров и молитв,

Рассказ о духе болота Лан-дам

Дух Лан-дам был вначале драконом. В давние времена он нередко принимал человеческий облик, желая найти себе наставника в науках и учителя истины. Иные утверждают, что наставником своим он избрал Тю Ван Ана, знаменитого стихотворца и конфуцианского ученого, жившего во времена королей наших из дома Чан. Учитель, изумленный некоторыми чертами в облике юноши и в его повадках, решил разузнать, где он живет, и выяснил, что тот укрывается в болоте. После долгих расспросов дух сознался во всем и сказал:

— В этом году с неба не прольется ни капли дождя.

Учитель стал упрашивать и уговаривать его сотворить дождь. В конце концов дух согласился.

Через некоторое время болото всколебалось. Учитель бросился к берегу и увидал, что это дух втягивает тушь из тушечницы и извергает ее, словно дождь, на землю, чтобы одолеть засуху.

Небесный император усмотрел здесь нарушение высшей тайны и покарал дракона. Бездыханное тело его всплыло со дна болота.

Учитель предал земле останки ученика и нарек болото Лаунг-дам — «Драконова топь», потом название это стали выговаривать как «Лан-дам».

Дух этот равно могуществен и благосклонен. Храм его стоит в общине Лан-дам, которая принадлежит уезду Тхань-дам.

*Сочинения,
оставленные королем
Ле Тхань Тонгом*

Перебранка двух Будд

В год Змеи произошло великое наводнение, и змеи хоронились от него на вершинах деревьев. Птиц и прочую домашнюю живность людям приходилось относить на деревья самим. Дены и пагоды были по большей части подмыты водою, иные — разрушены вовсе.

На двадцать седьмой день восьмого месяца вода спала. Мы поплыли в ладье, чтобы самолично убедиться, каков нанесенный водою ущерб, и помочь народу. К вечеру, невдалеке от пристани Ван-зианг застиг Нас ветер с частым и сильным дождем. Мы распорядились причалить ладью близ стоявшей у берега пагоды и прилегли отдохнуть. В час третьей стражи среди полнейшей тишины донеслись до Нас из пагоды чьи-то голоса. Свита и офицеры Наши спали уже крепким сном. Мы осторожно выбрались на берег, приблизились к дверям пагоды и заглянули внутрь. Что же Мы увидели?! Глиняный Будда с мечом в руке попирает ногами голову некоего зверя;

усы у него стояли торчком, словно наконечники копий, четырехугольное лицо имело в ширину целый тхыок, спина была в добрых три обхвата. На верхней ступени алтаря восседал деревянный Будда. Красный от злости глиняный Будда кричал деревянному:

— В шестом и седьмом месяцах, когда водяные духи павлекли на землю ужасные беды, у тебя, жалчайшего, недостало силы, чтобы устоять перед наводнением; ты, как болван, плыл туда, куда несли тебя волны; вода то покрывала тебя с головой, то выталкивала на поверхность. Твоя разноцветная шляпа съехала набок и держалась разве что чудом, твои расписные туфли были выпачканы в грязи, и деревенские бабы, глядя на тебя, решили, что ты банан, вырванный с корнем, а плотники приняли тебя за бревно. Сколько уж лет молодцы в коричневых рясах то и знай тайком ублажали тебя, зато теперь не видать тебе более подношений и жертвований. Да ты должен быть счастливым, что тебя нашли, а пастырь принес тебя сюда, подновил твоё платье и шляпу да заново позолотил и покрасил тебя. И вот после того, как обнаружилась позорная твоя немощь, у тебя ещё хватает бесстыдства сидеть выше Нас и втрое против Нашего получать даров!

Деревянный Будда, охваченный раздражением, встал и сказал:

— Вспомни, невежда, то место из священной книги, где говорится: «От века все сущее подвержено переменам, но это не пугает мудреца, ибо умеет он долее прочих сохранить свой дух неизменным». Наводнения и засуха — в природе сущего. Когда поднялись воды, Мы последовали их течению; сошли они, и Мы воротились на прежнее место. Разве, покорившись течению, увлекшему Нас в странствия, нанесли Мы хотя малейший урон Нашему «вечному духу»? Нет и нет! Да и возможно ли «овладеть десятью тысячами сущностей, не следуя законам смены

четырех времеп»? Отплывая по мятущимся водам, устремляли Мы взоры на удалявшуюся от Нас пагоду, и если и сокрушались о чем, так это о постигшей тебя беде. Ибо понимали: едва достигнут волны твоих ног, как их тотчас размоет, поднимется вода тебе по брюхо — брюхо твое лопнет, а затем развалятся спина и плечи, а затем смоем поток высокое чело твое и долгие ресницы, и — только тебя и видели! О, горе! О, печаль! О, как Нам было жаль тебя! Утратить свой облик и телесную сущность — кому приятно сие!

Долго они еще препирались и спорили столь же жаростно, пока не явился вдруг Будда Сакьямуни с флягою вина в руках; охмелевший, он сделал несколько неверных шагов по пагоде и изрек:

— Оба вы кругом виноваты! Когда прихлынул вал, неистовый и безбрежный, вам и в голову не пришло вооружиться пятью проникновеньями и прибегнуть к шести знаниям, дабы громовыми заклетьями возвернуть воды обратно в Восточное море! Куда там! Разве озаботит вас что-нибудь, кроме брешной вашей плоти — деревянной или глиняной; выпивая и поедая подносимые людям напитки и яства, вы погрязли в отвратительной праздности. Не ведали вы стыда, а теперь еще учинили здесь постыдную свару, — или не боятесь, что «и у стен есть уши»?

Будды, столь явно осужденные Сакьямуни, начали было ему возражать, но, почуяв вблизи человека, тотчас умолкли.

Мы же, толкнув дверь, вошли в пагоду: на алтаре в мерцанье свечей виднелись три изваяния из дерева и глины — безмолвные и неподвижные.

Правоучение мужа с южных гор. Перебранка двух Будд, что и говорить, дело диковинное. Да и строгие речи Будды Сакьямуни сами по себе необычны. Ведь

ежели поразмыслить, то оба Будды стоят друг друга, а вернее — не стоят ничего: препираются, ничемные пустословы, из-за почетного места и бóльшей доли от даров и жертвований! Стало быть, прав был Будда Сакьямуни, их порицавший. Но сам-то он, пьяница, разгуливающий с флягою вина, приносит ли какую-нибудь пользу людям? Нет, он ничуть не лучше тех двух Будд!

Осененный благодатью, Сын Неба направляет сии слова против дурных и бесплодных деяний, а значит, и диковинная его история исполняется глубокого смысла. Читая ее, бездельники и тунеядцы, без сомнения, не раз утрут пот со лба, а многие затворники в монастырях, ознакомившись с нею, решат, наверное, немедля возвратиться на правильную стезю и уж более не дадут завлечь себя на пути бесполезные да и лживые. Поистине: «Под названьем ничтожным — великое создано сочиненье».

Послание комара

Некий Полевой комар познакомился, а затем и весьма подружился с комаром Домашним. Полевой комар уступил Домашнему права и звание старшего брата, сам же назвался младшим. Однажды, на закате дня, Домашний комар прилетел в поле проведать своего братца.

Полевой комар сказал:

— Вот, видите ли, какое множество буйволовых голов и козьих спин на моих обширных полях, — все они ваши, угощайтесь вволю, наедайтесь досыта, но торопитесь, так как буйволов и коз вскоре загонят в хлев, и нам только и останется, что утешаться приятной беседою.

Через некоторое время пастух угнал весь скот, а Домашний комар так и не успел насытиться: пришлось ему, однако же, принять скрепя сердце приглашение Полевого комара взлететь следом за ним на лист дерева кой и развлечься беседою. Не успели братья обменяться друг с другом первыми словами, как налетел сильный восточный ветер, и они принуждены были спастись от

него в стебле дикого сахарного тростника, проникнув туда через дыру, проточенную гнилью. Но, увы, мгновение спустя хлынул проливной дождь. Братья поспешно вылетели из своего убежища и забрались в свернувшийся лотосовый лист.

— Здесь, правда, несколько тесно, — сказал Полевой комар, — зато дождь может лить неделями, — я здесь совершенно недосыгаем.

На рассвете Домашний комар собрался в обратный путь, но прежде чем откланяться, сказал своему брату:

— Отчего воззренья твои на мир, братец, столь ограничены, а обитель твоя так низка и тесна? Возьми, к примеру, Наш дом; все у Нас устроено по-иному, не то что в твоём непросторном поле. Крыша дома высока и необозрима: дождь и ветер ей нипочем. Днём Мы обычно размышляем, прислонясь к украшениям резной колонны, а чуть стемнеет — восседаем на затканном цветами пологие в спальне. По утрам с довольной и благостной песнею Мы отправляемся на базар развлечься, а потом играем в игры с соседями и кружимся в хороводах; когда же вновь опускаются сумерки, Мы не спеша вылетаем на промысел. В это время люди спят, неподвижные и усталые, и тут Мы насыщаемся доньяна. Ты сам понимаешь, что это ещё не все: прочих наших услад и приятностей не сосчитать, как ни старайся.

Полевой комар слушал его и приходил в восторг. Уже на следующий вечер отправился он к жилищу людей, в гости к старшему брату.

Домашний комар обрадовался, завидя его, и молвил с приветливой улыбкой:

— Уж не дергался ли у тебя сегодня, братец, указательный перст? Ведь как раз только что явился сюда погостить две девицы из деревни, и у хозяина, слышали мы, не хватит нынешней ночью пологов на всех. Так что ты

можешь взять паутинку и препоясать чресла перед славною трапезой. Это тебе не буйволы и козы на закате дня!

И Полевой комар ощущал угрызения совести.

Едва пробило первую стражу, Домашний комар пригласил Полевого осмотреть дом, поясняя всячески, сколь величествен он и изобилен. Затем отыскиали они щель и проникли сквозь нее в спальню. Само собою, комары узрели там двух девиц. Они возлежали совсем нагие. Храп их был подобен грому.

Домашний комар сказал Полевому:

— Кровь близ лупка весьма горяча, не то что в мякоти бедер и ляжек. Кожа на белых руках толстовата, щеки же приятно упруги.

Немедля вытянули они губы, выставили жала и стали вскоре весьма похожи на спелые вишни. Чувствуя сладостную тяжесть во всем теле, братья уселись на затканый цветами полог и задремали. Как вдруг слышат они, что хозяин призывает к себе слугу и говорит ему:

— Что-то сегодня много комаров налетело. Разложи-ка огонь и выкури их отсюда едким дымом.

Домашний комар сказал Полевому:

— На черепичной крыше, меж изразцов, есть щели. Летим туда и спрячемся, и сколько бы огонь ни бушевал, мы будем в безопасности.

Так они и сделали и, само собой, остались невредимы.

Однако много времени не прошло, а они снова слышат голос хозяина. Призывает он слугу и говорит:

— Нет, их, как видно, обычным дымом не выкуришь. Ты возьми листья соана, свежую рыбу и панцирь речной черепахи и подожги все это вместе.

И вот клубы дыма поплыли по дому, проникая во все дыры и щели. У обоих комаров глаза от дыма распухли, словно наливные яблоки; не раз и не два побра-тимы чуть было не сделались добычею муравьев.

Полевой комар запинаясь спросил Домашнего:

— Как же теперь быть? Ничего не придумаем, то и выйдет, что мы, едва наполнив чрево, потеряем бессмертье души, и вы станете тварью бесчеловечной, а я — безвольной.

Домашний комар перепугался насмерть, от ужаса он даже бредил, однако собрал все же последние силы и вместе с Полевым комаром отправился на поиски свиного хлева, чтобы хоть там укрыться.

Глаза их были столь сильно изъедены дымом, что побратимы ничего толком не видели и даже два раза по ошибке залетали в паутину, из которой едва освободились. Лишь спустя час отыскиали они место, где можно было спокойно присесть; теперь дурные запахи хлева несколько их не смущали.

Внезапно с крыши сорвалась целая стая летучих мышей и закружилась над двором. Всех комариных родственников, которые, спасаясь от ядовитого дыма, вылетели из дома на воздух, постигла презлая участь, и стали они песчинками, светящимися во мраке.

Полсвой комар затрепетал от страха и впал в беспамятство, продолжавшееся более часа.

Когда он очнулся, огонь уже угас, дым рассеялся, а летучие мыши вернулись в свое жилище. Не медля более ни минуты, простился он с братом, захлопал крыльями и улетел восвояси.

Окончательно придя в себя и исцелившись, написал он письмо и со своим соседом москитом отправил его Домашнему комару. В письме было сказано:

О многотимый старший брат!

Неужто кровью нежных щек поныне сыты вы с тех пор?

Неужто дым не отлетел от ваших воспаленных глаз?

Осмелюсь думать, что не нам, чьи пращуры — из Бао-ха,

В атласе щеголять, в парче.

Мы слабы и легки, как пух, дрожащий в солнечных лучах.
Для нас ведь и пылинка — твердь, нам опояской — волосок.
А вы, живущие в домах, вы роем демонов ночных
Являетесь из темноты, едва светильник погасят,
Как радостно поете вы, кружитесь в комнате пустой;
К постели девичьей тайком за тонкий полог проскользнув,
Вы свежую сосете кровь.
Но если стапнут вас в почи выкуривать, тогда — беда:
Кому не выест очи дым, того огонь (о, душегуб!)

Испепелит.

А если кто-нибудь из вас днем промышлять рискнет — того
Прихлопнут, если не рукой, так опахалом, — смерть одна.
Сравню ли ваш удел с моим?
Как буйвол ни мотай башкой — меня рогами не достать,
Как ни маши хвостом коза — меня не сгонишь со спины.
Пускай тростинка подгнила — в ней может схорониться мой
Нетленный дух.

Хоть лotosовый лист и мал, я в нем убежище найду.

Комар Домашний! Старший брат!

Коль не послушаете нас, беда случится невзначай:

Мелькнете искоркой в огне, миг — и рассестесь дымком.

Пора одуматься, мой брат!..

Читая это письмо, Домашний комар чувствовал себя
вконец пристыженным.

Нравоучение мужа с южных гор. Полевой комар всего
лишь мелкая тварь, однако изъясняется весьма достойно,
а главное — справедливо, осуждает опасный путь со всей
очевидностью. Не постигший глубоко смысла жизни не
мог бы написать подобного. Должно быть, осененный бла-
годатью Сын Неба по влечению души сочинил это, дабы
не только власть предрежающие извлекли для себя дол-
жный урок, но и любящие водить с ними корыстную
дружбу стали бы осмотрительней да разборчивей.

Поистине, каждое движение кисти полно здесь глубо-
кого смысла.

Дивная любовь в краю Хоа-куок

В горной долине Шон-ла, что в округе Хынг-хоа, жил юноша по имени Тю Шинь, сирота с самого своего рождения. Дядя, младший брат отца, приютил мальчика у себя в доме, а когда исполнилось Шиню восемь лет, определил его в школу. Наделенный острым умом от природы, Шинь был, однако же, сверх меры ленив, и, хотя дядюшка его прозябал в величайшей бедности, племянник, бывало, и перстами не пошевелит, чтобы помочь ему. По утрам он ходил в школу, а вечерами нежился в безделье и праздности: больше ни о чем он и думать не желал.

Юные дни быстротечны; Тю Шиню исполнилось уже девятнадцать лет, а он даже не заметил, как пролетели годы. Меж тем скаредной тетке давно надоело кормить Тю Шиня задаром, и как-то однажды, когда муж по какому-то делу уехал из дома, достались племяннику на ужин и завтрак только чистая чашка да пустой котелок; вдобавок тетка набросилась на него с упреками и бранью.

Не говоря ей худого слова, Тю Шинь собрал свои книги и воротился в родительский дом.

С той поры, как отец и мать Тю Шиня покинули этот мир, в доме их никто не жил, и он стоял заколоченный и заброшенный вот уже двадцатый год. Пол в нем порос травой и мхом, а у порога торчал колючий кустарник. Кроме старой скамьи, лежанки да куска изодранной циновки, в доме ничего не оказалось. Тю Шинь сложил на скамью свои книги и прилег на лежанку. В сердце его не было ни обиды, ни гнева, лицо хранило спокойствие.

Когда дядя вернулся домой, жена, не жалея слов, принялась всячески чернить и хулить племянника. Дядя же, хотя и понял, отчего Тю Шинь ушел из дому, спорить с нею не стал, а только воскликнул в притворном гнев:

— Твоя правда! Да и кто захочет кормить и обихаживать такого бездельника? И не подумаю звать его обратно, сам приползет к порогу! — А после спросил жену: — Давно ли ушел племянник?

— Вот уже третий день, — отвечала жена.

Не сказав ей больше ни слова, дядюшка покончил с ужином, улегся в постель и сделал вид, что заснул. Дождавшись полуночи, он встал потихоньку с постели и отнес Тю Шиню немного денег и рису. Отдавая все это племяннику, он сказал ему:

— Повремени денек-другой, женаина злость уляжется, и ты вернешься к нам.

Шинь согласился. Однако миновали три дня, а он все не приходил.

Дядя явился к нему снова и сказал:

— Тетка давно перестала сердиться, отчего же ты не возвращаешься? Деньги и рис у меня кончились, я беден, ну чем, скажи на милость, мне кормить и содержать тебя дальше? Древние говорили: «Лишняя чашка да лишняя пара палочек — риса в котле не убавят». Ведь

когда ты ешь вместе с нами, в семье, расход незаметен. Брат и сестра мои умерли, и нет у меня в этой жизни ни единой родной кровинки, кроме тебя. И вот я вижу, что ты решил уморить себя голодом. Ну разве можно так меня огорчать?

И вновь Тю Шинь пообещал ему вернуться через три дня, и вновь обманул его. Трижды, а то и четырежды приходил за ним дядюшка, однако Тю Шинь всякий раз просил у него отсрочки. Потеряв всякое терпение, дядюшка сказал ему:

— Если уж ты совсем ума решился, что ж, живи как знаешь. Но теперь ноги моей здесь больше не будет, и приносить я тебе ничего уже не смогу!

Заплакал дядюшка и побрел восвояси. А Тю Шинь в эту ночь уснул голодный. Вдруг появился перед ним придворный в четырехугольной шляпе, за ним шествовала свита в два или три десятка человек; в руке у придворного была золотая дощечка с надписью: «Повелеваем принцу-супругу прибыть ко двору. Такова Наша воля».

Тю Шинь отправился вслед за ним. Не прошли они и пяти замов, как вырос перед ними величественный дворец, где жил, как видно, сам государь. Придворный повел Тю Шиня запутанными и хитроумными переходами, по галереям и залам, красоту которых описать невозможно, и вскоре они оказались в просторных золотых покоях. У крыльца высились изваянья драконов, потолки подпирали покрытые лаком колонны с резными змеями, пол был выложен хрусталем, а на стенах изображены фениксы. Посреди покоев висел полог, расшитый жемчугами.

— Прощу вас, принц, обождите немного, покуда я, недостойный, доложу о вас ее величеству, — прошептал придворный.

Тут он на некоторое время оставил гостя одного, затем вернулся и провозгласил:

— Вдовствующая государыня уже восседает на троне, прошу вас, принц, сотворить положенные поклоны.

Не успел Тю Шинь, преклонив колена, дважды поклониться, как из-за полога раздался громкий голос:

— Наш зять не чета всем прочим подданным, для чего же ему воздавать Нам обычные почести?

И государыня приказала одному из придворных помочь Тю Шиню подняться с колен и ввести его в тронный зал.

Тю Шинь увидел старую женщину, лет шестидесяти, сидевшую на ложе, украшенном изваяниями драконов. Весь ее облик внушал почтение и трепет.

— Перед вами вдовствующая государыня, — шепнул придворный Тю Шиню.

Государыня приветливо улыбнулась Тю Шиню:

— О, вот и пожаловал зять, поистине дорогой Нашему сердцу!

И предложила ему присесть. Вельможа из свиты подвел Тю Шиня к стоявшему вблизи трона золотому ложу.

Государыня приказала подать чай.

Четыре служанки красоты несравненной подали Тю Шиню нефритовую чашку с чаем, источавшим сладостное благоухание орхидей. Тю Шинь поднес чашку к устам.

После чаепития государыня подала знак, и началось пиршество. Предшествоваемые музыкантами и певцами, вошли восемь слуг и поставили перед Тю Шинем большой золотой поднос. Затем были внесены вина и яства, и тут государыня послала за наследным принцем. Вскоре на золотых носилках появился в зале отрок лет одиннадцати. Когда служанки помогли ему сойти, государыня сказала:

— Дитя мое, вот супруг твоей сестры. Он сегодня у нас впервые, полон смущенья, ободри его и как подobaет угости на пиру.

Тем временем министр разлил вино; напиток был чист и ароматен. На подносах теснились диковинные яства, отменные и прекрасные на вкус, каких на земле не сыскать.

Когда и Тю Шинь и государыня выпили уже довольно вина, она промолвила, обращаясь к нему:

— Некогда покойный государь, супруг Наш, и царственный ваш родитель, поклялись связать наши семьи узами брака, подобно семьям Чжу и Чэнь. Вам сравнялось ныне девятнадцать лет, принцесса Монг Чанг встретила и проводила восемнадцать весен, Нам исполнилось недавно шестьдесят. Наконец-то сбылось желание Наше устроить счастье детей: единственная дочь обретает супруга.

Не постигая смысла ее слов, Тю Шинь, однако же, кивал головою и поддакивал ей. Вдруг течение их беседы прервал придворный звездослов и летописец; склонившись пред государыней, он сказал:

— Сегодня день неблагоприятен для брачных обрядов. Счастливым срок наступит через три дня, когда сойдется небесная добродетель с добродетелью лунной.

Государыня задумалась и, по окончании пира, сказала Тю Шиню:

— В делах, замышляемых на века, торопливость пагубна. К тому же до совершения свадебных обрядов вам, принц, негоже здесь оставаться. Как только положенные сроки настанут, Мы обещаем послать за вами придворного с колесницей.

После этого она приказала музыкантам проводить Тю Шиня до ворот дворца и долго глядела ему вслед.

— Тю Шинь же, едва он покинул дворец, услышал внезапный порыв холодного ветра и пробудился. Тут только он сообразил, что все, с ним случившееся, лишь пригрезилось ему. Однако уста его хранили еще винный дух,

а в чреве ощущалась приятная сытость. Так-то кряду три дня Тю Шинь пребывал и сытым и пьяным.

В назначенный день, едва отойдя ко сну, Тю Шинь, как и прежде, очутился в золотом чертоге, украшенном цветами и наполненном запахом благовоний; отовсюду слышалось согласное звучание цитр и флейт.

Государыня приказала придворному лекарю припести сшитые только что яркие и богатые одеяния, затем, по ее приказу, Тю Шиня облачили в парадные шапку и платье; в то же мгновение, сопровождаемая служанками, в тронный зал явилась принцесса и обменялась, как должно, поклонами с женихом. Государыня своею рукой наполнила вином две нефритовых чаши и сказала:

— Пусть у вас будет, дети мои, сто детей и тысяча внуков!

Молодых супругов поздравили и пожелали им всяческого счастья наследный принц и придворные красавицы. После этого пышная свита сопровождала Тю Шиня и принцессу в уединенный покой.

Тю Шинь и Монг Чанг остались наконец вдвоем и сели друг против друга. Тут только Тю Шинь разглядел впервые принцессу, и оказалось: кожа ее белизной посрамляет снег, чистотой затмевает яшму; пальцы ее гибки и тонки, словно молодые побеги бамбука, а зубы крепки и белы, ровно семечки тыквы. Воистину, если это была не дева из Нефритового дворца на луне, то уж наверное — фея с горы Соцветие яшм! Разве в нашем мире встретишь такую красавицу? Правда, затем он рассмотрел на ее животе прикрытые кисеей пятнышки, и это немного удивило его.

Ночь прошла во взаимных ласках и наслаждениях, о которых незачем распространяться.

На следующее утро не успели супруги покончить с утренней едой, а государыня уже зовет Тю Шиня к себе.

Он облачился в подобающие одежды и отправился на ее зов. Государыня усадила его вблизи от себя и медленно заговорила:

— Страна эта именуется Хоа-куок. С тех пор как государь, супруг Наш, отошел в иной мир, все державные дела и попеченья пали на Наши плечи. Наследник еще дитя, Мы уже в преклонных летах, и бремя правления тяжело для Нас. Счастье еще, что принцесса Монг Чанг помогает Нам денно и ночно, облегчая Наши заботы. Разве стали бы Мы иначе держать ее при себе?! Тотчас после свадьбы она покинула бы родительский кров и перебралась к супругу. Поэтому, принц, вам придется еще раз исполнить Нашу волю: Монг Чанг останется здесь, с Нами, а Мы — единожды в три дня будем присылать за вами Посланца, летящего меж цветов.

Тю Шиню ничего не оставалось как согласиться и отдать государыне прощальный-поклон. Монг Чанг пришла проводить супруга, а наследник престола, глядя на нее, охваченную печалью, весело спросил:

— Ах, неужто супруги, проводя вместе одну-единую ночь, связаны на века, словно сплетенные шелковые нити?

Государыня усмехнулась. Следом рассмеялись вельможи из свиты. Солнце поднялось на небо, и Тю Шинь, неожиданно пробудившись, снова увидел, что все это было сном.

Так-то всякий месяц десятикратно посещали Тю Шиня подобные сны. Поистине:

Во сне он улетал
в Хоа-куок.
Над книгами корпел,
восстав от сна.
Хоть в очаге зола
и холодна,
Хозяин хорошеет
с каждым днем.

Дядюшка Тю Шиня, не понимая, что с ним происходит, терялся в догадках.

Через год Монг Чанг родила сына. Вдовствующая государыня повелела вторым женам вельмож и первым женам главнейших чиновников явиться во дворец, дабы кормить дитя грудью. Еще год спустя государыня сказала Тю Шиню:

— Близится день, когда Нашему внуку исполнится ровно двенадцать месяцев, поэтому вам надлежит прибыть к Нам раньше обычного.

В тот вечер, едва Тю Шинь успел смежить веки, за ним явился посол. Войдя во дворец, он увидел прекрасное здание в два света, под легкою кровлей, устроенное нарочно к празднику. Наверху, по обе стороны вдоль колонн, восседали и пировали шестеро ближних вельмож, шестеро высших чинов государства, шестеро наместников и шестеро полководцев; внизу — от души веселились наиболее уважаемые и старейшие жители столицы. Дары, принесенные гостями, громоздились ввысь, словно горы.

Государыня, державшая на руках внука, обернулась к Тю Шиню и спросила:

— Принц, на кого похож Наш внучек?

— Позвольте сказать: более всего на вас, государыня.

— Вы не правы, — отвечала она, — чадо похоже на вашего царственного родителя.

После пиршества Тю Шинь, как и обычно, отправился в покой жены.

Но вот однажды заметил Тю Шинь, что лик государыни исполнен грусти, и, низко ей поклонившись, он сказал:

— Скорбь и заботы лежат на вашем челе. Осмелюсь ли спросить, в чем их причина?

— Вот уже третий месяц, — отвечала она, заливаясь слезами, — что ни день, приходят с наших границ злые

вести. Вражье племя Черноперых орда за ордою надвигается на Нас. Полчища их ворвались в пограничные ворота. Народ Наш и воины гибнут во множестве; из каждого трех одного уже нет в живых. Мы решили завтра же перенести отсюда столицу, и с каждым часом будем удаляться все дальше и дальше от вас. Вот почему грусть снедает Наше сердце.

Не успела она договорить, как появился Начальник королевского войска и, преклонив у трона колени, почтительно доложил:

— Полчища Черноперых множатся с каждым часом. Если Величество промедлит хотя бы день, половина всего податного люда погибнет. Чем же тогда снова возвысится наша держава? Время второй стражи этой ночью благоприятствует походу. Смиренно прошу, недостойный, прикажите выступать, иначе не миновать нам великого несчастья.

Государыня в волнение схватила кисть и начертала такой приказ:

Казною сполна
 обеспечить народ.
Приказ Войсковой
 пусть готовит поход.
Знамена — вперед,
 следом — лучников строй,
Богатый обоз
 за войсками пойдет.
Без музыки, тихо
 отправиться в путь,
Пускай барабан
 тишины не прервет.
И младшим и старшим
 исполнить свой долг.
Лишь стража вторая
 пробьет — и вперед!

Такова наша воля.

Потом она обернулась к Тю Шиню и промолвила:

— Настали тяжкие времена. Все четыре страны света в огне и дыму, словами этого не выразишь. На прощание Мы жалуем вам скромный подарок — как говорят, деньги на кисть и тушечницу, — он уже доставлен к вам домой. Внук Наш не отнят еще от груди и не может последовать за отцом. Вам возвратят его по прошествии двадцати шести месяцев.

Выслушав государыню, Тю Шинь опрометью бросился в покои Монг Чанг, обнял ее и заплакал:

— Любящие супруги неразлучны и в жизни и в смерти, отчего же я должен так скоро с тобой расстаться? Покуда дышу, не стану без тебя жить! Разве может отец разлучиться с чадом своим, муж — с возлюбленной женой?

Он зарыдал и без памяти рухнул наземь.

Монг Чанг подняла его и сказала:

— Ведь когда-то, не зная друг друга, мы уже были в разлуке, а потом соединились. Так всегда случается в жизни, а чтобы одиночество вам не было в тягость, я оставляю у вас в услуженье девицу Донг Нян. Полно, не предавайтесь гневу и отчаянью. Когда я узнала, что государыня решила покинуть эти края, я всю ночь не смыкала глаз. Есть у меня листок из мягкого камня, я начертала на нем стихи, в которых открыла все свои чувства и чаянья. Прошу вас, о мой возлюбленный, примите его в подарок. Пусть он неизменно будет при вас, словно это я всегда рядом с вами. Камень, из которого сделан листок, сплавлен из тончайшего вещества, собранного с десяти тысяч цветов, и поистине драгоценен. Тому, кто посит его на себе, летом не страшен зной, а зимою ничем любая стужа. Храните его, о мой возлюбленный. Настанет и в вашей судьбе счастливая развязка, я верю, что она не замедлит свершиться. Увы, связанная дочер-

ним долгом, я не в силах исполнить долга жены и уйти вместе с вами, вам же оставаться здесь долее никак невозможно. Берегите, мой дорогой, мой несравненный возлюбленный, берегите свое здоровье; дождливыми вечерами пораньше ложитесь спать и не торопитесь вставать по утрам, если задует холодный ветер. Взаимному нашему счастью еще суждено продлиться.

С этими словами Монг Чанг опустила каменный листок со стихами в кошель Тю Шиня и удалилась, раздирая на себе от горя одежды.

Так-то проснулся Тю Шинь в своем бедном доме один-одишеченек. Он затеплил светильник и увидел на скамье парчовый кошель. Найдя в нем десять лангов золота, он тотчас спрятал их под ветхой стеною дома. Затем он снова пошарил в кошеле и, само собой, нащупал некий предмет длиною около двух пядей, закругленный, будто футляр для кисти. Тю Шинь раскрыл кошель и увидел диковинный листок, белый, словно лепестки дикой сливы; по белизне расходились разводы, как на дорогом атласе, а весь листок сверкал и переливался и был удивительно мягок на ощупь. На листке было начертано восьмистишие. В изящном почерке чувствовались одухотворенность и сила. Разве что прославленный в древности почерк госпожи Вэй или почерк жившего позднее знаменитого вельможи по имени Ван Си-чжи могли бы сравниться с ним.

В стихах говорилось:

К реке, устремившей в теснину поток,
придешь ты в осенние дни.
Со знаком «шаунг» знак «тхнен» сочetaй,
со знаком «тнеу» — знак «ни».
Дойдешь до горы под названием Хоа —
тотчас поверни на восток,
Увидишь бурливый поток Хо-тхюи —
направо тотчас поверни.

Ты в день «пят тхан пят» позабудешь печаль,
которую годы влачил,
А в ночь «люк тхиен» речь пойдет о любви,
завещанной нам искони.
Меня по скончанье пятнадцати лет
в местах повстречаешь иных:
Прошу я: не надо так тяжко скорбеть,
скорее печаль прогони.

Шинь читал и перечитывал стихи, он переворачивал их и так и этак, но уразуметь их значенья не мог. Казалось бы, все с ним случившееся было только во сне, но откуда тогда взялись это золото и диковиный камень? Если же драгоценности осязаемы и существуют, отчего исчезло все прочее, столько раз предстоявшее его очам? В смятении и тревоге Тю Шинь просидел до рассвета. «Отпыне, — думал он, — не будут уж мне, как прежде, являться видения, и снова одолеют меня голод и жажда». Обмакнул он кисть в тушечницу и начертил на стене дома следующие стихи:

Любовь в краю Хоа-куок
за годом год жила.
А ныне пыл души остыл,
как в очаге зола.
Где колесница и дракон,
где Феникс на стене?
Неужто не вернется сон,
рассеялся, как мгла?

Едва он закончил писать, как где-то в деревне слышались крики и плач. Оказалось, что это умерла его тетка.

На следующий день, взяв золото и книги, Тю Шинь возвратился в дом дядюшки.

Увидев его, дядя принялся браниться:

— Итак, не прошло и двух лет, как ты надумал вернуться?

— Прошлую ночью, — оправдывался Тю Шинь, — явился мне покойный родитель и говорит: «Дядюшка твой вконец обеднел, да еще ко всему вдобавок сделался вдовцом. Под стеной нашего дома закопано десять лангов чистого золота. Возьми его и отдай дяде, чтобы смог он достойно похоронить жену». Кто знает, — продолжал Тю Шинь, — не мои ли любовь к вам и преданность привлекли дух покойного отца? Дядюшка, неужто вы все еще гневаетесь на меня?

Дядя задумался, потом сказал:

— Чтобы утешить дух моего покойного брата, я возьму это золото, но только помни: схороним покойницу, и ты останешься у меня насовсем. Здесь ты будешь избавлен от всех домашних забот, все свое время посвятишь предстоящим экзаменам, а изредка сможешь и отдохнуть от занятий.

Тю Шинь согласился и с того дня стал от зари до зари усердно корпеть над книгами. Через год он отправился на экзамен в главный город своей округи и вышел восемнадцатым среди удостоенных отличий.

Когда Тю Шинь, по обычаю, с почетом воротился домой, дядя задумал сосватать ему невесту. Однако ни одна из девиц не приходилась Тю Шиню по праву — ни из городских домов, ни из деревенских. В конце концов дядюшка рассердился:

— Высокие тебе долговязы, низенькие — коротковаты. Уж не хочет ли ваша светлость взять за себя принцессу?

— А почему бы и нет! — улыбнувшись, ответил Тю Шинь.

— Ну, ежели так, — сказал дядя, — тогда послушай: в прошлом году отправился я по торговым делам и повстречал на дороге девицу, сидела она у обочины и плакала в голос. Приступил я к ней с расспросами и услы-

шал вот что: «Я из семьи Донг, зовут меня Няп, родилась я на Облачном острове. Я заблудилась и теперь никак не найду обратной дороги». Сжалился я над ней и приютил под своим кровом. Ныне сравнялось ей восемнадцать лет, она целомудренная, добрая и почтительная девица. Ты уже не юноша. Не взять ли тебе сейчас Донг Няп в наложницы? Потом, если встретишь девицу из знатного рода, сочетаешься с нею браком, как с первою женой.

Тю Шинь, услышав имя Донг Няп, вспомнил прощальные слова Монг Чанг, возликовал и тотчас ответил:

— Позвольте почтительно следовать вашим советам.

Дядя без промедленья купил для Донг Няп красивых нарядов и в счастливый день привел ее к Тю Шиню, устроив подобающий случаю праздник. С той поры девицу так и называли: наложница Тю Шиня.

Год спустя Донг Няп разродилась сыном. Когда же Тю Шинь взял его на руки, чтобы дать ему имя, то, приглядевшись, увидел, что он во всем, до малости, до самой малой черточки, похож на дитя, родившееся некогда от него в стране Хоа-куок. Шинь пораскпнул умом и быстро догадался о причине такого сходства, к тому же он отсчитал по пальцам месяцы — сколько их прошло со дня разлуки с принцессой — и получилось ровно двадцать шесть.

Дни мелькают за днями, словно ткацкий челнок, и вот уже подошло время столичных экзаменов. Тю Шинь участвовал в них вместе со многими и был удостоен высокого отличия. Вскоре его сделали Смотрителем столичных школ. С тех пор каждые три года ему выходило повышение в чине, так что спустя двенадцать лет стал он большим вельможей.

В самом начале года Козла, презренный Ву Ван Хой, полагаясь на неприступность окрестных гор, поднял

мятеж в Тюен-куанге и отказался выплачивать подать. Король многократно высылал против него войска, но одолеть его никому не удавалось. Тогда разгневанный вконец государь пожаловал Тю Шиню чин Главного военачальника, усмирителя варваров, и вручил ему двадцатитысячное войско, дабы он сокрушил мятежника.

Поистине, Тю Шинь в ратную премудрость привнес наставления Дуна и Цзя: не берись за оружие попусту, но, взявши его, — побеждай; готовясь к сражениям, уподоблялся он Суню и У, — либо не затевал дѣла, либо, пачавши его, доводил до завершения.

Поэтому после короткого раздумья он принял знаки верховной власти — изображение рыбы подвесил к поясу, поднял боевые знамена — и тотчас выступил на врага. Он шел, свернув многоцветные стяги, и без барабанного боя, по мало кому известным дорогам, переходил быстрые реки и зловонные топи, поднимался на крутые вершины, продирался сквозь лесную чащобу. Через полмесяца пути достиг он округи Люк-ан, от которой было рукой подать до вражеского стана. Однако путь ему преградила река, мчавшаяся в глубоком ущелье. Переправиться через нее вброд не было никакой возможности, поэтому Тю Шинь приказал разбить поблизости лагерь, разыскать окрестных жителей и выведать у них доподлинно, каково положение неприятеля и как к нему подобраться.

Жители отвечали:

— Река эта — Хо-тхюи — «Текучая вода». Ежели пойдете вдоль берега направо, то через день увидите стан мятежников. Если пойдете на восток, то и тогда потратите не меньше дня. Есть, правда, еще один путь. На другом берегу реки стоит гора Хоа-диеп; если вы перейдете реку и обойдете гору, а потом двинетесь напрямик, то поспеете и за полдня. Но воинам вашим придется прорубать дорогу сквозь лесные чащи,

— Сколько же замов надо пройти, огибая гору? — спросил Тю Шинь.

— Никкак не менее сорока, — отвечали жители. — Склоны ее поросли густым лесом; в том лесу круглый год не опадают цветы. Лет пятнадцать назад около полуночи слетелись сюда бабочки — десятки и десятки тысяч. Они поселились здесь и теперь, когда поднимаются над землею, заслоняют полнеба. Поэтому мы называли эту вершину Хоа-диен — «Гора цветов и бабочек».

Слушал их Тю Шинь, а про себя отмечал, что каждое их слово в точности совпадает со стихами, начертанными на листке из дивного мягкого камня. Ему открылись и значение и смысл прежних его сновидений: ведь вдовствующая государыня — это и есть Королева бабочек, а Монг Чанг — бабочка-принцесса. Да и само название государства «Хоа-куок» — это просто-напросто «Страна цветов». В давние времена Чжуан Чжоу (по-нашему, Чанг Тю) приснилось как-то, что он сделался мотыльком. Удивительно ли, что все теперь так и совпало, что имя жены Шиня — Чанг, а его самого нарекли Тю?! «Посланец, летящий меж цветов» — это мотылек, порхающий меж цветов, как то и сказано в одном древнем стихотворении; отметины на теле Монг Чанг — это пятнышки, которые всякий может разглядеть у любой бабочки. А вражье племя Черноперых? Ну конечно же, — это не что иное, как вороны и сойки. Значит, когда государыня говорила ему о переносе столицы, речь шла, разумеется, о перелете в здешние места.

Шинь достал листок со стихами Монг Чанг и принялся разбирать их строку за строкою.

«В первой строке говорится, что я поведу войско на врага, засевшего в неприступных лесах за горами.

В следующей строке слова «пи», что означает «второй», и «тнеу» — «малый», если их сочетать, дадут иеро-

глиф «мун», слова «шаунг» — «пара» и «тхиен» — «небеса» образуют иероглиф «кун», что означает, бесспорно, нынешний год Куи мун, или год Козла.

Третья строка означает, что надо идти на восток, однако не переходя Горы цветов и бабочек, что на другом берегу.

Смысл четвертой строки совершенно ясен.

В пятой строке три слова: «нят» — «единица», «тхап» — «десятка» и «нят» — «единица» в сочетании дают иероглиф «девятый». И это значит, что на девятый день я уничтожу того, чье имя Хой, ибо точно так же звучит и «хой» — «былая печаль» или же «горе».

В шестой же строке слова «люк» — «шесть» и «тхиен» — «тысяча» образуют иероглиф «тан» — «восьмой из десяти». Стало быть, позднюю порою в день тан я встречусь с Монг Чанг — ведь здесь упоминается беседа о «предопределенной любви».

Седьмая строка объяснений не требует.

Смысл заключительной строки таков: через пятнадцать лет в иных краях встречусь я с тобою, возлюбленный».

Уразумев потаенную суть стиха, Тю Шинь, хоть и понял, что сочетался узами брака с летучей тварью, но уж ничто не могло отрешить его от сладких воспоминаний и отвлечь от прежней любви.

Он созвал своих военачальников и объявил:

— Путь через гору Хоа-диен короче других, это верно, но он весьма утомителен, так как для этого нужно свалить немало деревьев и долго прорубаться сквозь чащу. Так мы, чего доброго, спугнем мятежника. Поэтому Мы со своей частью войска двинемся вдоль правого берега Хо-тхюи и обрушимся на вражеский лагерь слева. Тем временем помощник Нап со своим полком обойдет гору

с востока и ударит по мятежнику справа. Замысел Наш прост и безупречен.

Едва опустил он свой бунчук с головою тигра, как военачальники бросились исполнять приказ. Само собой, они наголову разбили мятежников, а Бу Ван Хоя взяли живьем. Тю Шинь опечатав захваченную казну, сжег дотла вражеский лагерь, переписал податной люд и, покончив за десять дней со всеми делами, выступил в обратный путь. Случилось все это в день тан, поэтому Тю Шинь на исходе дня велел причалить ладью подле горы Хоа. Он вспоминал стихи принцессы и преисполнялся надеждой снова увидеть прежние сны.

Когда закатилось солнце, Тю Шинь приказал поставить в ладье тигровый шатер и отошел ко сну. Вскорости, как в бывалые времена, явился за ним посол и пригласил ко двору. Тю Шинь отправился следом за ним и темного спустя очутился в роскошных палатах, красотой и блеском превосходивших старый дворец десятикратно. Он тотчас увидел вдовствующую государыню, она восседала на престоле посреди выстроенного в саду павильона.

Еще издалека донесся до него ее голос:

— Не гнетет ли вас усталость, о прославленный Усмиритель варваров? Глядя на густые усы ваши и бороду, думаем с грустью: пропала юная ваша краса и пригожесть. Как быстролетно время, как недолговечна весна! А ведь есть немало людей, без пользы расточающих отпущенные им дни.

Тю Шинь, склонившись, приблизился к трону. Государыня, как требовал того обычай, справилась о здоровье зятя, а затем велела придворным приготовить все, что нужно для пиршества в уединенном покое. Встретились там Тю Шинь и Монг Чанг и подняли чаши с вином. Монг Чанг была столь хороша, что гуси, завидя ее, попадали бы с поднебесья, а рыбы бессильно погрузились бы

на дно океана. Тю Шинь, сей знаменитый полководец, чья слава обошла земные пределы, был подобен легкокрылому соколу и грозно ревущему тигру. Столько лет пробыли они в разлуке и вот свиделись вновь, отмеченные великим богатством и знатностью. Страсть их пылала, усугубленная крепким вином. Солнце взошло и закатилось снова, но пиршеству их не было видно конца.

Узнав об этом, государыня послала принцессе такой приказ: «Супругу твоему король доверил великое дело, не затягивай же сверх меры, дитя мое, развлечения и забавы».

Тогда только прервали они пир, и Тю Шинь пришел отдать государыне прощальный поклон. Она взяла его за руку и сказала.

— Мы в преклонных летах, силы Нас покидают. Зато наследник престола вырос и возмужал. Через месяц сложим Мы с себя бремя правления и удалимся в тайные чертоги, дабы вкушать там отдохновение и покой. Державу Нашу решили Мы разделить надвое: земли по левую руку, что на востоке, отойдут к принцу; землями же по правую руку, на западе, будет владеть принцесса. Однако с тех пор, как перенесли Мы сюда столицу, число Наших подданных и достояние государства выросли многократно, а принцесса — всего лишь слабая женщина, и ей одной не под силу будет держать народ в повиновении. Вы должны поскорей завершить дело, порученное королем, вернуться сюда и царствовать вместе с нею.

Тю Шинь отвечал согласием.

— Древние говорили, — молвила далее государыня, — «Остерегшись заранее, беды не страшись». Сказано также: «Готовься встретить беду, пока еще тень ее тебя не коснулась», и еще: «Двери запри и окна завесь перед дождем, а не после». Так и вы позаботьтесь о нашей державе, не дайте полчищам Черноперых перейти через гору Хоа-

диеп. Слава государя, пекущегося о народе, продлится в веках.

Тю Шинь обещал ей и это.

Мгновенье спустя ветер всколыхнул полог, и Тю Шинь проснулся. Военачальники, ожидавшие его пробуждения, почтительно сказали:

— Вы отошли ко сну вчера, в час тхан, и проспали двенадцать часов; стражи только что пробили этот же час. Должно быть, ратные дела вконец утомили вас и потому вы почивали так долго?

— Впервые за многие месяцы тревог и волнений вкусили Мы сладость сна, — усмехнулся Тю Шинь.

Поднявшись на берег, он один, без провожатых, обошел гору Хоа-диеп. Затем купил тридцать земельных паделов, прилегавших к ее склонам, нанял тамошних жителей, искусных в стрельбе из лука, и поселил на тех землях, чтобы они стрелами своими отгоняли птичьи стаи. Устроивши все наилучшим образом, он отбыл наконец в столицу.

Зная, что вскоре суждено ему сделаться властелином Страны цветов и потому не задержится он долее в этой жизни, Тю Шинь подал государю прошение, чтобы тот отпустил его на покой. Затем Тю Шинь воротился домой и к вечеру умер.

Правоучение мужа с южных гор. Все, кому бы ни довелось прочитывать этот рассказ, говорят в один голос, будто в нем мало правды и что только благодаря искуснейшей кисти, расцветившей повествование словесами и узорами, история эта слывет отменной и занимательной. Причина же тут только одна: видя вокруг себя не столь уж много чудес, люди, когда чудо случается не с ними, а с кем-нибудь другим, почитают услышанное чистой небылицей.

А ведь и у нас, в горных долинах, в землях Хынг, Туиен, Тхай, Ланг и Као-банг, есть немало удивительного, такого, о чем не прочитаешь ни в летописях, ни в книгах. Кто не знает, к примеру, об оборотнях, которые днем сохраняют человеческий облик, а по ночам становятся привидениями, летающими по воздуху, а то и «достоянием там ванга». Кто не слышал, как мертвецы, чьи останки сохраняют для поклонения, в голодные годы превращаются в тигров и рыщут повсюду в поисках пищи. Это ли не ужасающее, это ли не удивительно!

Если подобное происходит с людьми, то почему не может случиться с прочими тварями? Известно ведь, что в отдаленных лесных топях, где никогда не бывает людей, звери, по прошествии многих лет, становятся оборотнями.

У бабочек есть своя царица, как и у муравьев — свой государь.

Сам же рассказ этот значением и смыслом своим подобен «Истории о пчелиной матке». Но только там:

— Кончается сповиенье — кончается и любовь; свиданья и встречи рассеиваются, как ветер.

Здесь же:

— Виденья становятся явью, и все обретает свое завершение.

Что же до искусства и изящества, с которыми написан этот рассказ, то осмелится ли прочитавший его утверждать, будто мы, живущие ныне, уступаем древним?!

*Рассказ
о золотом шелкопряде
там ванге*

В горных ущельях и глубоких пещерах водится там ванг — тварь ненавистная и презренная. Ничто его не берет — ни металлы, ни дерево, ни вода, ни огонь. Есть у там ванга пагубный и зловредный обычай: если уж он прибьется к какому-нибудь дому, то ни за что его не покинет. Единственный способ для несчастной семьи избавиться от там ванга — это собрать половину всего своего добра, сложить, в середину спрятать там ванга и, увязав покрепче, вынести на проходную дорогу. Путник, ни о чем не подозревая, поднимет находку и отнесет домой. Достояние этого человека тотчас начнет умножаться, на радостях он поместит там ванга подле кухонного очага и станет поклоняться ему с утра до ночи. Однако некоторое время спустя лицо у хозяина дома пожелтеет, как тело там ванга, брюхо, раздувшись, сделается огромным, как барабан. Тут уже бессильны любые снадобья и прптиранья. Лет через пять человек этот все равно умрет. От отца хворь перейдет к детям, от детей — к внукам, и

тищеты будут просьбы, молитвы и подношения, никто не избежит от напасти. Там ванг изведет всю семью до последнего отпрыска. Один лишь Кун-мин, когда он явился в страну Шу, сумел измыслить способ, как изгнать там ванга. И поныне пришельцы из тамошних земель, если пристанет к их дому там ванг, избавляются от него с помощью чудодейственного вещества, коего состав и способ приготовления известны из сохраняемых ими записей. Надобно взять три донг кана «громовых шариков», истолочь возможно более мелко и, подсыпав немного белых квасцов, тщательно все перемешать, а порошок этот спрятать в потаенном месте. Едва там ванг выползет на свет, берут щепоть дивнодействующего снадобья, посыпают им мерзкую тварь от головы до хвоста, и от нее остается лишь лужица, цветом напоминающая кровь. Но это еще не все: злокозненный дух там ванга способен наслать порчу или какое-нибудь несчастье. Потому, услышав в воздухе малейший шум, надлежит швырнуть в эту сторону пригоршню порошка. «О, черная неблагодарность!» — гневно воскликнет дух и уберется прочь. Более он никогда не вернется, и, стало быть, пришло избавление!

Смехотворное состязание близ ворот великого Юя

В год восшествия на престол, в начале первого месяца Император Нефрита издал следующий указ: «Величество убеждено: благополучие народа зависит от дождей; чтобы изливать дожди на землю, нужны драконы. В «Книге перемен» сказано: «Благоприятно свидание с великим человеком»; в этих словах содержится намек на драконов.

На шести драконах зиждется власть Величества на небесах. Ныне установлено: Речной дракон вконец одряхлел и перестал быть самим собою, Горный дракон облеился и уклоняется от дел, скрываясь в дальних полях или же в глубоких безднах. Спрашивается, как после этого могут возноситься к небу водяные вихри и выпадать повсюду дождем?

Посему решено учредить избранье драконов, начав его в четвертый день четвертого месяца четвертого же года. Все твари, живущие в безбрежных просторах моря или среди встывающих речных протоков, в водоемах, круглых,

как Пять озер, или в узких каналах, — все, имеющие плавники или лишённые оных, хвостатые или бесхвостые, допускаются к участию в испытаниях. Тот, кто перепрыгнет три порога Ву-мон, будет увенчан славой; обретет дар превращения и внешность величественную и грозную; по утрам будет резвиться в потоках Млечного Пути, а вечером — возвращаться к вратам неба, сопровождаемый свитой из пятицветных облаков. Он станет поистине в тысячи и тысячи раз могущественнее всех прочих тварей.

Увы! Не позорно ли без пользы качаться на волнах и прохлаждаться на ветру, прозябать в тихих заводах? Насколько достойнее, вознесшись в высокие небеса, верховодить тучами и творить дожди! Очищайтесь же духом и телом, готовясь к испытаниям и избранью драконов!»

Едва указ императора сделался известен в земных пределах, Краб, сам себя величавший «Рыцарем с опустошенным нутром», заявил во всеуслышанье:

— Мудрецы говорят: «Быстроногие всегда впереди». Это про Нас! Не у Нас ли пара клешней, подобных мечам, а под ними — восемь широко распростертых ног, равных которым по прыти не сыщешь во всех морях. С такими ногами, сколько ни высоки пороги Ву-мон, Мы в мгновение ока окажемся наверху. Если не Мы удостоимся высшей награды и почестей, то кто же?

Тут прискакала Лягушка.

— Стоит лишь Нам напрячь могучие Наши бедра, — возгласила она нескромно, — и трижды подпрыгнуть, как Мы будем уже на вершине.

Угорь изогнулся и произнес самодовольно:

— Мы сошьем свое тело, трижды метнемся кольцами и взлетим на самый верх Ву-мон.

— Известно давно: «Вседневно творимое дело привычно для духа и тела», — гордо сказал Анабас. — Взбираться по горным уступам — Наше обычнейшее занятие.

Мы расставим вширь плавники и вознесемся против течения. Нам ли почитать это за труд?

Лангуст тоже стал похваться:

— В герои и небожители годятся только особы, у которых хорошая родословная. Мы же в прошлом существовании были из тех, что гордо иарят в небесах. Так что стоит Нам лишь слегка поднатужиться, и первое место — Наше. Что здесь особенного?

Поистине:

Сын Неба может сотни раз
Издать о выборах указ —
Тьма тех, кто жаждет старшинства,
В морях объявится тотчас.

Вскоре пришло лето. Император назначил Наставника драконов главным судьей испытаний, черепах Знай и Баба — надзирателями и стражами порядка, а Пятицветную рыбку — телохранителем судьи. Острей в длинной, широкой мантии был назначен всеобщим распорядителем.

В назначенный день у подножья Ву-мон собралось видимо-невидимо водяных тварей; ошетины усы и тряся бородами, теснились они, как тучи на небе, как сложенные черепицы; тела их извивались, пасти не закрывались ни на миг. Они, растянулись более чем на сто замов и в нетерпении поднимали головы к небу, желая начать состязание.

Острей-распорядитель едва успел назвать участников состязания, а златочешуйный Карп, разгуливавший в толпе, уже изогнулся и, выскочив из воды, перелетел над всеми тремя порогами. Следом за ним прыгнули и другие карпы; из десяти карпов лишь пятеро или шестеро одолели пороги. Рыцарь с опустошенным путром тотчас же упал, запутавшись во мху; с тех самых пор роет он норы и прячется под землей, стыдясь своего бахваль-

ства. Лягушка, захлопав в ладоши, прыгнула, но после первого же скачка сломала обе передние лапы; теперь таится она в прудах и озерах, затянутых ряской, боясь насмешек окрестных людей над ее увечьем. Что до Угря, то, едва взобравшись на первый порог, он с шумом свалился в грязь. Анабас же, который, стиснув зубы, карабкался вверх, не достигнул и первого порога, он рухнул, ушибленный в голову скатившимся камнем. А лангусты — все страшные обжоры с огромными животами, пытались прыгать, отталкиваясь хвостами; им и в голову не могло прийти, что толстые их животы перевесят и голова окажется внизу, а хвост — вверху; их стошнило, и зловонное содержимое желудков исторглось им прямо на голову.

Все от великого позора разбредились кто куда.

Нравоучение мужа южных гор. Это, разумеется, не более чем шутка, но талантливая кисть такова, что мы воочию видим пред собой хвастуна и бахвала, когда тот изрекает хвастливые речи, и поистине зрим лик, исполненный стыда и смущения, читая слова раскаяния. Описания здесь по силе равны портретам. Те, что имеют обыкновенные привирать без зазрения совести, прочитав эти строки, пусть извлекут для себя должный урок.

Рассказ о чуде в семье рыбаков

Было в семье рыбаков всего только двое — муж и жена; никто не упомянет ни имени их, ни рода, не знаем также, из каких они вышли мест. Знаем только, что поселились они на берегу Восточного моря и промышляли ловлею рыбы. Поистине:

Тяжелые сети рыбак приволок,
и вот их колышет волна,
А следом за мужем к причалу идет
с удпилицем длинным жена.
С рассветом в простор уплывают морской,
гребут торопливо веслом,
Нанижут улов на тесьму — и домой
плывут. И восходит луна.

Равно соответствуют истине строки:

На реке застает их восход, в море ночь застает,
От зари до зари им тянуть это бремя забот,
это тяжкое бремя труда,

Но в ладонях монеты звенящие — продан улов.
Рыбаки возвратились домой. У детей рыбаков
будут чашки сегодня полны.

Супругам было уже за пятьдесят, когда родился у них наконец сын. Души они в нем не чаяли и баловали всячески. В ту ночь, когда он появился на свет, в сеть к ним попала огромная рыба ме, и потому нарекли его Тхук Нгы, что означает «Рыбак», а прозвище дали Ха Бао — «Речное сокровище». Когда Тхук Нгы исполнилось пятнадцать лет, отец пожелал, чтобы он оставил промысел и отправился учиться.

Тхук Нгы спросил отца:

— Что значит «учиться»?

— Поучения и дела мудрецов и славных мужей древности изложены в книгах, — сказал отец, — изучив их, ты будешь подражать великим.

— А есть в книгах рыба? — осведомился Тхук Нгы.

— Нет! — ответил отец.

— Возможно ли поученьями и делами мудрецов и славных мужей древности уловить рыбу? — снова спросил сын.

— Поучения и описания подвигов — слова, и не более того, — сказал отец, — рыба же — существо живое, словами ее не поймашь. Вопрос твой лишен смысла.

— Если в книгах нет рыбы и словами ее не уловишь, для чего тогда науки? — возмутился Тхук Нгы.

И наотрез отказался учиться. Отец с матерью, нежно любившие сына, не решились понуждать его к учению силой.

Что ни день, покончив с утренней трапезой и дождавшись, пока отец с матерью уйдут с сетями на берег, Тхук Нгы исчезал из дому. Возвращался он лишь на следующий день, а иногда отсутствовал дня два или три кряду. Как старики ни старались выпытать, где он проводит время, —

все тщетно. Поначалу, удивленные и встревоженные, они искали его, спрашивались о нем у соседей, но потом смирились с отлучками сына.

Однажды отец ласково спросил юношу:

— Кто кормит тебя все эти дни? Что ты делаешь, и на что уходит твое время? Ты не захотел учиться, а теперь бросил исконное занятие предков. Разве не так поступают бездельники и тунеядцы?

— Пословица гласит: «Умножь семью, умножишь богатство», — отвечивал сын. — Вы оба уже состарились, а дом наш по-прежнему скуден. Поэтому я и решил найти себе жену. Она облегчит ваши заботы: вместе мы будем усердно трудиться и обретем со временем приличный достаток. Но когда замыслишь дело всей жизни, поспешность недопустима. Оттого-то и уйду я надолго, ибо хочу высмотреть и разузнать все как есть. Неужели я стал бы тратить время на праздные развлечения, уподобясь бездельникам и тунеядцам?

Услыхав разумные речи сына, рыбак не стал больше никогда бранить его. Так в продолжение двух или трех лет Тхук Нгы отлучался из дома и возвращался, когда хотел.

Однажды рыбак с женой вышли в море. Улов был в тот день необычайно велик: лишь когда барабаны отстучали третью стражу, старики в последний раз выбрали сеть. Небо потемнело и закрылось туманом, так что они уже не могли различить, в какой стороне берег. Вдруг они увидели вдалеке слабый огонек и сказали друг другу:

— Там жилье. Поплывем туда и попросим приюта на ночь.

Вскоре они услышали явственно, как кто-то проговорил:

— Отец жениха пожаловал, готовьте ему встречу!

Из освещенных фонарем дверей вышел старик с длинной бородой. Приветливо улыбаясь, он сложил ладони и поклонился им.

— Время позднее и путь неблизкий, однако же вы не сочли за труд навестить нас. Как мне отблагодарить вас за это?

Рыбак и его жена в величайшем недоумении вошли следом за старцем в дом. Поговорив с ним немного, они отправились на покой.

Наутро супруги собрались было откланяться, но старик остановил их:

— Прошу вас, побудьте у нас еще немного. Пусть Нгоа Ван — «Возлежащая на облаке», представится вам, как подобает невестке.

— Позвольте узнать, кто такая Возлежащая на облаке? — спросил рыбак.

— Это восемьдесят девятая дочь моя, — отвечал старец. — Повстречались они с вашим сыном на морском берегу и тут же принесли друг другу обеты вечной любви, перасторжимой, как та, что соединила некогда семьи Чжу и Чэнь. К сожалению, они были юны годами и не могли тогда сочетаться браком. Однако сын ваш нередко навещался к нам; ведь сюда, как говорится, «спустился Феникс». С тех пор прошло три года. И вот решили мы избрать в конце этого месяца счастливый день и отправить невесту в дом жениха.

Тут он призывает к себе Нгоа Ван и говорит ей:

— Почтенные гости, сидящие перед тобой, родители твоего жениха. Поклонись им.

Нгоа Ван присела и четырежды им поклонилась. Видя, что девица знатна, богата и к тому же хороша собою, рыбак с женою чрезвычайно обрадовались. Одно их огорчало: они так и не узнали, кто ее родители.

В это время внесли угощение, и снова пришлось рыбаку с женой немало подивиться. Стол был уставлен посудой из фаянса, и на каждом блюде двигались и прыгали во все стороны живые существа. Иные извивались, словно драконы, другие скакали, будто кони, третьи резвились и забавлялись, ровно малые дети, или же насакивали друг на друга, точно бойцовые петухи. И хотя любая тварь была величиной не более кончика пальца, их плавники, рога, шерсть и перья, их крылья, уши, глаза, их лапы и ноги в точности соответствовали природе каждой. Рыбак, отроду не видавший ничего подобного, оробел и никак не решался приступить к еде.

Старец, поняв это, с улыбкой промолвил:

— Горы высоки беспредельно, моря безбрежны; кто способен познать и запомнить всех живущих там рыб, зверей и птиц? Чудесным даром вдохнули во всех этих тварей движение и сотворили яства для обеих трапез — утренней и вечерней, однако во всем остальном сущность их подобна обычным живым существам. Конечно, с первого раза ум вряд ли способен охватить это диво, однако изумление быстро проходит. Хотите, я сам отдаю все это прежде, а после и вы поешьте в свое удовольствие.

Взяв в руки палочки, рыбак с женой убедились, что все блюда как раз спели, вкусом бесподобны и ароматны на диво.

Откушав, гости распрощались с хозяевами. Нгоа Ван пошла проводить их к лодке. Заглянув в пещеру неподалеку от песчаной отмели, она крикнула:

— Эй, рабы полурыбы! Проводите-ка родителей жёниха моего до самого их дома.

Из пещеры вышли два молодца и зашагали к воде по песку.

— Волны сегодня слишком высоки, — объяснила им Нгоа Ван, — на веслах по морю не пройдешь. Снимайте свои одежды и полезайте в воду; один пусть плывет за кормой и толкает лодку, а другой — тянет ее за нос. Иначе вам не добраться скоро до места.

Затем она помогла старикам взойти в лодку и тихонько прошептала им на ухо:

— Над здешними водами поднимаются ядовитые и зловредные пары. Если они попадают человеку в глаза, он тотчас слепнет. Поэтому прошу вас, зажмурьтесь покрепче, прикройте для верности веки ладонями и не пытайтесь хоть что-нибудь увидеть. И двух часов не просияет солнце на небе, а вы покроете путь в десять тысяч замов.

Нгоа Ван простилась с рыбаком и его женой и пошла назад, к дому.

Старики, следуя ее совету, крепко зажмурились и положились во всем на молодцов, двигавших лодку. Однако час спустя они все же глянули украдкой в щель между пальцами. Повсюду, куда достигал их взор, были только небеса и море. Рыбы выпрыгивали высоко из воды за кормой, огромные волны ударялись о лодку.

Провожатые за это время и вовсе перестали походить на людей; змееподобные их тела переливались чешуей, как у драконов, на звериных мордах зияли черепашьи пасти. Они мчались, то уходя под воду, а то возносясь над волнами, стремительно, словно облака в небе. Рыбак, хотя исплавал он за свои шестьдесят лет немало морей и рек, ни разу не встречал подобных чудищ. От ужаса старики тесно прижались друг к другу. Прошло трижды по два часа, покуда провожатые наконец громко сказали:

— Прибыли! Вот ваш дом.

Рыбак и его жена открыли глаза, перед ними была их старая пристань. Радостные, сошли они на берег, но не

успели обернуться и вымолвить хотя бы слово, как полурыбы пустились в обратный путь и во мгновение ока исчезли. Войдя в дом, отец призвал Тхук Нгы и говорит ему:

— Пословица гласит: «Отрок разумный достойную сыщет жену; девица, слышущая доброй и милой, мужа найдет». Ту, кого ты выбрал себе в жены, мы с матерью видели и одобряем. Поистине — «умное чадо, ласковая невестка». Однако мы так и не знаем, на какой день назначена свадьба. Откуда родом невестка? Знатна ли ее семья? Далеко отсюда или близко ее дом? Непременно Расскажи нам все, как есть, чтобы мы успели приготовиться ко времени.

Затем он поведал сыну о путешествии по морю и удивительных провозах.

— Живет невестина семья на Дальнем острове, — отвечал Тхук Нгы, — все они из рода морских духов. От Дальнего острова до здешнего берега Восточного моря примерно десять тысяч замов. Сват говорил, что время отпраздновать свадьбу падает на конец нынешнего месяца.

Отец даже вскрикнул от изумления и испуга:

— Десять тысяч замов! Да ведь это полгода пути! А до конца месяца осталось всего три дня. Как же мы успеем?

— Невеста моя владеет волшебным искусством сокращать расстояние, — объяснил Тхук Нгы. — И родитель ее не требовал свадебных подношений — ни шелков, ни золота. Зачем же вам торопиться и волноваться?!

На исходе месяца двое сородичей доставили Нгоа Ван в дом жениха и сыграли свадьбу. С виду сородичи ничем не отличались от людей, ни единой черточкой.

С той поры стало в семье рыбаков четверо — двое мужчин, две женщины. Вместе в одной лодке выходили

они в море, и всякий раз их сети были полны самою вкусной рыбой. К концу дня они доставляли свой улов на базар, и покупатели неизменно давали за него наивысшую цену. Вскоре в семье появился достаток.

Так незаметно прошло четыре года.

Однажды в ночь на седьмой день седьмого месяца отец сказал своим домашним:

— Долгое время мы себе отказывали во многом, чтобы прикопить денег. Дом наш теперь — полная чаша, так что, если и отдохнем мы сегодня, вреда от этого никакого не будет. Нынешней ночью встречаются в небе созвездия Ткачихи и Волопаса, надо бы нам устроить праздник и вознести молитву «о даровании удачи и умения в ремеслах».

И все с ним согласились. Но едва они преклонили колена и стали молиться, как раздались громopodobные удары волн. Люди в страхе выбегали к деревенским воротам. Отовсюду надвигались могучие водяные валы. Чудовищные вихри сметали с лица земли целые селения. Даже если бы у людей выросли перья и отросли крылья, они все равно не смогли бы спастись от разбушевавшейся воды.

Тут Нгоа Ван простерла стремительно руки и, сделав волшебный жест, воскликнула:

— Преображение!

Тотчас же превратилась она в огромную рыбу и исполинским телом своим преградила путь воде. Старый рыбак с женою и Тхук Нгы ухватились за рыбы усы и взобрались к рыбе на спину.

К утру вода спала, но повсюду окрест люди, дома, скотина — все было унесено волнами. Только хижина и сад стариков стояли как ни в чем не бывало, словно вознесенные во время бедствия на вершину горы.

Нгоа Ван взяла мужа за руку и заплакала:

— Я ведь была наставницей королевских чад во дворце Повелителя вод, но, повстречав вас, решила навеки связать с вами свою судьбу. Увы, возмездие настигло меня! Однако, не прими я свой истинный облик, разве сумела бы сохранить для предначертаний судьбы жизнь вашу и ваших родителей? Раскрыв свою тайну, я лишаясь права остаться с вами. Такова воля неба...

Потом отерла она слезы с лица и запела:

Родным поклонясь, я сменила обличье, паряд,
Пришла через месяц в твой дом.
Казалось мне: нашему счастью не будет преград.
Увы, налетел ураган,
Морская восстала волна,
Помчалась она, покатилась она, словно гром.
Стихии все разом сошлись.
Не удержи я пейстовых пенных громад —
Тебя, мой любимый, и матушку вместе с отцом
Сожрала бы рыба, а может быть, выплывший гад.
Я выдала тайну. О, только бы вашей семье
Не выпали беды, что мне, горемычной, грозят!
Зачем эту кару нести нам с тобою вдвоем?
Тхук Нгы, мое сердце! Прощай!
О, нет мне дороги назад!
Запомни навек — справедливо у нас говорят:
Луна ли взойдет, загустеет ли мрак за окном —
Цветы свои чаши в положенный срок отворят.
Зачем же, о небо, о синее, стало ты нашим врагом?

Нгоа Ван трижды повторила свою песню; после чего исторгла изо рта некое вещество белого цвета и протянула его Тхук Нгы:

— Примите на прощанье, о супруг мой, этот ничтожный дар. Смешайте его с соленою влагой, выпейте, и не страшны вам будут морские бури и никогда вы не утопете.

Мгновенье спустя превратилась она в дракона и улетела на северо-запад.

Нравоучение мужа с южных гор. Любовная история, подобная этой, и в прежние времена и в наши показалась бы равно сомнительной. В самом деле, морская дева с Дальнего острова входит невесткой в дом рыбака на берегу Восточного моря — сие не очень-то согласуется с истиной. Она же ныряет под воду и загоняет в сети лучшую рыбу; семья всего за четыре года обретает богатство. Перед лицом смертельной опасности дева перевоплощается, дабы собственным телом оградить супруга и его дом. Опасаясь навлечь несчастье на стариков, сама порывает узы супружеской любви, исполнив до конца оба долга: почтение к родителям и супружеской верности. Читая оставленную ею печальную песнь, словно бы воочию видишь деву морскую. Найдутся ли в этом мире подобные невестки! Никчемные, они только то и умеют, что кичиться знатностью своей и богатством да свысока взирать на родителей мужа. Разве могут они сравниться с девою-рыбой?!

Принцесса Нефрита обретает супруга

Император Нефрита был уже в преклонных летах, когда у него родилась дочь, прекрасная, словно цветок, с кожей белее снега; даже искуснейший живописец не в силах выразить возвышенность ее души. Она замечательно рисовала, играла на цитре и пела, проявляя к тому же удивительные способности не только к этим, второстепенным, в сущности, занятиям. Родись она мужчиной, быть бы ей среди первых мудрецов, отмечаемых на экзаменах. Ей исполнилось дважды по восемь лет, а звали ее Нгаук Ти — «Нефритовая печать». Однажды Император Нефрита решил устроить в своем дворце состязание женихов под названием «Ожидание Феникса». В состязании имел право участвовать каждый, кто ни пожелает.

Услыхав об этом, Повелитель гор сказал самому себе:
— Горы — высоки, превыше всего на свете. Кому, как не Нам, победить в состязании Феникса? Когда же Мы возьмем за себя Нгаук Ти, все станут чтить Нас как

Бодхисатву, вседневню восседающего на лotosовом троне, возносить к Нам молитвы и любоваться Нами. В своем царстве Мы сделаемся владыкой птиц и зверей, а за его пределами — принцем и зятем самого Императора Нефрита. Вот как велико будет всеобщее к Нам почтение!

Не теряя времени, уселся он в колесницу, запряженную белыми косуями, и помчался к Небесным воротам.

Услыхав о том же, Повелитель вод собрал на совет всех водяных тварей и сказал:

— Воде — всюду дорога, она проникает собою все и вся. Так было, есть, и так будет! Кому, как не Нам, подстрелить воробья, нарисованного на ширме?! Когда же Мы возьмем за себя Нгаук Ти, то построим для нее жемчужный дворец посреди моря, и будет она возлежать там под пологом из яркой парчи, сотканной подводными ткачами. А Мы станем любоваться ею и всячески о ней заботиться. В морях и реках все водные твари будут Нам верными подданными, а в небесах Мы станем супругом императорской дочки. Вот как велики будут Наша известность и слава!

Не теряя времени, вскочил он на коня и, оттолкнувшись от водной глади, помчался ввысь.

Случилось так, что оба Повелителя встретились друг с другом у Ворот, сложенных из драгоценных камней, и вместе вошли во дворец. Один из них был высок и темн лицом, а другой — низок и светлокож. Они сотворили перед дворцом положенные поклоны и в один и тот же миг распрямились оба во весь рост.

Император выслал дворцовую стражу, и стража спросила их:

— Откуда вы пожаловали сюда и по какой надобности? Каковы имена ваши и род?

Они называли свои имена и звания, а затем сказали:

— Дошла до нас весть, что Ваше величество учредили состязание «Ожидание Феникса». Мы, недостойные, хотя и не обладаем всеми девятью красотами и семью добродетелями, присутствия Фениксу, однако же дарованиями и немалым своим искусством предвозвестнику великого спокойствия не уступим ни в чем. Сожалеем лишь, что неведомы нам возвышенные желанья и мудрые намеренья Вашего величества.

Император Нефрита милостиво им улыбнулся и промолвил:

— Нам подвластны десять тысяч земель, и есть у Нас единственная дочь Нгаук Ти. Если бы сыскался муж, равный ей талантами и достоинствами, Мы бы отдали за него принцессу. Покажите Нам каждый, на какие чудеса вы способны, а Мы посмотрим.

Повелитель гор взмахнул рукою в сторону дворцового входа — туда, куда устремил свой взгляд Император Нефрита, и в тот же миг поднялась там высокая гора, вершина которой терялась в тумане, как у Лазоревого пика, а иные отроги видны были четко и ясно, как у горы Соцветия яшм; там порхали и садились прекрасные птицы, разгуливали диковинные звери. Стоило сделать шаг в сторону, и картина принимала тысячи изменений. Все тотчас оглашалось криками чудищ и стенаньями духов, и эхо в горах и глубоких ущельях вторило им; рычали тигры, ревели медведи, исполинские змеи разевали пасти, способные проглотить слона, а над ними летели птицы — крылья их, словно тучи, закрывали небо. При виде ужасающих тварей земных и нежити придворные, коли бы могли, отвернулись, а слушая их крики и вопли, почли бы за благо оглохнуть.

Император Нефрита наклонил голову и изрек:

— Великий искусник!

Повелитель гор снова взмахнул рукою, и вход во дворец принял свой прежний вид.

Тогда Повелитель вод высунул язык с магическими письменами, и в тот же миг вход во дворец превратился в морскую пучину. Волны с гребешками пены взметнулись до небес и кинулись на землю. Наивысочайшие горные цепи скрывались под водою, а из-под воды вырывалось пламя, развевавшееся подобно множеству знамен. Губительные смерчи были высотой с самые высокие и толстые деревья и, падая, рассыпались ливнями дождя. Вдруг разом пропали с глаз долой все драконы и рыбы, показался цветистый парчовый парус, возносившийся к лунным чертогам, и посреди спокойных вод вознесся дворец Пэнлай, окруженный толпою разноцветных облаков. Раздалась стройная веселая музыка, и в лад ей звучали пленительные и чистые голоса певиц. Чудесные звуки слышались словно бы со всех сторон, все, представавшее очам, было исполнено удивительной красоты. В один-сдиный миг сменились тысячи очертаний и тысячи красок.

Император Нефрита наклонил голову и молвил:

— Великий искусник!

Повелитель вод во второй раз высунул язык с магическими письменами, и вход во дворец принял свой прежний вид.

Император с великой радостью усадил Повелителей обеих стихий на циновку по левую руку от себя и стал их потчевать чаем.

Оба гостя, тешась самодовольством, восседали подле Императора, как вдруг они увидели, что во дворец входит какой-то человек.

Он обладал осанкою дракона и поступью тигра, очами Шуня и бровями Яо, он был огромен и ясен, словно гора, и душа его была безбрежна, словно море. Человек этот

вышел на середину двора и остановился — недвижно и прямо.

— Это место особое и чтимое всеми! — грозно закричала дворцовая стража. — Кто ты? Откуда пришел и почему не падаешь ниц?

Человек сложил руки на груди и сказал:

— А зачем падать ниц победившему в состязанье «Ожидание Феникса»? Не пробей я воробьиного глаза, разве я посмел бы явиться пред очи царственного тестя? Прошу Императора оказать мне свою благосклонность.

Император Нефрита чрезвычайно изумился, однако предложил незнакомцу сесть на циновку по правую руку и медленно произнес:

— Почтенные гости, сидящие слева от Нас, — вот кто победил в состязании Феникса. Оба они из прекрасного рода и искусны превыше всяких похвал. Поистине им нет равных во всей вселенной. Если не они — избранные, достойные восседать на восточном ложе, то кто, спрашиваю я тебя? Да и что ты умеешь сам, коли дерзаешь соперничать с ними? Слов нет, изрядно ты поразил Нас своим скудоумием!

Человек с достоинством поднялся и сказал:

— Вы не правы, Ваше величество. Духи, повелевающие горами и водами, сильны и всемогущи в пределах своих владений, но не более того. Чем иным, как не хитростью и хвастовством, добились они столь лестного о себе мнения? Сколь ни высока гора, люди восходят по ней до вершины; сколь ни велико море, но корабельщики, соревнуясь друг с другом, переплывают его от берега и до берега. Познания и ум, царящие во вселенной, суть познания и ум единого властелина. Горы беспрекословно исполняют назначенный им долг; реки не смеют нарушить предначертанное им течение. Если не друг притаился, как заяц, в горах или скрылся, подобно

киту, в отдаленном море, против него посылают умудренного науками мужа либо полководца, славного ратным искусством. Войска ныне строят в боевой порядок, наподобие змея с горы Чаншань, а движение армий могуче, словно течение рек Цзян и Хань. Горы могут стать ровень с землей, а хребты — превратиться в долины; разбушевавшуюся воду можно утихомирить, бурливым речным потокам преградить путь. Оглянитесь: реки смиренны, горы невозмутимы, повсюду царит покой. Река Хуанхэ подобна поясу, а гора Тайшань — точильному камню. Пять вершин и Четыре реки хранят вассальную верность. Кто посмеет противиться восходящему на вершину гор, одолевающему пучину моря, дабы выразить преданность Небу?! Император, Сын Неба, владеет всем видимым миром, Императрице подвластны душа и нутро всего сущего, им — все плоды земли и дары моря, все вкуснейшее, сладчайшее, драгоценнейшее. Кто ж после этого станет слушать черпак, кричащий, что он бездонен, или камень, объявивший себя великаном?

Император Нефрита, возликовав в душе, поднял руку и объявил:

— Воистину, ты — Наш зять! Не будь тебя, лжецы и пустоболты непременно обманули бы Нас.

Видя и слыша все это, оба гостя, сидевшие по левую руку Императора, на мгновение оцепенели, а затем втихомолку скрылись, не посмев и заикнуться более о сватовстве и тем паче о женитьбе.

Нравоучение мужа с южных гор. Дол покрывается травой, словно черепаха облекается в свой панцирь; глубокая расселина в горной пещере — будто раковина, таящая прекрасную жемчужину. О, всякая девица подобна своим сестрам! Повелитель же гор, похвалявшийся своей мудростью, и Повелитель вод, превозносивший свои та-

ланты, — оба остались ни с чем, потому что прибегли к искусству своему единственно ради обмана. Внимая речам человека, постигаешь, насколько он благороднее, насколько выше Повелителей обеих стихий; об этом говорят и заключительные слова его: «Император, Сын Неба, владеет всем видимым миром, Императрице подвластны душа и нутро всего сущего; им — все плоды земли и дары моря, все вкуснейшее, сладчайшее, драгоценнейшее». Именно эти его слова определили выбор Императора Нефрита, провозгласившего человека своим зятем. «В поисках мест, очертаньем похожих на жилы Дракона, люди проходят тысячи запов, ибо земля в тех местах благодатна для погребенья; а ведь могила мала и так неприметна». Вот изречение, передающее истинный смысл сего рассказа.

Рассказ о супруге-козле

В деревне Тхань-кхе жила вдова с двумя дочерьми. Младшая вышла замуж, а старшая оставалась с матерью. Пятидесяти девяти лет от роду мать умерла.

Старшая дочь получала великое множество любезных писем и любовных посланий, но на все она отвечала отказом, ибо ей не на кого было бросить дом, да и не могла она нарушить приличия, выйдя замуж до окончания траура. Лишь через три года обещала она приклонить слух к речам о замужестве.

После смерти матери у нее не осталось никого из родных, кроме дядюшки. Поэтому она перебралась в дальнюю деревню, где он проживал, и занялась шитьем на продажу. Неизменно дважды на день она возлагала на алтарь чашечку с рисом и скорбно рыдала при этом. Так шли за неделей неделя, за сотнею дней — другая, однако и на первых и на последних поминах она равно сокруша-

лась и лила горькие слезы по матери. Она охрипла и исхудала. Услыхав ее плач или увидев горестный облик ее, всякий тут же сказал бы: вот истинные любовь и почтение.

Спустя три года исполнился срок печали. В весенний день поминовения мертвых купила девица бумажных денег и отправилась на кладбище. «Минуют дни, за ними уходят месяцы, — говорила она себе, — давно ли скончалась матушка, а уж лица ее не увидеть и голоса не услышать, лишь этот холм, поросший травой, — единственная память о ней, и кто знает, где теперь странствует ее душа? О, несчастье, о, жалкая судьба!.. Мне двадцать один год, — думала она, — девушке трудно быть все время одной; сад, зацветающий по весне, должен иметь садовника. Уйдут годы, и некому будет посидеть у моей могилы». И она тихо плакала, сдерживая рыдания и жалобы. Лишь когда опустилось солнце, ушла она от материнской могилы.

На дороге ей попался козел с белой, словно снег, шерстью, отбившийся, видно, от хозяина. Он увязался за ней и, как ни гнала она его прочь, не уходил. Когда она подошла к дому, он вбежал прямо к ней в комнату.

Постепенно девушка привязалась к козлу с красивою шерстью: нарежет она, бывало, бамбуковых листьев и несет ему поесть. Козел был весьма чистоплотен; всякий раз после еды он выбирал во дворе местечко повыше и посуше, ложился и отдыхал. На ночь он устраивался в доме. Но вот однажды ночью обращается козел в юношу и садится на ее ложе. В страшном испуге спряталась девушка за постелью и воскликнула:

— Четыре месяца ты был козлом, отчего же нынче ночью я вижу, что ты стал человеком? Кто ты — злой дух? Или оборотень?

Девушка была скромна и целомудренна. Она схватила палку, которой отмеряла материю, и принялась колотить юношу.

— Я вовсе не злой дух и не оборотень, — спокойно отвечал юноша, — я всего лишь колесничий Императора Нефрита. На свою беду, я поскользнулся и разбил драгоценный камень по имени «Золотое зерно». Разгневанный Император Нефрита сослал меня в этот мир на тридцать лет, по истечение которых мне будет дозволено вернуться обратно. В память о том, как встречались мы некогда в Счастливых садах и любили друга друга, облекся я в эту белую шкуру и пришел к тебе. Не бойся меня.

Немного оправившись от испуга, девушка взглянула на юношу и открыла, что красота его бесподобна, что ни Сун Юй, любовавшийся цветами, ни Фань Лан, в дар которому бросали плоды, не идут с ним ни в какое сравнение. Тогда она совершенно успокоилась и сказала:

— Прежде никто о тебе не знал, но теперь, если кто проведает обо всем, то, будь наши помыслы даже чище жемчужин, людская молва ославит нас в одну-единую ночь. Зачем же, коли в давние времена меж нами и вправду была любовь, ты сразу не пришел ко мне в человеческом облике? Что ж! Теперь ничего не поделаешь. Свершим сперва пять положенных брачных обрядов, а потом соединимся навеки. Но ведь ты только ночью будешь со мной в человеческом образе, а днем — вновь превратишься в козла. Выходит, если понесу я от мужа-козла, то разрешусь, чего доброго, козленком. Нет, не хочу выставлять себя на всеобщее посмешище!

— Я — обитатель звезд, — улыбнувшись, возразил юноша, — а ты — повелительница цветов. Когда небожители сочетаются любовными узами, разве подобны они

простым смертным, чье ложе не успевает остыть от первых объятий, а уж появляются на свет дети?

Деввица доверилась юноше и приблизилась к нему. Ведь только счастливейшим девушкам дано повстречать небожителя в этом мире, а любовь небожителя во сто крат глубже и сладостней человеческой! Поистине:

Месяц седьмой, седьмое число —
самый счастливый день для Тик Пы,
Милые, как неразлучные птицы,
дремлют, крылами друг друга обняв.

Они склонились к изголовью и отдались чувствам.

Перед рассветом юноша вновь принял обличье козла, и так продолжалось три года.

Девушка, с той поры, как совершила сонные с животным, стала шить и вышивать много искуснее прежнего, да и сама, что ни день, становилась все краше. Молодые люди засылали к ней сватов, но она всем отказывала, говоря, будто решила до конца дней своих жить лишь памятью о родителях и оттого никогда не выйдет замуж. Они пускались на всяческие уловки и хитрости, надеясь не так, так этак овладеть ее сердцем, но все было впустую.

Жил в то время в деревне один юноша, домогавшийся ее среди прочих и получивший отказ. Тогда он надумал добиться девушки силой. Ночью он подкрался к дому, заглянул в дверную щель и увидел ее, нежно беседующую с каким-то незнакомцем. Он вспыхнул злобой и бросился скликать соседей. Но когда они ворвались в дом, то нашли рядом с девушкой всего только белорушного козла. Молодой человек принужден был удалиться с позором.

Однажды поздней ночью супруг-козел долго сидел молча с печальным лицом и не ложился спать. Деввица

спросила его, в чем причина печали, и он ответил ей сокрушенно:

— Мечтал я прожить с тобой тридцать лет, дожждаться часа, когда переродится твое существо и ты, сбросив земное обличье, станешь бессмертной, как и я. Тогда мы улетели бы вместе на небо и наслаждались там вечными радостями. Откуда мне было знать, что Император Нефрита вспомнит вдруг заслуги моего предка, истолковавшего книгу «Вёсны и Осени», и из милости зачтет мне один год изгнания за десять. Сегодня кончился тридцать шестой месяц, стало быть, кончился и срок моего изгнания. Эта ночь — первая, завтрашняя — вторая, а третья ночь будет ночью прощания. Не нежиться мне больше в белом и мягком меху, не возлежать среди цветов на твоём дворе. И хотя при дворе Императора меня ожидают веселье и радости, разве смогу я позабыть о нашей любви. Вот отчего я печалюсь.

Девушка схватила его за руку и заплакала:

— Поверила я твоим словам, что любовь наша predetermined судьбою, и потому решилась на незаконный союз: вот уже три года живем мы с тобой в сердечном согласии, и я мечтала прожить так еще сто лет, вознося благодарность небу. Но, увы, ты покидаешь меня, — значит, если выдадут меня за другого, я нарушу свой обет верности. О, как трудно мне будет без тебя! Нет, лучше умру, а душа моя пусть улетит вместе с тобою.

С этими словами она упала ему на грудь и лишилась чувств.

Долгое время оставался юноша в печальном раздумье, затем приподнял девушку, стал шептать ей на ухо слова утешенья, называть ее по имени, ободрять ее. Наконец она очнулась.

— Ведь ты не дала мне даже подумать, как сделать так, чтобы встречи наши не прекращались, — сказал он

девушке. — Зачем же сразу отчаиваться? Повеления Императора исполняются беспрекословно, и я не смею здесь оставаться долее, однако впредь, когда ты вспомнишь о нашей любви и если будет это безлунною ночью, подними к небу лицо и прочти, словно молитву:

О небесный возникший, летучих коней властелин,
В белой шкуре козла ты когда-то один
 сиротливо блуждал по земле без дорог.
За высокою тучей вознесся твой горный чертог;
Облака проплывают, как бурный поток,
 вспоминаю — и в сердце тоски не унять.
Поклонись Властелину небес, чтоб вернуться опять;
Разве можем, как надобно, не увенчать
 нашей давней, минувшей любви благодать.

Повтори это трижды, и я тут же явлюсь к тебе.

С тем достал он пилюлю неведомого снадобья, дал девушке принять ее и в мгновение ока исчез, точно его и не было.

После этого всякий раз, когда читала она эти стихи, юноша приходил к ней. Спустя четыре месяца она захворала. Зная, что ей уже не поправиться, она призвала к себе дядюшку, открыла ему историю своей любви и испустила дух.

Во время похорон люди, которые никак не могли поднять ее гроб на плечи, услышали внутри какой-то шум. Открыв крышку, они увидели там желтого гуся с венком из цветов в клюве; гусь взмахнул крыльями и полетел ввысь. В гробу же осталось платье да горсть костей.

Нравоучение мужа с южных гор. Читая историю о супруге-козле, убеждаешься, что на земле и в небе все летающее, ныряющее, бегающее и укрывающееся в порах — отнюдь не бессловесные твари. Над ними тяготеют либо злодеяния, доселе не искупленные, либо узы давней любви,

еще не пережитой: тогда они принимают иные обличья или же рядятся в звериные шкуры, чтобы найти друг друга. Случается, что они сбрасывают обличья и обретают свой подлинный вид. Не так ли было, к примеру, с посланцами Ван-му и с Черной свиньей, в которую перевоплотился Цинь Куи, с журавлем Лин-вэя или с Белым драконом, превратившимся в рыбу, — подобные истории не редкость и в нынешние времена. Нужно только внимательнее смотреть вокруг себя, а взглядевшись, принять в рассуждение все обстоятельства дела, дабы не почесть истинно живые существа за неодухотворенные твари.

—

История мыши-оборотня

У неких богатых людей был сын; когда ему исполнилось двадцать лет, родители женили его. Жена была хороша собою, и он сильно ее полюбил. Но едва миновало полгода после свадьбы, отец говорит ему:

— «Не учась во младости, что станешь делать в старости?» Послушай меня! Ты сейчас в самом цветущем возрасте, полон сил и здоровья. Не пора ли тебе взяться за учение и усовершенствовать свой дух! Ведь помышляя только об утехах супружества, ты попусту растрачиваешь время, не упускай его — потом и раскаяться не успеешь. Отправляйся в дальние края и вникай в книжную премудрость; изредка и ненадолго ты сможешь возвращаться домой.

Поняв правоту отца, юноша тут же захотел учиться. Он простился со всеми домашними и, сопровождаемый старым слугою, отправился в дальние края на поиски ученого наставника. Нежная и заботливая супруга тихонько сказала ему на прощанье:

— Супружеская любовь — на долгие годы, а не на день-другой. Вы отправляетесь в далекие земли учиться. Если вам повезет, вы успешно пройдете все экзамены, принесете славу родителям вашим, радость детям и мне самой. Прошу вас, забудьте пока о вашей любви ко мне, старайтесь лишь преуспевать в науках. Придет время, вы возвратитесь, и мы насладимся любовью. И не тревожьтесь: я позабочусь о том, чтоб родителей ваших почтить и уважить, выбрать им лучший кусок, поутру приветить и утешить вечером.

С отъездом мужа жена принялась всячески ублажать его родителей; послушная и любезная, она не навлекла на себя и тени их неудовольствия. Так прошло полгода. И вот однажды ночью видит она, как муж перелезает через ограду и входит в ее опочивальню.

— О супруг мой, — удивилась женщина, — отчего вы приходите так поздно? И хорошо ли, вернувшись издалека и не поклонившись отцу с матерью, торопиться сразу к жене! Утром они узнают обо всем и возмутятся: дескать, любовные ласки для вас выше сыновнего долга и ничему вы не выучились в чужих краях, а обо мне скажут, будто я думаю только о плотских удовольствиях.

— Милая супруга, — отвечал муж, — очень я по тебе соскучился и давно уж хотел вернуться, да все боялся родительского гнева. Поэтому сегодня, едва дождавшись ночи, я украдкой явился к тебе и уйду с первыми петухами. Держи мой приход в тайне.

Жена промолчала. Они укрылись под одним пологом и отделились страсти. Когда прокричал первый петух, муж встал и вышел из опочивальни.

На следующую ночь он явился к ней снова.

— Я ведь знаю, что вы учитесь более чем в двух днях пути от дома, — сказала ему жена, чрезвы-

чайню изумившись, — как же вы успеваете возвращаться обратно?

— Откроюсь тебе во всем, — отвечал ей муж, — ради тебя я сменил место ученья и проживаю теперь лишь в десяти шагах от нашего дома. Однако, чтобы видиться с тобой без помех, я утаил это от родителей.

Жена очень любила его и более ни о чем не расспрашивала. Так миновало еще полгода. О тайных встречах никто не догадывался, но красота жены с каждым днем увядала, словно ее подтачивал скрытый педуг.

Родители мужа, видя, что невестка их чахнет от тоски, посоветовались и сказали так:

— Молодые супруги, живущие в разлуке, вызывают сострадание. С тех пор как сын наш уехал, прошел равным счетом год. Что и говорить, невестка почтительна и прилежна, однако у нее болезненный вид и в глазах — печаль. Поэтому мы отправляем сыну письмо, в котором разрешаем ему приехать. Пусть погостит с месяц дома, порадует родителей, — и мы ведь давно глаза проглядели, стоя в воротах у прохожей дороги, — а там и жену утешит, одинокую на супружеском ложе.

Итак, отец отправил сыну письмо. Сын испросил разрешения у своего наставника и без промедления пустился в путь. На другой день, в полдень, он добрался до дома и тотчас прошел в родительские покои. Отец стал первым делом расспрашивать его об успехах в ученье. Сын отвечал толково и без запинки, чем несказанно обрадовал старика. Отец позвал невестку и, со смехом показывая на сына, сказал:

— Ну-ка, невестка, гляди на своего мужа и его слугу! Видишь, как поистрепалось их платье и взлохмачены волосы. Что же ты не спешишь подать супругу чистую одежду и не согреешь воду — умыться с дороги?

Невестка с поклоном повиновалась.

Вечером вся семья сошлась за веселою трапезой, и было там немало выпито и столько же съедено. Лишь поздней ночью сын, с позволения родителей, удалился в свою опочивальню.

— По-прежнему ли батюшка твой и матушка в добром здравии? — спросил он, присев рядом с женой.

Но она промолчала. Тогда он сказал шутливо:

— «Не сравнить новобрачных с супругами, что встретились после долгой разлуки». Знаешь, по какому случаю это сказано?

Но жена и на этот раз ничего не ответила.

— В «Книге песен» сказано:

Этот вечер — не знаю, что это за вечер сегодня?
Я тебя увидала — собою прекрасен мой милый¹.

Разве наши с тобою чувства не созвучны древним стихам?

Жена и на этот раз промолчала. Помедлив, муж ласково погладил ее по спине:

— С того самого часа, как оставил я родной кров, я, говоря словами поэта, «у петушиного окна в почти безмолвной свитки книг разворачивал», и знания мои умножались день ото дня. Уподобился я бедному мудрецу, который, не имея светильника, читал книги в сиянии белого снега, просветляя свой дух, и добродетели мои с каждым днем укреплялись. Постиг я, что старое изречение: «Отец и мать, возлюбя свое чадо, пекутся о будущем его на долгие годы вперед», — по справедливости относится и ко мне. Пребывая вдали от дома, я был твердо уверен: ты всегда воздашь родителям должное, и был по-

¹ «Шицзин», Перевод А. А. Штукина, изд-во АН СССР, М., 1957, стр. 144.

коен. Однако едва вспоминал я нашу опочивальню, сердце мое загоралось страстью, и в мечтах я уносился к тебе. Послушай, какую я сложил песню:

По ком на чужбине тоскую и ночью и днем?
Любовь неизбывная в сердце моем,
 вовсеки моя неизбывна тоска!
Кого я зову? Кто мне видится издалека?
Печаль, словно горный хребет, высока,
 любовь — словно туча, плывущая вдаль.
Неужто тебе, о любимая, вовсе не жаль
Страдальца, в чьем сердце гнездится печаль?
 Скажи, вспоминаешь ли ты обо мне?
О ком день и ночь я печалюсь в чужой стороне?
Не в силах забыться я даже во сне,
 все яства безвкусны, все яства пресны.
Тревожны осенние ночи и полдни весны.
Вдали от тебя, от родной стороны
 мгновение — как нескончаемый год.
О небо! Зачем ты послало нам столько невзгод?
Неделя одна за другою идет;
 мне рыба и гусь не приносят письма.
Второй уже год я тоскую, подумай сама!
В жилище моем одиночество, тьма,
 возлюбленной нет; и, тоскою сражен,
Томлюсь, как томились влюбленные давних времен.

Но жена по-прежнему не отвечала.

— В песне «Боевая колесница», — сказал разгневанный муж, — супруга, оставшись одна, от тревоги не спит по ночам. В песне «Возвращение из похода» жена, разлученная с супругом, предается тоске и горестно вздыхает. Любящие сердца страдают в разлуке, — так бывает со всеми, и этому тьма примеров. Отчего же, скажи, я по тебе истомился, а ты так холодна со мной? Трижды я обращался к тебе, и трижды не ответила ты на мои слова. Что это значит? Взгляни на горлицу, как она кричит в дождь, призывая солнце, ибо только при солнечном

свете может встретиться со своим любимым. Если уж птица, малая тварь, показывает такую силу чувства, то человек тем более должен оставаться верен своей любви. Или сердце твое переменчиво, подобно листку, который поворачивается, куда ветер дует, и ты, как говорят: «Одного провожаешь к воротам, а другой к двери в паланкине спешит»? Есть еще и старинное присловие:

Проводит супруга — и тут же замену найдет:
к чему тосковать ей всю ночь напролет?
И ночи одной в одиночестве не проведет.

Оно ведь словно про тебя придумано.

Широко раскрыв глаза от изумленья и гнева, жена воскликнула:

— Для чего вы городите весь этот вздор?! Не прожили мы в разлуке и полугода, как вы, тайком от отца и матери, перебрались поближе к дому. По ночам вы лезли сюда через ограду и с первыми петухами уходили, крадучись, в приотворенную дверь. Вспомните, сколько раз встречались мы за это время! К чему же теперь болтать о тоске и разлуке? Я любила вас, жалела и боялась, потому и сдержала свое обещанье не открывать никому нашей тайны. Вы же наговорили великое множество слов, весьма для меня обидных и оскорбительных. Униженная вами, как я стану глядеть в лицо вашим родителям, да и своим родителям также?

— Вот уже второй год тому, как я и в глаза тебя не видел, — вскричал муж, — старый слуга подтвердит, что я говорю чистую правду. Да разве это похоже на меня — втихомолку менять наставника или лазить в собственный дом через ограду? Не иначе, у тебя гащивал какой-то развратник, прикинувшийся мною, а ты, обознавшись в ночной темноте, да и сама лишившись от похоти разума, с немалой, как видно, охотою раскрыла ему объятья, а

сейчас, ничтожная, ты осмеливаешься говорить мне, будто он — это я!

Жена заплакала и сказала:

— У кого, как не у вас, красный шрам на нос и черная родинка в ухе, словно зернышко риса? Голос, подобный звону кхання и губы точно киноварь? Кто другой ростом не выше и не ниже вас, дородством и статью — вылитый вы? Не я ли своими руками сшила белые вапши порты и платье из тонкого шелка? Как же я могла обознаться? Ваш шелковый веер и красный платок — это ведь мои подарки, как же мне было ошибиться? Не далее как позапрошлой ночью вы разделяли со мною ложе и говорили так сердечно и нежно? Я ясно все помню. И вы еще смаете говорить, будто я путаю вас с кем-то?

И она зарыдала в голос.

Родители мужа слышали плач, прибежали и стали допытываться, в чем дело. Невестке же, оскорбленной мужем, злость ударила в голову; обливаясь слезами, принялась она кататься по земле и, позабыв приличия, рассказала о ночных делах все, как было.

— Коли правда то, что наговорил здесь супруг мой, — закончила она, — значит, я не только нарушила супружескую верность, но и запятнала доброе имя семьи. Как мне теперь жить дальше?! Как глядеть вам в глаза?

Тут она стала биться головой о колонну, стремясь лишить себя жизни. Свекор со свекровью и муж бросились утешать ее и уговаривать приветливыми словами. Наконец она пришла в себя.

Поразмыслив, родители сказали сыну:

— С того дня, как ты отправился на учење, жена твоя была нам во всем послушна, добродетельна, а тебе хранила верность. Если и обольстили ее, то только обма-

ном. Странно, однако, другое, что за полгода мы так ничего и не заметили! Уж не злой ли дух или оборотень, увлекшись ее красотой, повадился к ней? Возвращайся назад и продолжай ученье, а мы попробуем заклинаньями и амулетами одолеть его.

Сын послушался их и спустя месяц вместе со старым слугой вернулся к своему наставнику.

Свекровь шепнула невестке:

— Ночью, как только он явится, хватай его и держи покрепче; а сама — кричи что есть мочи, зови нас на помощь.

Когда на третью ночь старики услышали крики невестки, они тут же повскакали с постелей и подняли на ноги всех домочадцев и слуг. Прелюбодея схватили и привязали к колонне. Утром родители пришли посмотреть на пленника, и оказалось, что он как две капли воды похож на их родного сына. Невестка подтвердила: точь-в-точь ее муж. Родичи, близкие и дальние, все в один голос признали в нем отпрыска их семейства. В конце концов отыскался среди них некий умник, который сказал:

— Надо послать кого-нибудь туда, где учится ваш сын, и узнать, вернулся ли он; только так мы установим, самозванец это или подлинно ваше дитя.

Отец так и сделал.

На другой же день сын получил его письмо и вместе со старым слугою поспешил домой.

Мать с отцом, родня и невестка, глядя на того и другого, только даром глаза проглядели, ибо вместо одного человека перед ними стояли двое, и оба на одно лицо. Двойников тотчас отвели к уездному начальнику, чтобы тот рассудил, который из двух — оборотень. Начальник в этом деле разобраться не смог и переслал их к наместнику провинции. Но и наместнику оказалось оно не под

сплу, и потому направил он всех ко двору, отписав особый доклад.

Узнав об этом, Мы решили сами устроить дознание. Мы приказали страже снять с них одежды и выяснили, что не только лицом, но и телом они были похожи друг на друга во всем, даже щербинки от оспы и родимые пятна в самых сокровенных местах были у каждого одинаковы.

Один из приближенных сказал:

— Днем надобно вывести их на яркий солнечный свет, а ночью — осветить фонарями; тот, у кого не окажется тени, и есть оборотень. Позвольте их испытать, вреда здесь никакого не будет.

Прибегли Мы и к этому средству, увы, все было напрасно! Наши придворные, тщетно изыскивая способ разрешить сие престранное дело, впадали в отчаяние. И тут наполнили Наше сердце гнев и досада:

«Ежели Мы, государь и повелитель, не рассудим своим судом этого дела, то у родителей появится сын-оборотень, а у супруги — еще один муж, порождение нечистой силы. К тому же, если дело оставить без последствий, оборотень вновь примется за свое».

Воскурили Мы благовония светлейшему духу Фу-донга и попросили его о помощи. Едва поднялись к небу клубы ароматного дыма, слетел к Нам дух в образе юноши и сказал:

— Оборотень этот не кто иной, как старая мышь. Прожила она на свете несчетное множество лет и стала кровожадным чудовищем, потому что нет такой твари, плоти которой она не отведала бы. Она не боится ни огня, ни воды, и никакие заклятья и амулеты изгнать ее не в силах. Оборотни вроде этой старой мыши искусно принимают сотни разных обличей; их способности к превращениям с древнейших времен и по сей день не знают

равных. В Китае, например, при династии Сун подобная мышь оборотилась самозванным императором Жэнь-цзун. И сам Бао-гун, разбиравший их тяжбу, не сумел уличить оборотня. Пришлось обращаться к его величеству Императору Нефрита и почтительнейше просить у него на время кота с яшмовыми глазами; тогда только мышь лишилась своей волшебной мощи, предстала в подлинном своем естестве и пала от кошачьих зубов. Увы, ныне в Небесном дворце стало очень много книжных хранилищ, кот с яшмовыми глазами стережет их, и залучить его будет трудно. Однако ради вас, государь, я попытаюсь сокрушить оборотня чудесным мечом.

Он начертил на листах бумаги два магических знака и велел прилепить их на спины обоим юношам, чтобы тот, который оборотень, не сумел убежать.

На другой день Мы приказали вывести юношей на дворцовый двор и поставить лицом друг к другу. Внезапно все кругом заволокли тяжелые черные тучи, и посреди двора что-то сверкнуло, словно упала молния. Через мгновение небеса прояснились, и Мы увидели пятицветную мышь с усами, белыми, как снег, и висячими когтями на всех четырех лапах; весила она никак не менее тридцати канов. Уткнувшись головой в землю, она подышала; черная кровь текла из нее сквозь все семь отверстий. А рядом как ни в чем не бывало стоял юноша.

Стражники, приставленные к ним, содрогнулись от ужаса.

Мы же, подняв лицо к небесам, возблагодарили духа, после чего приказали сжечь мертвую мышь и пепел ее выбросить в реку.

Супруга того юноши из богатого дома еще более года принимала лекарства, прежде чем окончательно исцелилась от зловредных последствий общения с мышью-оборотнем.

Правоучение мужа с южных гор. Чересчур долгий век любую тварь превращает в оборотня. Однако с древних времен и донныне обезьяны, лисы и мыши хитрей и злокозненней прочих. Впрочем, обезьяна по природе своей способна и к совершению добра. Так, Сунь У-кун, служивший некогда конюшим у Императора Нефрита, за шутки и забавы свои, превысившие всякую меру почтения и приличия, был заколдован и сослан на землю, однако пятьсот лет спустя он исправился и вернулся на стезю добродетели. Вместе с Танским монахом совершил он паломничество в Тхьен-чук, где побывал у Будды Татагаты, и получил от него в дар более восьми десятков священных свитков. По сей день ставят в пагодах статуи Сунь У-куна в образе человека с обезьяньей головою и поклоняются ему; чудесам его нет конца. Лисы, хотя и злобны, все же не доходят до того, чтобы менять свой облик и прелюбодействовать с человеческими женами. Зато еще в эпоху Вёсен и Осеней мышь трижды тайком прогрызала рога жертвенных буйволов. Выедавая глаза у покойников, она становится мышиною царицею и разгуливает ночами, укрываясь на день в потаенных и глухих местах. В Китае при императоре Сунской династии Шэнь-цзуне мышь родом из Цзиньлина поменяла старые своды законов, чем вызвала мятежи и возмущения. А затем клика Цай Цзинна и Тун Гуаня, воспользовавшись обстоятельствами, ввергла династию Сун в ничтожество, и та лишилась трона. Изречение: «Без длинных клыков наши стены насквозь прогрызает», — показывает вредоносность мышиного племени. Другое изречение: «Ты ль сбирала зерно, что пшеницею нашей живот набираешь», — показывает, сколь велика мышинная жадность. Поэт в стихах упоминает мышь лишь для того, чтоб сравнением с нею осмеять и унижить никчемного человека. А Су Дуи-по непотребство мышси выпосит даже

в название одной из своих од. В сундуках мышь постоянно подстерегают оставленные людьми мышеловки; если же мыши превращаются в перепелок, люди ловят их сетями; из нор в основаниях жертвенников мышей выкуривают дымом; в полях поклоняются Духу — повелителю кошек, дабы те их сожрали. Тварью, обреченной на истребление и гонения от рода людского, во все времена была мышь. О мышь, мышь! отчего втайне ты столь зло-вредна, отчего нрав твой столь отвратителен?

Нгуен Зы,

Правитель уезда Тхань-тоан

**Из обширных записей
рассказов об удивительном**

Повелитель демонов ночи

Дивный муж по имени Зи Тхань родился на земле Куок-оай в семье Ван. Отважный и благородный сердцем, он не поддавался никаким искушениям и чарам нечистой силы, Как ни изощрялись похотливые оборотни и злые духи, превращения и сладострастные уловки которых трудно даже описать словами, он обходил их с презрением и оставался при этом неуязвим.

Во времена государей из дома Чан, когда подходили уже к концу годы Дважды повторенного сияния, люди стали гибнуть во множестве, и души безвинно убитых, не находя себе места для успокоения, толпами собирались у порогов харчевен либо подстерегали гулящих девиц, желая поразвлечься с ними. Демоны невозбранно владели всею землей подле города. Каждого, кто становился им поперек дороги, поражала неизлечимая хворь, и тут уж не помогали молитвы и тщетны были любые заклинания и заговоры.

Так вот, однажды, захмелев после выпивки, Зи Тхань

вскочил на коня и поскакал за городские ворота. Демоны в страшном испуге начали разбегаться.

— Постойте! — крикнул он им. — Ведь прежде вы были великодушными и храбрыми воинами и пали жертвами злой судьбы. Мы хотим говорить с вами ради вашей же пользы. Остановитесь! Не убегайте!

Демоны вернулись один за другим обратно, собрались вокруг Зи Тханя и пригласили его сесть на самое высокое место.

— Отчего вам так правится вредить людям? — спросил их Зи Тхань. — Зачем вы губите их?

— Мы хотим приумножить, наше войско, — отвечали демоны.

— Да разве, строя козни против живых, вы усилите свое войско?! — возразил Зи Тхань. — Прибавление войска влечет за собой нехватку питья и еды, и напротив — у малой дружины всего бывает в избытке. Какая же польза вам от ваших вредоносных деяний? Ведь стоит однажды поддаться вождениям и злобе, потом уж с ними не совладать. Погрязший в убийствах и злодействах омерзительней волка и кровожаднее тигра. Вот вы — рыщете повсюду, заливаете вином свои глотки, наживаетесь чужою похлебкой и рисом. В нужде подбирать тряпье и объедки, а едва наполнивши чрево, разбивать сосуды и чаши! Да разумно ли это?! Заметьте, тот, кто по собственной злой воле сеет несчастья и беды, тот дерзостно посягает на права Небесного творца, тот, кто нарушает сокровенный покой очагов, вызывает на себя гнев человеческий и угрозу отмщения. Вам ваши делишки, как видно, в большую охоту, но Мы, будь Мы на вашем месте, стыдились бы их и сокрушались всем сердцем. Даже небо, указуя истинный путь, вершит свою волю добром, но не силой. Люди рождаются для продолжения жизни, но не для того, чтобы убивать. Вы же возмнили себя власте-

линами судеб и преисполнились пагубной гордыни. Страннитесь! Терпение Повелителя неба скоро истощится, возмездие его грядет неотвратно, и вам от него не скрыться!

— Мы поступаем так против собственной воли и без всякого умысла, — в удручение и тревоге отвечали демоны. — Мы и при жизни ни в чем не знали удачи, и после смерти нам легче не стало! Мы страдаем от голода, и нет у нас крыши над головой. Брошены белые кости в недрах неизвестных холмов, поросших травой забвенья, в желтых песчаных буграх, где клубятся туманы и дуют холодные ветры. Вот мы и слетаемся на дружеский зов, чтобы сообща искать себе пропитание и приют. Знай, наступает пора роковых перемен, вскоре на людей обрушатся великие лишения и беды. По этой причине Повелитель мрака Минь Ти и поощряет нас в делах наших и странствиях. Мы опасаемся, как бы будущий год не оказался еще несчастливее нынешнего.

Тут демоны внесли и расставили как придется подносы со всякими яствами. Они рассказали Зи Тханю, что буйвол, чье мясо лежит перед ним, был угнан из ближней деревни, а бочонок с вином — украден в соседнем селении. Тхань между тем опустошал подносы да осушал чаши с быстротою ветра, и демоны, глядя на него, ликовали и говорили друг другу:

— Вот кто поистине достоин быть нашим предводителем.

И они обратились к Зи Тханю с такими словами:

— Кто мы сейчас, — шайка буйнов, дикарей, где всякий творит, что ему вздумается! Случись что-нибудь, без предводителя нам долго не продержаться. Само небо привело вас сегодня сюда, о Повелитель!

— Мы, — отвечал на это Зи Тхань, — равно искушены в трудах правления и ратных делах и могли бы возглавить вас, но как быть с Нашею старой матерью?

— Повелитель не понял нас, — сказали демоны, — единственное, о чем просим мы Повелителя, — это сплотить нас своим величием и властью и руководить нами. Днем мы будем разлетаться — каждый в свои пределы, а вечерами — присылать к вам гонцов с докладами. Для этого вам вовсе не нужно уходить к Девяти источникам, да и смеем ли мы столь сильно обременять вас.

— Если вы и впрямь решили возложить на Нас бремя правления, — ответил Зи Тхань, — Мы предъявим вам шесть условий, а вы дадите Нам клятву неукоснительно их исполнять.

Демоны тут же со всем согласились и попросили его пожаловать на третью ночь Иа это же место для завершения всех дел и передачи власти.

Все собрались к условленному сроку. Опоздал лишь один престарелый и дряхлый демон. Тхань приказал немедленно отрубить ему голову, и демоны затрепетали от страха. Затем он объявил им свои условия:

— Отныне и впредь вы должны беспрекословно подчиняться Нашей воле и Нашим приказаниям; накрепко забыть подлые и развратные свои привычки; прекратить бесчинства, нарушающие предустановленные людские судьбы, перестать грабить людей и, напротив, помогать им в несчастье; днем не принимать чужого обличья; по ночам не учинять свои сборища. Если вы согласны с Нашими условиями, Мы будем управлять вами. Тех же, кто осмелится их нарушить, Мы покараем без всякой жалости. Вдумайтесь хорошенько в Наши слова, дабы потом не пришлось раскаиваться.

Затем он поделил демонов на чины и разряды и велел обо всем, что бы у них ни случилось, дурном или отрадном, сразу ему докладывать.

Прошло более месяца. Однажды, когда Зи Тхань отдыхал от множества дел, явился к нему некто, назвавший

себя послом Повелителя мрака Минь Ти, и передал приглашение от своего владыки. Зи Тхань хотел было отказаться, но гость сказал:

— Это воля самого Зием Вьюнга, владыки Подземного царства. Заметив рачительность и твердость, вами проявленные, владыка пожелал наградить вас высоким званием и чином и отнюдь не намерен утешить вас в чем-либо. Не торопитесь с ответом. Если вы поразмыслите, то, несомненно, примете его приглашение. Я буду ждать вас тогда на дороге.

С этими словами посол исчез.

Тхань тотчас призвал к себе демонов и спросил их, что все это может означать.

— Почтительно докладываем, — ответили демоны, — сказанное послом Минь Ти — сушая правда. Мы не успели вовремя известить вас об этом, за что смиренно просим прощения. Дело все в том, что владыка Подземного царства, видя кругом себя одни неурядицы и усмотрев беспорядок в исполнении государственных дел, учредил четыре разряда демонов, над каждым из них он поставил начальника, которому вручил власть над судьбами всех земных существ и разрешил карать и казнить провинившихся. Должность эта весьма высокая, слов нет, но и слава о вас, Повелитель, разлетается повсюду, она успела уже достичь слуха его величества, кстати, и мы всячески превозносили ваши достоинства и таланты. Поэтому Зием Вьюнг соизволил доверить вам столь великое дело.

— А все-таки, — переспросил Зи Тхань, — к добру это или к худу?

— Мужи, облакаемые доверием в Подземном царстве, никак не уступят избранникам Будды, к тому же там бесполезны подарки и подкупы, просьбы и домогательства. Верный долгу и чести, даже если род его низок, возвысится и преуспеет, а нечестивец, будь он даже восслав-

лен молвой, пребудет в ничтожестве. Кому, как не вам, обладать столь необъятной, столь высокою властью? Ведь ежели Повелитель из-за приверженности своей к семье промедлит с указом, должность сия отойдет к другому, а это нас опечалит.

— Смерть ненавистна всем, — прищелкнув языком, отвечал Зи Тхань, — однако слава и власть никому еще не доставались даром. Самая лучшая, самая тонкая кисть именно из-за тонины своей сотрется, сосну рубят обыкновенно ради густоты ее ветвей, и, напротив, разве фазанов стреляют только ради красоты их перьев, разве слон приметен издалека благодаря белпзне своих бивней? Диких гусей убивают вовсе не потому, что они не гогочут, — только бесполезный конский каштан долго живет на свете. Янь Хуэй на тридцать втором году уже сошел в Подземное царство и ведал там письменными делами; Чан-цзи, оставивший описание Небесного дворца из нефрита, скончался двадцати семи лет от роду. Поистине, праведный муж не прельстится златом в сей жизни, не позарится на дорогие камни, ибо все помыслы и все заботы его устремлены к непреходящей славе. Так пристало ли мне покоряться превратностям мирской суеты? Лучше уж смерть в молодые, цветущие годы, чем дряхлая и бессильная старость!

Без промедления завершил он все дела, связанные с семьею и домом, и умер.

В ту самую пору земляк Зи Тханя и задушевный его друг по имени Ле Нго странствовал по землям Кве-зыонг и однажды, остановившись на постоялом дворе, — это случилось вскоре после того, как пробили первую стражу, — увидел знатного всадника на превосходном коне, со слугами и свитой. Всадник подъехал к постоялому двору и попросил ночлега. Хозяин почтительно приветствовал гостя, и Ле Нго изумился — до того голосом своим незна-

комец напоминал ему Зи Тханя, лишь лицо его отличалось немного от лица умершего друга. Избегая встречи с высококородным гостем, Ле Нго направился было к выходу, но тот остановил его:

— Ваш старый друг сразу признал вас. А вы, неужто вы так меня и не вспомните?

И он поведал ему свою историю, рассказал, что теперь он важный вельможа в Подземном царстве и что, вспомнив о прежней дружбе, решил повидаться с Ле Нго.

Тут Зи Тхань сбросил верхние одежды и велел принести вина и закусок. После одной или двух выпитых чаш Ле сказал ему:

— Всю жизнь я следовал праведному пути, откинув даже самую мысль о собственной пользе. Не избегал ли я причинить людям хоть малейшее огорчение или зло?! Не старался ли в меру сил и способностей постигнуть науки, не совершенствовал ли свои познания?! Не гнал ли я от себя смутные несбыточные желания, просил ли хоть что-нибудь сверх положенного?! Отчего же я все время терплю нужду? Отчего мои дети кричат от голода, а жена беспрестанно сетует на злую долю? Почему у нас нет надежного крова? Почему, отправляясь в путь, я не имею даже нона, чтобы прикрыть голову от дождя? Почему, куда бы я ни пришел, я нигде не встречаю удачи? Ведь среди наших с вами сверстников многие достигли чинов и богатства, между тем и ученостью и дарованиями мы были равны. Отчего ж столь различны наши пути? В чем, наконец, причина преуспевания одних и прозябания прочих?

— Как ни молись, — отвечал Зи Тхань, — не выразишь у судьбы богатства и знатности; нищета и неизвестность также приуготовлены роком. Потому ведь и умер от голода Дэн, владевший медной горою, а Чэ, появившись на свет, лишил достоянья Чжу Шу. Вспомните, как,

согласно предсказанию, поднялся ветер подле горы Маян, как в каменную плиту с надписью у пагоды Всеобщего счастья ударила молния. Не препятствуй судьба, люди высоких добродетелей и благих деяний, так же как Янь или Минь, непременно возносились бы к голубым облакам, а мужи, подобные Ло Бинь-вану и Лу Чжао-линю, выделялись бы среди простого люда. Вот и бывает, что не желаешь делать чего-то, а оно совершится по воле неба; или же вовсе не просишь чего-то, а оно приходит само, дарованное судьбой. Лучший удел для мужа — бедность, не ведающая угодничества и лести, и скромность, исполненная достоинства и твердости. Всякому — свое поприще. Что же до взлетов или падений, сие никому не подвластно!

Давно было выпито вино, а друзья все сидели подле светильника и никак не могли наговориться.

На следующий день, когда пришло им время прощаться, Зи Тхань удалил всех прочих из комнаты и сказал своему другу:

— Я получил послание от Повелителя неба. Величество предписывает мне, в добавление к прежним моим обязанностям, возглавить воинство моровых поветрий и развести его по округам и уездам. Начинаются мор, голод и смута; многие дома оскудеют и вымрут — из десятка людей уцелеют едва ли четверо или же пятеро, не больше. Для тех, чьи источники счастья мелки и скудны, добром это не кончится. Увы, будущее вашей семьи не прочно, оно сулит ей горести и напасти. Потому вам лучше не задерживаться здесь далее, а возвратиться поскорее к своим.

— Не смогли бы вы хоть как-нибудь мне помочь? — спросил Ле Нго.

— К прискорбию, — отвечал Зи Тхань, — ваши края мне неподвластны, и я бессилен что-либо сделать. У меня под рукою все, что к северу от Янцзы, земли же западнее

Янцзы — под началом вельможи из рода Динь. Мое войско — демоны в черных одеждах, сохранившие еще некие добрые начала. Войны Диня во всем белом, и они — злейшие из демонов. К встрече с ними надо подготовиться заранее.

— Что же я должен делать? — спросил Ле.

— Ночью каждый из предводителей отправляет в поход более тысячи демонов разносить моровое поветрие по городам и весям. К этому времени надобно вам запасти и выставить у себя на дворе побольше вкусной еды. Демонов после длинного пути станут, конечно, мучить голод и жажда. Завидевши угощение, они набросятся на него, а вы спрячьтесь где-нибудь в укромном месте и не показывайтесь, пока трапеза их не подойдет к концу. Затем выходите и кланяйтесь им в ноги. Кланяйтесь молча, ничего у них не просите. Может быть, они помилуют вас.

Тут заплакали они и распрощались.

Едва Ле Нго вернулся домой, как начался жестокий мор. Жена его и дети заразились тяжелой болезнью. Страдания их были столь велики, что они никого уже не узнавали. Тогда Ле Нго, помня наставления друга, выставил ночью во двор подносы с обильными яствами и фляги с вином. Вскоре появилось множество демонов. Слестев на землю, они переглянулись и сказали:

— Мы ведь устали и хотим есть. Почему бы нам не отведать этой еды? Не будет большого греха, если мы выпьем здесь и чашу-другую вина.

И они столпились вокруг подносов. Посередине уселся демон в багряной одежде, остальные демоны почтительно стояли вокруг, и в руках у них были у кого нож, у кого молот, а у кого — счетная книга.

Видя, что угощению и выпивке подходит конец, Ле Нго вышел из своего укрытия и принялся отбивать низкие поклоны, не останавливаясь ни на мгновение.

— Зачем это жалкое отродье явилось сюда и оскверняет пиршество? — вскричал демон в багряной одежде.

Прочие демоны сказали:

— Должно быть, это и есть хозяин, который нас угощал. Семью сго поразила болезнь, и он умоляет о милосердии.

Демон в багряной одежде, разгневавшись, бросил на-земь свою счетную книгу и воскликнул:

— Где это видано: ради жалкого угощения изменять предначертанья судьбы?!

— Но ведь мы только что вкусили от его щедрот! Как же нам не пожалеть его и не даровать спасения? Пускай нам грозит ужасная кара и даже смерть, мы все равно желаем помочь ему! — стояли на своем демоны.

Тот, что был в багряной одежде, задумался, потом обмакнул кисть в красную тушь, вычеркнул в сердцах из своей книги более десяти слов и удалился.

Спустя несколько дней все хворые в доме у Ле выздоровели. Ле Нго, исполненный благодарности к Зи Тханию, поставил, рядом с домом миеу в его честь, где поклонился ему и возлагал на алтарь дары.

И односельчане сго, бывало, приходили туда с молитвой и всегда обретали просимое.

Нравоучение. Увы! Сколь часто мы забываем о дружбе, одной из пяти истинных добродетелей. Хорошо ли, плохо ли написан рассказ о Предводителе демонов ночи — разве о том сейчас надлежит вести речь? Нет, об одном лишь стоит затевать разговор: о встрече Зи Тханя с его другом, ибо над подлинной дружбою не властна даже смерть; друг никогда не оставит в несчастье. Прочие же, кто водит знакомство лишь на пирах, за чашей вина и жирной едою, а случись беда — и не узнают при встрече, прочтя этот рассказ, пускай устыдятся и расскаются.

Зарождение и развитие классической вьетнамской новеллы

От того времени, когда королевский сановник Ли Те Сюйен составил «Собрание чудес и таинств земли Вьет», до появления сборника, откуда взята повесть о демонах ночи, завершающая книгу, прошло двести лет.

Двести лет — много это или мало для развития литературы или отдельного ее жанра? Иногда очень много, например, для Европы нового времени, а иногда — в середине века, бурные событиями, так сказать, количественного характера, но медленными в своем качественном продвижении, два века не столь уж заметны в истории литературы. Во Вьетнаме этих двухсот лет (начало XIV — начало XVI вв.) оказалось достаточно, чтобы там сформировался жанр литературной новеллы¹.

Вернемся мысленно к прочитанным переводам из четырех сборников старинной вьетнамской прозы и посмотрим, как и из

¹ Заметим, что еще в XIII в. была создана книга «Повествование о высшем воздаянии», в которой, видимо, были собраны рассказы об удивительных событиях, обработанные в буддийском духе. Однако книга эта давно потеряна, и сказать о ней что-либо определенное трудно. Пользуясь случаем, автор послесловия приносит глубокую благодарность Д. Деопику, П. Иркулину, М. Ткачеву за дружескую помощь советами и замечаниями.

каких источников возникает то, что принято сейчас называть новеллой (в ее вьетнамском варианте).

Книга открывается рассказом «Высокородные и победоносные воительницы Чынг», и первая же строка рассказа возвращает нас к исторической хронике. Это естественно, — ведь во Вьетнаме, как и в странах Дальнего Востока, связанных с Вьетнамом в средние века единством письменной, пероглифической традиции, летопись, историческая хроника предшествуют формированию жанра новеллы. В данном случае вся первая часть повествования, то есть рассказ о самих сестрах Чынг, словно перенесена Ли Те Сюйеном прямо из летописи, вторая — явление новой для Вьетнама прозы, она как бы дополняет летопись.

Ли Те Сюйен — не летописец, но многие его рассказы отталкиваются от хроники или иных исторических сочинений. В первом рассказе — это «История Поздниханьской династии» китайца Фань Е (398—445), в другом — собственно вьетнамская хроника До Тхисна, в третьем — историко-географические описания северной области Знао-тяу. Это было необходимо Ли Те Сюйену для придания рассказам внешней достоверности. Ведь его читатель, образованный вьетнамец XIV века, знал до этого лишь прозу историческую, повествующую главным образом о деяниях реально существовавших государей, а не о чудесных явлениях духов людям во сне, и воспринимал его книгу как новый исторический труд.

В течение ряда веков после Ли Те Сюйена «Собрание чудес и таинств земли Вьет» и его продолжения и подражания воспринимались именно как дополнительные исторические материалы, нечто вроде неофициальной истории. Историки охотно включают повествования о чудесах из сборника Ли Те Сюйена в свои труды. Так поступил, к примеру, Нго Ши Лисен (XV в.), создатель «Свода исторических записей о великой земле Вьет». Аналогичный процесс происходил и в Корее, где такие же сборники рассказов имели значение «яса», то есть «неофициальной истории».

К сожалению, ранние вьетнамские летописи в большинстве своем утеряны или же подверглись поздней переработке.

Известно, например, что, кроме династийных историй, которые писались по образцу соседних стран, во Вьетнаме начиная с XI века большое распространение получили и хроники семейные. Король Ли Тхай То, правивший в начале XI века, создал свои знаменитые «Нефритовые анналы» — родословную дома Ли. Крупные владельцы мгновенно подхватили эту традицию, в каждом феодалном доме стали писать свою родословную.

Постепенно летопись становится все более занимательной. В нее включаются повествовательные отрывки, стихи. Чем ближе к XIV веку, тем больше чисто литературных эпизодов попадает в описания царствований королей. В следующем, XV столетии детальность описаний в исторической прозе все увеличивается.

Летописи создавались во Вьетнаме обычно учеными-конфуцианцами, которые, следуя завету Конфуция, предпочитали не говорить о чудесах и потусторонних силах. Как сановник, ведавший королевскими архивами, конфуцианцем, несомненно, был и Ли Те Сюйен. Известно, что он восхвалял полководца XI века Ли Тхыонг Куэта, который боролся с поклонением всяческой «чертовщины» и приказал превращать храмы, в которых приносились жертвы злым духам, в храмы в честь героев и добрых духов. В этом приказе уже была известная двойственность, ибо сам Конфуций «не желал говорить» ни о добрых, ни о злых потусторонних силах.

Двойственность эта заметна и у Ли Те Сюйена. Самое «интересное» для него — именно чудеса, явления духов, их отношения с людьми. Их помощь людям. Помощь, столь нужная Вьетнамскому королевству в конце XIII века, когда с севера на него надвигались полчища монголов.

В предисловии к «Собранию чудес и таинств земли Вьет» Ли Те Сюйен писал: «В стране нашей с древности и по сей день стоит великое множество храмов, духам которых поклонялись люди, однако же среди духов было мало тех, кто имел бы заслуги в спасении отчизны и в помощи народу».

Думается, именно в подпитии и утверждении национального духа видел Ли Те Сюйен смысл своих рассказов. В основе его

труда лежип желание упорядочить пантеон духов и возвеличить тех, чей образ мог помочь в нелегкой борьбе с захватчиками. История сестер Чынг, мужественно сражавшихся с китайским полководцем Су Дином в I веке до н. э., еще творящих чудеса после смерти, была для этого весьма кстати.

Важны были и другие герои, помогавшие народу и жившие в его памяти, такие, как братья Хонг и Кат («Великий князь, гонитель врагов...»), как Ле Фунг Хиеу, начальствующий королевским войском, словом, все без исключения герои Ли Те Сюйена, в честь которых в средневековом Вьетнаме воздвигали многочисленные храмы, духам которых короли разных династий в трудные для государства дни жаловали один пышный титул за другим. Более того, рассматривая героев первого сборника — почитаемых людьми покровителей судеб, мы с некоторым удивлением обнаруживаем, что далеко не все они — герои национальные. Тем не менее и Ми Е, жена погибшего короля Тямпы (государства, существовавшего на территории современного Южного Вьетнама с IV по XV в. и павшего под ударами вьетнамских войск), и китайская принцесса из рода Чжао были равно окружены ореолом почитания, и в их честь существовали храмы.

Объясняется это тем, что во Вьетнаме, как и в соседних странах Дальнего Востока, существовал культ героев. Всякий, кто прославился при жизни каким-либо подвигом или добрым делом, имел шансы после смерти стать если не святым в полном смысле слова, то объектом почитания, зачастую полурелигиозного характера.

В основе всего этого лежал культ предков; он отправлялся в храмах, сооружавшихся по всей стране и называемых по-вьетнамски «ден». Там ставилось обычно глиняное или деревянное изображение героя, вешались доски с посвящением в честь героя, воскурялись благовония. В народе верили, что души этих героев и после смерти могут вершить чудеса.

Мы не знаем, существовали ли в то время во вьетнамских денах специальные храмовые книги, в которых велся бы счет подношениям именитых гостей и записывались рассказы о чу-

десах, творимых духами. В соседней с Вьетнамом Бирме такие книги были. Возможно, что нечто подобное существовало и во Вьетнаме и было использовано Ли Те Сюйеном. Во всяком случае, во многих вьетнамских храмах и до сих пор стоят каменные стелы с длинными записями мелковыбитыми иероглифами о перестройке храма, чудесах, подношениях.

Записи рассказов, аналогичные собранным Ли Те Сюйеном, появились во Вьетнаме много позже, чем в соседних странах. В Китае, с культурой которого Вьетнам был связан в то время многими путями, такие сборники стали составлять в III—IV веках, то есть на тысячу лет раньше. В Корее, литературные пути которой во многом близки Вьетнаму, — на двести — триста лет раньше. Столь позднее начало в сочетании с определенным конфуцианским рационализмом автора, видимо, и предопределили некоторую заземленность описываемых Ли Те Сюйеном чудес.

В китайских «новеллах» III—VI веков, типологически близких древним вьетнамским рассказам, люди встречают духов и демонов «прямо на дороге», духи действуют и живут как бы в одном мире с людьми.

У Ли Те Сюйена же духи являются людям лишь во сне и там ведут беседу или дают совет герою повеллы, причем во сне герой этот пассивен. Описания «явлений во сне» были характерны для многих средневековых литератур, в том числе и для русской.

Мы уже говорили о влиянии на Ли Те Сюйена летописной традиции. Заметим теперь, что выражается оно не только в прямом цитировании исторических сочинений или в ссылках на них, но и в самом характере изложения.

Как правило, Ли Те Сюйен излагает историю своего героя в типичной манере жизнеописания, которое на Дальнем Востоке работало в процессе составления династийных историй. Рассказ «Князь, начальствующий королевским войском...» начинается именно как жизнеописание: «Князя из семьи Ле звали Фунг Хиеу, и был он уроженцем деревни Банг-шон, что в округе Тхась-хоа. Некоторые считают его внуком вельможи по имени Ле Динь...» С ука-

зания точной родословной и титулатуры начинаются рассказы «Высокородные и победопосные вонтельпицы Чынг» или «Тхай Уи, преданный и мудрый, великодушный вонтель» и другие.

Повествования Ли Те Сюйена сближают с летописной традицией и указания точных дат (в такой-то год правления короля такого-то...), и некоторая трафаретность — то есть набор традиционных приемов — изображения героев. Традиционные приемы — результат многих влияний, от вьетнамской народной легенды до китайской историографии и поэзии.

Ли Те Сюйен создавал свою книгу на общем в то время для всех стран Дальнего Востока китайском литературном языке «вэньянь»; язык и иероглифическая письменность давали автору-вьетнамцу уже устоявшиеся обороты и образы. В первом рассказе сборника сказано, что лица сестер-вонтельниц, пригрезившихся государю, были подобны цветам, брови — листьям ливы. Сравнение жестких бровей с толстыми ливовыми листочками пришло из китайской классической поэзии, где оно впервые встречается еще в III веке, и было одним из популярнейших для описания красавицы.

Есть в сборнике Ли Те Сюйена и другой повествовательный трафарет; он пришел, видимо, из храмовых легенд: «С тех пор духа такого-то стали почитать заступником и благодетелем края, и в храме его не угасали огни курений» («Князь, преданный помощник...»).

Весьма часты у Ли Те Сюйена и постоянные концовки рассказов, например: «В первый год Двоекратного процветания пожалован был ему титул такой-то. В четвертый год — добавлены к нему слова такие-то...» Постоянные концовки вообще характерны для средневековой повествовательной прозы, однако в данном случае они требуют еще и некоторого исторического пояснения.

Дело в том, что первый, четвертый и двадцатый годы правления короля Чан Нян Тонга упоминаются в рассказах не случайно. В первом и четвертом годах, то есть соответственно в 1285 и в 1288 годах, были одержаны крупные победы над вой-

сками монгольской династии Юань; в двадцатом году было побеждено соседнее государство Тямпа, после чего установился длительный мир. В ознаменование этих побед духи и «помогавшие герои» были увенчаны многочисленными пышными титулами.

* * *

Составляя свою книгу, Ли Те Сюйен исполнял, так сказать, служебный долг. Едва ли он думал тогда, что закладывает основы новеллистической прозы в своей стране. Но получилось именно так. Если отвлечься на минуту от целей, которые преследовал Ли Те Сюйен своим сборником, то мы оказываемся перед фактом, имеющим чисто литературное значение: Ли Те Сюйена интересовало удивительное, а удивляться он, как и его современники, умел главным образом чудесам. Между тем именно с этого, отнюдь не конфуцианского, интереса к удивительному, редкому, сверхъестественному и разнилась в странах дальневосточной культуры литературная новелла.

Сборник Ли Те Сюйена завершается «Жизнеописанием великого святого Ты Дао Ханя». Рассказ этот заметно отличается от всех предыдущих прежде всего по объему. А объем для литературного произведения в средние века — характеристика немаловажная. «Величина конструкции определяет законы конструкции. Роман отличен от новеллы тем, что он — *большая форма*. «Поэма» от просто «стихотворения» — тем же. Расчет на большую форму не тот, что на малую, каждая деталь, каждый стилистический прием в зависимости от величины конструкции имеет разную функцию, обладает разной силой, на него ложится разная нагрузка»¹. Эту мысль Тынянова об отношении жанра и объема можно распространить и на отношения компонентов и их роль внутри жанра в его развитии, в данном случае — внутри новеллы.

¹ Ю. Тынянов, О литературном факте. — ЛЕФ, 1923, № 102. Цит. по книге Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы», «Наука», Л. 1967, стр. 48.

Отличие «Жизнеописания великого святого Ты Дао Ханя» от предыдущих рассказов сборника не случайно. Оно создано много позднее, через двести — триста лет после смерти Лп Те Сюйена — и включено в сборник, видимо, потому, что несет на себе отпечаток храмового предания. Ведь «Собрание чудес и таинств земли Вьет», дополнялось не единожды. В этом принимали участие и Нгуен Ван Тят по прозвищу «Колесница мудрости» в середине XV века, и Ле Ты Ти — в начале XVI, и другие авторы и переписчики вплоть до XVIII века!

Если предыдущие рассказы отражают в основном древнюю веру в могущество духов стихий, в умерших предков и обожествленных героев, то рассказ о Ты Дао Хане пронизан чисто буддийскими идеями. Известно, однако, что короли династий Ли (1009—1225) и Чан (1225—1400) были ревностными буддистами, а к старости даже уступали трон и принимали постриг. Буддизм в каждой из стран, куда он приходил, стремился вобрать в себя местные верования и культы, чтобы увеличить число своих адептов и привлечь на свою сторону простых крестьян.

Так произошло и во Вьетнаме.

Местные буддисты пытались присвоить себе функции древних шаманов.

Но, в отличие от Китая, где к приходу буддизма шаманизм был уже взят на вооружение даосами и буддизм гораздо больше развивался как учение о спасении души в загробном мире, во Вьетнаме получило популярность магическое, так называемое тантрическое, учение буддизма о мистических, волшебных превращениях¹. «Жизнеописание великого святого Ты Дао Ханя» как раз и наполнено такими «волшебными элементами».

Герои новеллы, в отличие, например, от героев китайских сказаний, отправлявшихся в страну Западного неба — Индию за книгами буддийского канона, едут туда учиться не премудрости,

¹ Имеется в виду тантризм в той его форме и на том его этапе, когда он попал во Вьетнам.

а чудодейству и магии, тому, как сокращать расстояния и творить превращения с помощью мистических заклинаний — дхари. У них, как в волшебной сказке, палка может вертикально стоять на воде, человек — обростать шерстью и превращаться в тигра.

Известно, что первоначальный почти конспективный вариант «Жизнеописания...» был помещен в «Записях знаменитых речей из сада созерцания», повествованиях XIII—XIV веков о буддийских патриархах и проповедниках учения Будды. «Записи...» вместе с «Подлинными записями о трех патриархах» заложили основу жанра буддийского жития во вьетнамской литературе.

Итак, перед нами весьма оригинальный сплав элементов летописи, народных верований и волшебной сказки с буддийскими, тантрическими идеями и даже с включением каких-то чисто конфуцианских элементов (вспомним так называемую «детскую песенку» о том, как исцелить короля: согласно конфуцианской традиции, через такие детские песни лебо обычно извещало о переменах или предостерегало правителей).

* * *

Сродни новелле о Ты Дао Хане и многие произведения, которые вошли в сборник «Дивные повествования земли Линь-нам», составленный в конце XV века. Вьетнамские ученые расходятся во мнениях, кто был подлинным автором (составителем) этой книги. Известный литератор и ученый-просветитель XVIII века Ле Куи Дон называл ее автором Чан Тхе Фапа, о котором ныне мы ничего не знаем, кроме его имени.

Дошедший до нас текст сборника начинается с предисловия Ву Куиня, написанного в 1492 году, и заканчивается послесловием Киеу Фу, помеченным 1493 годом. Ни тот, ни другой не упоминают имени Чан Тхе Фапа, хотя оба автора и говорят, что продолжают труды своих предшественников. Возможно, Чан лишь начал книгу, а Ву Куинь и Киеу Фу ее завершили. Сборник,

составленный ими, состоит из двух частей. Его постоянно дополняли, переделывали, сокращали. В XVI веке некий конфуцианец по имени Доан приписал к сборнику третью часть. В Кхем Лян в XVIII веке добавил четвертую. Среди сохранившихся девяти списков в одних только двадцать названий, в других — сорок два, а в одном даже семьдесят шесть. Есть все основания полагать, что дополнения к «Дивным повествованиям земли Липь-нам» делались вплоть до XIX века.

Так как для русского издания переводчик отобрал в основном рассказы, упоминаемые в предисловии Ву Куиня, то мы и будем говорить о них здесь как о произведениях конца XV века, по традиции считая их авторами Ву Куиня и Кисеу Фу. Оба они родились почти одновременно, первый в 1453, а второй в 1450 году. Оба сдали государственные экзамены в столице и получили высшие ученые степени. Ву Куинь, как и его предшественник Ли Те Сюйен, служил при дворе и был секретарем важного в то время ведомства обрядов и церемоний. Потом он вышел в отставку, а в 1516 году был убит грабителями. Ву Куинь был математиком и литератором. Он меньше интересовался деяниями духов и гораздо больше стремился использовать фольклорные, легендарные и сказочные сюжеты и подражать им.

Легенда — жанр чрезвычайно распространенный в странах Дальнего Востока с их древней исторической и географической традицией. Одна из основных функций дальневосточной легенды — объяснение происхождения того или иного предмета, обычая или географического названия (так называемая топонимическая легенда), генеалогии и т. п. Так, «Рассказ о морском чудовище» несет на себе явный отпечаток топонимической легенды о происхождении названия Бать-лаунг-ви — «Хвост белого дракона», элементы топонимической легенды есть и в рассказах про топь, возникшую в одну ночь, или про колодец Вьет.

Однако рассказы Ву Куиня не есть простая запись топонимических или иных легенд — о происхождении бетеля, который жуют в странах Юго-Восточной Азии, или новогодних пирогов

тает лнеу, они лишь использованы автором как исходный материал для построения иного, чисто литературного, а не фольклорного произведения.

«Рассказ о духе деревни Фу-донг» построен древним повелением на основе типичной богатырской сказки о мальчике, который молчал до трех лет, а потом стал расти с поразительной быстротой и есть так много, что целое селение не могло прокормить его. Эта сказка превращена здесь в храмовую легенду, напоминающую легенды Ли Те Сюйена, но более живую по развитию действия, обилию диалогов и сюжетных ходов, и кончается она не типичным для произведений первой книги перечислением титулов, присвоенных герою после смерти королем, хотя упоминается об этом есть в повелении, а стихотворением поэтессы Нго Ти Жан, которое явно больше ценимо автором, чем сухие строки королевского указа.

«Рассказ о Золотой чернахе» тоже имеет в своей основе сказочные мотивы, но перед нами не просто запись народной сказки, а самостоятельное литературное произведение, автор которого как бы переводит фольклорное произведение в план «высокой» литературы.

Интересно, что многие сюжеты, использованные Ву Куннем, дожили в устном бытовании до наших дней и были записаны современными вьетнамскими фольклористами. Это легенды о появлении бетеля, о новогодних пирогах, об арбузах или горе Тан-инен. Только легенды эти более просты, безыскусны, в них больше древней наивности, от которой стремился избавиться средневековый писатель.

Вьетнамская культура весьма сложна по своему составу. В ней тесно соединились истинно вьетские элементы, черты культуры некогда высоко развитого государства Тямпа, и элементы древней малайской культуры, до сих пор сохраняющиеся у некоторых малых народностей Вьетнама (еще совсем недавно они находились на ранних ступенях общественного развития). К этому сложному культурному комплексу следует добавить огромное

влияние конфуцианства и буддизма, пришедшего во Вьетнам непосредственно из Индии. Эти сложные влияния весьма наглядно проявились в «Рассказе о Золотой черепахе».

Сам сюжет этого рассказа сложился как исконно вьетнамский, видимо, в первых веках нашей эры. Он приводится китайским автором VI века Ли Дао-юанем в «Комментариях к Книге вод» по не дошедшему до нас более раннему источнику — «Запискам о Цзяочжоу (Зяо-тяу. — Б. Р.) и землях, за его пределами лежащих». В древнем варианте рассказа еще нет ни Золотой черепахи, ни ее когтя, из которого некто Као Ло делает крючок для самострела, нет содержания всей первой части новеллы, но зато ясно сказано, кто такой Као Ло. Это святой-волшебник, помогающий правителю Ан Зыонгу и делающий для него самострел, одним выстрелом которого можно было поразить триста человек.

Поскольку в древнем варианте не было черепахи и ее когтя, то и порча самострела происходит иначе. Сын китайского полководца, попросив свою жену Ми Тяу показать ему самострел, подпиливает его, и самострел в руках у Ан Зыонга ломается. Иначе выглядел и конец рассказа. Потерпев поражение, правитель бросается в лодку и утливает в море.

Таким образом, в начале нашей эры сложился лишь костяк сюжета. Причем сложился в этих землях не случайно. Правитель Ан Зыонг происходил из земли Ба-Тхук (по-китайски: Ба-Шу), а жители именно этого княжества славились своими самострелами из белого бамбука. В известном историческом сочинении Чан Цзюя (IV в. н. э.) говорится о том, как ценилось это оружие и что в конце III века н. э. китайцы в других местах еще не умели делать его. Правитель царства У (современный район Шанхая и земли к югу от него), захватив в плен цзиньского полководца Мэн Раня, отпустил его на волю с тем, чтобы тот обучил усских мастеров изготовлению таких самострелов.

Но вернемся к самому рассказу Ву Куня. Ясно, что прямой его источник — не сочинение древнего писателя, а местное народ-

ное предание, слышанное автором¹. Предание, обогащенное разнородными фольклорными элементами, литературными и философскими мотивами. В самом деле, то, что черепаха отдаст свой коготь для спускового крючка самострела, пришло из фольклора собственно вьетнамцев, а вот мотив животного, прожившего тысячу лет и превратившегося в оборотня, вообще типичен для сказок народов Дальнего Востока. Тысячелетние лисы превращаются в людей, и даже вещь, о которой совсем забыли, может через много, много лет обрести свойство принимать людское обличье: так превращается в юношу старый, заброшенный за шкаф веник в одной дунганской сказке. Представления о некоей мистической сущности нечистой силы, которая, «слившись в ступок холодного мрака, обернется совою», или о сотнях и тысячах обличий, которые принимает злая сила, пришли в рассказ явно из философской, скорее всего даосской прозы, трактующей о метаморфозах темных сил именно в подобных выражениях. Эпизод, где Золотая черепаха остается при дворе короля ровно три года (совсем как сказочная жена, спустившаяся с небес ровно на тот же срок), соседствует у Ву Куиня с конфуцианскими рассуждениями о судьбах царств, величии их и падении, и о небесном предопределении. Таков «Рассказ о Золотой черепахе» — удивительный сплав различных культурных влияний и вместе с тем оригинальное произведение вьетнамской прозы.

Среди записей Ву Куиня есть короткий «Рассказ о За Тхоа Вьонге». Быть может, он не очень интересен с художественной точки зрения, так как слишком уж сух и лаконичен, но весьма ценен как памятник культурного взаимодействия народов. Сам Ву Куинь в предисловии отметил, что этот рассказ пришел из соседнего королевства Тямпа. Это побудило современных исследователей предпринять специальные филологические разыскания.

¹ Это подтверждают слова самого Ву Куиня из его предисловия, где он пишет про сюжеты своих повелл: «Все, от черноголовых ребятишек до седовласых старцев, рассказывают эти повествования и любят их».

Оказалось, что Ву Кунь, сам того не ведая, включил в свою книгу осколок дошедшего до тьямов, а от них — к вьетам древнеиндийского эпоса «Рамаяна» (см. коммент. к стр. 104).

В рассказах сборника Ву Куиня часто переплетаются самые разные мотивы и сюжеты, существующие в фольклоре обычно порознь. В «Рассказе о духе горы Ваунг-фу» типичный для народов Юго-Западного Китая, родственных вьетнамцам, сюжет о жемчужине брата и собственной сестре осложняется, несомненно, более поздним мотивом раскаянья в содеянном кровосмесительстве в сочетании с весьма древним мотивом превращения героини, долго ожидавшей у дороги возвращения мужа, в каменную глыбу, которую называли Ваунг-фу (по-китайски: Ванфуши) — камень оживления супруга (впервые рассказы на подобный сюжет были записаны в Китае в окрестностях Учана где-то в IV—V вв., то есть на тысячу лет раньше). И к этому, казалось бы, типичному для топонимической легенды концу автор прибавляет еще фразу о том, что люди, «видя... многие чудеса и знамения, построили ден для поклонения и молитв». Ли Те Сюйен, видимо, рассказал бы нам именно об этих чудесах и знамениях, но Ву Куиня они уже не интересуют. Развитие жанра и время требовали от писателя иного.

* * *

Это иное, чисто повелленистическое, качество особенно заметно в третьем сборнике — книге, приписываемой вьетнамскому королю Ле Тхань Тонгу. Он был возведен на престол шестого числа шестого месяца 1460 года, в тот самый день, когда узурпатор Нги Зан, пять лет просидевший на троне, был вынужден ненавидевшими его сановниками покончить жизнь самоубийством, повесившись во дворце. Ле Тхань Тонгу было тогда ровно восемнадцать лет. Вступив на престол, он взял себе прозвище «Хозяин южной небесной пещеры», чтобы продолжить традицию своего старшего брата, называвшего себя «Хозяином пещеры коричневого леса». Несмотря на такое, казалось бы, даосское про-

звнице, Ле Тхань Тонг был истым конфуцианцем. Время правления Ле Тхань Тонга превратилось в сознании последующих поколений в золотой век Вьетнамского государства.

Ле Тхань Тонг умер в 1497 году. Видимо, где-то в конце XV века и написаны им необычные для Вьетнама той эпохи рассказы о перебранке Будд, беседах Полевого и Доманниного комаров, состязаниях речных рыб.

Рассказы эти впервые были изданы в 1963 году. Они хранятся в рукописи в Центральной научной библиотеке в Ханое. Название рукописи дано современными исследователями, которые по-разному относятся к проблеме ее авторства. Одни полагают, что автор — король Ле Тхань Тонг, раз он сам называет себя Ле Тхань Тонгом и вводит себя в произведения, другие на основании упоминаний о Ханое и Западном озере вблизи его считают все это позднейшей подделкой, так как название «Ханой» появилось лишь в 1831 году, да и Западное озеро именовалось в те времена иначе. В «Перебранке двух Будд» им видится рассказ о наводнении 1873 года, так что время создания некоторых новелл сборника соответственно передвигается в XIX век. Третьи считают, что в сборнике, видимо, есть как произведения, написанные самим Ле Тхань Тонгом, так и позднейшие добавления. Сейчас трудно, конечно, дать окончательный ответ на все эти вопросы. Ибо нельзя забывать и судьбу двух предыдущих сборников, которые все время дополнялись, и особенности старых переписчиков, которые, чтобы приблизить новеллостроения к своему времени, могли легко исправить и название столицы, и озера в ней. На совести переписчиков могут оказаться и некоторые стилистические сдвиги и погрешности, которые не дают ученым возможности поставить эти повеллы рядом с широкоизвестными прозаическими сочинениями короля Ле Тхань Тонга.

Ле Тхань Тонг был известен и как поэт. И некоторые его стихи явно близки сюжетам некоторых рассказов третьего сборника. Вспомните его «Послание комара». Разве не порекалкается оно с такими его стихами:

Комар, как же ты мал!
Каждую ночь тайком пробираешься в нашу дверь,
А днем не спеша поднимаешься на галерею.
То спокойно усядешься на щеке красавицы,
То дразнишь богиню Луны Чан-э; когда взойдет месяц,
Ты тревожишь женщин в их сновидениях,
А ночью доводишь до изнеможения своими укусами.

Думается, это еще одно подтверждение подлинности авторства Ле Тхань Тонга.

И, наконец, сама манера повествования в рассказах третьего сборника говорит нам, что этот сборник должен занять свое место именно как предшествующий развитой новелле XVI века.

* * *

Рассказы Ле Тхань Тонга еще дальше от сочинений Ли Те Сюйена, чем «Собрание» Ву Куиня. В них нет уже ни отсылок к летописям и иным историческим сочинениям, ни типичных для храмовых легенд концовок о титулах. В них изменяются акценты, и значение приобретает дидактический элемент. Каждый рассказ кончается у Ле Тхань Тонга обязательным «нравоучением мужа с южных гор». В сборнике Ву Куиня такие нравоучения встречались лишь изредка.

Этот прием — заканчивать повествование рассуждением, содержащим точку зрения автора, бесстрастного рассказчика первой основной части повествования — пришел в литературную новеллу из исторической прозы. Родоначальник историографии на Дальнем Востоке Сыма Цянь (145—86 гг. до н. э.), стараясь излагать жизнеописания своих героев как можно более объективно, заключал их обычно словами: «Граф великий астролог здесь скажет так...» Потом эта манера перешла к другим историографам Китая, Кореи, Вьетнама, а из исторической литературы попала в несколько преобразованном виде и в литературную новеллу всех этих стран. Причем в гораздо большей степени она сохранилась именно во Вьетнаме и отчасти в Корее (так кончается, например, известная нашему читателю повесть корейского писа-

теля XVI века Лим Чже «Мышь под судом»). В самом Китае танская, например, новелла обходилась почти без таких заключений, и встречаются они более всего в философских сюжетных эссе.

«Правоучения» не только приносят в рассказы дидактический оттенок, но и подчеркивают лишний раз переход незамысловатого сказочного сюжета в план литературной новеллы, иногда даже в план развернутой литературной притчи («Послание комара»).

Истории о взаимных визитах полевого и домашнего зверька или насекомого известны достаточно широко. В Китае весьма популярна сказка о полевой мыши, которая приходит в гости к своей товарке, живущей в людском жилье. У вьетнамского писателя сказочная ситуация является основой юмористической новеллы с элементами гротеска. Вообще для вьетнамской литературы характерно пристальное внимание к «малому животному миру», будь то в поэзии или прозе. Ле Тхань Тонг писал стихи не только о комарах, но и о жабе, муравье и даже... вшах. Традиция эта жива и по сей день — в творчестве прекрасного и тонкого прозаика То Хоая, известного у нас по литературным сказкам о «Кузнечике Мене», «Мышиной свадьбе» и др.

С древнейших времен каждому грамотному человеку в любой из стран китайской перо-глифической письменности была известна песня «Шипица» о большой жадной мыши, поедающей плоды людского труда, сложившая, по-видимому, в VIII—VII веках до н. э. С тех пор в фольклоре и литературе мышь стала символом прожорливого дармоеда, стремящегося всюду поживиться за чужой счет.

Ле Тхань Тонг создает занимательное повествование о мыши, прикинувшейся молодым человеком и являющейся по ночам к его красавице жене («История мыши-оборотня»), а через столет после него кореец Лим Чже в повести «Мышь под судом» пишет злую сатиру на всех и вся: конфуцианцев, буддистов, даосов, на жадных, корыстолюбивых чиновников.

В том же XVI веке вьетнамский поэт Нгуен Бинь Кхем пишет стихотворение на тему о коварной мыши, которая проби-

рается в самые недоступные места: под фундамент общественного дома, который обычай запрещал разбирать, и даже в крепостные стены. От прожорливости мыши «плачет тощий, голодный работник», но поэт надеется, что злую мышь в конце концов убьют и выставят на рынке для всеобщего обозрения и презрения.

Возможно, что в XVI столетии появляется и забавное «Повествование о целомудренной мыши», написанное стихами, в котором еще звучат отголоски прежних рассказов об оборотнях, вступающих в общение с людьми. Заметим, кстати, что автор «Истории мыши-оборотня» включает в повествование все известные ему упоминания о мышах, и если бы он жил, как предполагают некоторые, много позже Ле Тхань Тонга, то наверняка привел бы в новелле и стихи Нгуен Бинь Кхиема.

Ле Тхань Тонг обильно цитирует древние стихи, дает понять, что ему известно и безымянное «Повествование о целомудренной мыши», и этим еще более усиливает литературное оснащение новеллы. Оно возрастает от сборника к сборнику, вытесняя летописную традицию и поэтику храмовой легенды. Одновременно и неразрывно с этим происходит усиление новеллистического, повествовательного элемента в рассказе, что подчеркивается и фигурой рассказчика.

Еще танские новеллисты, чтобы придать своим рассказам большую достоверность, уверяли читателей, что знали своих героев или слышали о них от своих друзей или родственников. Но дело не только в этом. Дело в том, что произведения Ле Тхань Тонга, обладая традиционным фоном народного рассказа о чудесах, представляют собой «нарочно вымышленные» повествования. В них есть литературный замысел. Это особенно заметно в «Перебранке двух Будд» и «Рассказе о мыши-оборотне», где автор — непосредственный участник или свидетель событий. Ле Тхань Тонг был королем и, как Сын Неба, он должен был знать все, что творится в его государстве. Мало того, видимо, прикрывшись прозванием мужа с южных гор, он еще и ищет «поучение», как бы совершенно отстраняясь от повествования.

Книга завершается новеллой из сборника Нгуен Зы «Обширные записи рассказов об удивительном», написанного в начале XVI века. Этот сборник венчает двухсотлетний путь, который прошла литературная вьетнамская новелла от записей удивительных видений и храмовых легенд до развитых сюжетных повествований с тонко спрятанной литературной идеей и традиционным эпилогом.

О самом Нгуен Зы нам известно немного. Он был одним из лучших учеников знаменитого вьетнамского философа и литератора Нгуен Бинь Кхиема (1491—1585), о котором говорилось выше. Он успешно сдал государственные экзамены и получил должность правителя уезда. Но уже через год он ушел в отставку, возможно, в знак протеста против незаконно захватившей власть в стране семья Мак. В его сборнике двадцать новелл. Герои их — то человек, подающий в суд на дракона Царю Подводного царства, то оборотни — лиса и обезьяна, отговаривающие короля охотиться в их лесах. Перед нами нестранный мир, в котором люди встречаются с духами, мир, столь характерный для сформировавшейся литературной новеллы и соседних вьетнамцам народов — китайцев, корейцев. Произошло, однако, качественное изменение: если в ранней прозе представители «плотустороннего мира» не говорят, а вещают, не действуют, а поступают согласно своим мифологическим или культовым функциям, то есть зачастую являются чем-то вроде «*deus ex machina*», если люди — герои рассказов кажутся гораздо массивнее этих духов и драконов, то в книге Нгуен Зы люди и духи существуют «на равных», более того, их отношения осязаемо, житейски реальны, возведены в равную литературную степень. До возникновения индивидуального литературного стиля было еще далеко, но переход от фольклора к собственно повествовательной прозе уже состоялся.

В само название книги — «Обширные записи рассказов об удивительном» («Чуенки манлук») — входит слово «чуенки», как раз и означающее «повествования об удивительном»; в Китае, например, это слово стало жанровым обозначением для танской повести (во многом близкой рассказам Нгуен Зы).

В заключение несколько слов о языке и стиле повелл. Как уже говорилось, все авторы писали на вэньяне. К сожалению, в нашем распоряжении не было самих оригиналов, они давно стали уникальными и, в общем, недоступными современному массовому читателю во Вьетнаме. Поэтому вьетнамские ученые перевели их на современный язык, а М. Н. Ткачев — с современного вьетнамского на русский. Мы смогли ознакомиться в оригинале лишь с повеллой Ву Куиня о Ха О Лое и можем говорить о ней как о типичной в известной мере по стилю. Она написана на не слишком отточенном вэньяне, довольно легком, но вместе с тем весьма образном. Длительная традиция давала автору возможность насытить текст скрытыми реминисценциями, которые были понятны лишь знатоку древней прозы. Вот Ха О Лой поет, и голос его вьется вокруг стропил и останавливает в небе бегущие облака. Начитанный человек сразу понимал, что герой повеллы был подобен древним китайским певцам Хань Э и Се Тань, описанным в даосском трактате «Ле-цзы» (см. коммент. к стр. 97). Таких ассоциативных отсылок в тексте множество, в комментариях мы старались указать на наиболее известные из них, хотя современные вьетнамские издатели и не всегда это делают.

Было бы неверно думать, что все написанное на едином литературном языке в разных странах становилось достоянием какой-то единой «вэньяневской литературы». Такой общей литературы никогда не существовало, хотя, может быть, теоретически она могла бы существовать.

Старинная вьетнамская проза не переводилась ни на один иностранный язык. Русский перевод ее — первый и важный шаг в этом направлении.

Б. Р и ф т и н

Ли Те Сюйеи

Собрание чудес и таинств земли Вьет

Стр. 5. *Земля Вьет* (или зѣмли Вьет) — земли, где жили вьеты, предки вьетнамцев. Слово «Вьетнам» появилось в 1802 г.

Стр. 7. *Лак* — древний этноним предков вьетнамцев (лаквие-ты) в III—II вв. до н. э. Отнесение сестер Чынг к роду Лак указывает на древность их рода.

Зиао-тяу (китайск. Цзяочжоу) — древнее название народов, живших к югу от реки Янцзы в I в. до н. э. — VIII в. н. э., а также название области, населенной предками вьетнамцев и родственными им намвьетами после ее завоевания империей Хань в 119 г. до н. э.

Ме-линь — как и упоминаемый далее Тю-знен, — уезд в Северном Вьетнаме, учрежденный при ханьских правителях, а возможно, и ранее.

Фаунг-тяу — центральная область расселения предков вьетнамцев в современном Северном Вьетнаме. Происхождение из Фаунг-тяу также указывает на древность рода.

...императоры из дома Хань. — Династия Хань правила в Китае с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э., ее владения на юге доходили до северо-вьетнамских земель.

Су Дин, ханьский наместник в Зиао-тяу... — Столкнувшись с оппозицией вьетнамского народа проводимой им политике ассимиляции, Су Дин (30-е годы I в. н. э.) казнил многих вьетнамских вельмож.

Тхи Шатъ — один из вьетнамских вельмож того времени, упоминаемый в летописях.

...округа *Нят-нам, Кыу-тян, да и Хоп-фо...* — Нят-нам и Кыу-тян находились в Северном Вьетнаме, к югу от Ханоя, Хоп-фо — на юге современной китайской провинции Гуандун.

Стр. 8. *Су Дин бежал на север, в Пяньхай* — то есть в китайские земли на берегу Южно-Китайского моря.

Император Гуанъу-ди — китайский император (25—56 гг. н. э.).

Даньэр — местность на китайском острове Хайнань.

Озеро Ланг-бак — находится к северо-востоку от Ханоя.

...люди воздвигли в их честь ден — храм поминовения. — О дено см. послесловие (стр. 198). Храм сестер Чынг — один из известнейших храмов вьетнамской столицы, построенный в XII в.

Ли Ань Тонг (правил в 1138—1175 гг.) — последний правитель династии Поздняя Ли (1010—1225). (См. коммент. к стр. 22). Вел победоносные войны с Камбоджей и таи. В эти годы Вьетнам пользовался большим авторитетом во всех близлежащих странах.

Стр. 9. *В четвертый год Двоекратного процветания...* — Двоекратное процветание (Чунг Хынг) — девиз царствования короля Чан Нян Тонга (1285—1293). Подробнее — см. послесловие (стр. 200).

...в двадцать первый год Возвышения и изобилия... — Возвышение и изобилие (Хынг Лаунг) — девиз царствования короля Чан. Ань Тонга (1293—1314), соответствует 1313 г., когда был установлен длительный мир после побед над государством Тямпа.

Стр. 10. *В давние времена прибыл в наши края Гао Пянь и построил город Дай-ла.* — Гао Пянь (ум. в 887 г.) — китайский военачальник, герой множества вьетнамских преданий, так как вместе с вьетнамцами отражал нашествие племен таи. Дай-ла, или Ла-тхань («крепостная стена»), — город вблизи Ханоя; Гао Пянь расширил и укрепил цитадель Дай-ла (868), но сам город существовал задолго до него.

Лаунг-до («Драконова впадина») — древнее название района Дай-ла, позднее так иногда называли и вьетнамскую столицу Тханг-лаунг (см. ниже).

Стр. 11. *...построили близ того храма стольный город...* — В 1010 г. король Ли Тхай То (см. коммент. к стр. 22) основал новую столицу близ Дай-ла. Столица была названа Тханг-лаунг — «Взлетающий дракон», так как, по преданию, Ли Тхай То, посетив Дай-ла, увидел возносящегося к небу золотого дракона, что считалось счастливым предзнаменованием (вообще во вьетнамской мифологии дракон — доброе существо, нередко оказывающее людям помощь). Тханг-лаунг оставался столицей до XIX в., когда короли династии Нгуен (1802—1945) перенесли столицу в город Хюэ. В 1831 г. Тханг-лаунг был переименован в Ханой (с 1945 г. — столица Демократической Республики Вьетнам).

Ли Тхай Тонг — король, правил в 1028—1054 гг.

Стр. 12. *Тхай ши* (китайск. тайши) — высшее из трех главных должностей в государстве, примерно соответствует первому министру.

Чан Куанг Кхай (1248—1294) — выдающийся вьетнамский полководец. Прославился во время отражения нашествий полчищ монгольской династии Юань, правившей тогда в Китае. Известен широкой ученостью и литературным даром. Из написанной им книги «Стезя радости» сохранилось несколько пейзажных и батальных стихотворений.

...над северным врагом... — По-видимому, речь идет о войнах китайского императора Хубилая (1280—1295).

Стр. 13. *В годы Непреходящего блеска* (Винь хюп) — (650—655).

Река Белой Лианы (Бать-данг) — название нижнего течения северного рукава реки Ло, ныне называемой Красной.

Река Белого Журавля (Бать-хак) — древнее название одного из рукавов Красной реки, протекавшего через одноименный уезд Бать-хак. По преданию, в этом уезде росло сандаловое дерево, на которое обычно садились белые журавли.

...велел поставить в нем статуи Трех святых духов. — По даосским верованиям, существуют три чистоты в мире — нефритовая чистота, высшая чистота и великая чистота, которым соответствуют три верховных духа. Каждый из них живет якобы на одном из трех небес и правит вселенной.

Стр. 14. ...гадал на монетах... — См. коммент. к стр. 33.

Троеречье (Там-зпанг) — название одного из округов при династии Чан (1225—1400), где в Красную реку впадают реки Струющаяся (Тьэй) и Черная (Да).

Стр. 15. *До Тхиен* — древний вьетнамский историк, его «Исторические записки» дошли до нас в отрывках.

Нго Нам Тан (Нго Сыонг Нган) — король, все правление (951—965) проведенный в войнах с крупными феодалами — сы куанами, одним из которых был упомянутый Ли Хюп.

Чиену Виет Вьонг (Чиену Куанг Фук) — король (549—571) вьетнамского государства Ван-Суан («Десять тысяч земель»). Был лишен власти полководцем Ли Фат Ты, взошедшим на престол под именем Ли Нам Де («Поздний Ли Нам Де» в отличие от «Раннего Ли Нам Де» (он же Ли Бон), правившего в 544—548 гг.). См. «Рассказ про толь...».

Стр. 16. *Святой повелитель неба* — иначе, Небесный государь, глава всех божеств у народов Дальнего Востока и у вьетнамцев, представлявшийся как некая персонификация неба.

Царь драконов Лаунг Куан. — Древние вьетнамцы считали себя потомками водяных драконов.

Покойный государь бился в бою... — Имеется в виду битва короля Нго Кюйсена (939—944) с вторгшимся в страну китай-

скими войсками. Иго Кюйен вслеп вбил заостренные сваи в дно реки Белой Лианы и завлек китайские суда в речное устье. Когда же начался отлив, вражеские корабли, патыкаясь днищами на сваи, стали тонуть.

Стр. 17. *Ли Нян Тонг* — король. В его царствование (1072—1127) были завершены войны с Китаем и королевством Тямпа.

Сунское войско — то есть армия императора династии Сун (Северная Сун), правившей в Китае с 960 по 1197 г.

...*послал военачальника в чине тхой уи по имени Ли Тхыонг Киет*... — Тхай уи (китайск. тайвэй) — в сунском Китае и сопредельных странах — чин, равный военному губернатору и главнокомандующему во время войны. Ли Тхыонг Киет (1019—1105) — великий полководец; дважды нанес сокрушительное поражение войскам сунского Китая, сорвав их планы завоевания Вьетнама; он командовал и победоносным походом против Тямпы. Стихотворение, содержащееся в рассказе, согласно большинству источников, написал Ли Тхыонг Киетом; одно из самых ранних дошедших до нас произведений вьетнамской поэзии. Написав его накануне сражения с китайцами (1076), он якобы послал одного из своих приближенных в храм, чтобы тот прочитал стихи, спрятавшись за алтарем. Прозвучав словно бы из уст божества, они предрекли победу вьетнамскому войску.

...*в «Книге небес» не стереть*... — «Книга небес», то есть книга, принадлежащая-де верховному божеству и отражающая все происходящее на земле. Во время бедствий и войн небо спускало такую книгу на землю, и люди узнавали, как им действовать дальше.

Стр. 18. *Ша Дау* — вьетнамская транслитерация имени тямского короля Джая Симхавармана II (1042—1044); неудачно воевал с Вьетнамом. Легенда имеет реальную основу, поход и пленение Ми Е произошли в 1044 г. Реально и сообщение о постройке храма.

Река Бо-тинь — точнее, устье Бо-тинь, куда впадало несколько рек, была границей между Вьетнамом и Тямпой. Также

название пограничного района; несколько раз переходил из рук в руки, пока в 1069 г. не был уступлен Вьетнаму.

Я ведь жена варвара... — Последователи конфуцианского учения считали всех иноземцев, не знакомых с их доктриной, варварами. Геронния говорит языком самоуничижения, которого требовал от женщины конфуцианский этикет.

Стр. 19. *...в час третьей стражи...* — В средние века во Вьетнаме, как и в странах Дальнего Востока, время с семи часов вечера до пяти утра делилось на пять двухчасовых страж, начало которых отбивалось ударом колокола, барабана или колотушки.

...к Желтому источнику. — Желтый источник — метафорическое обозначение подземных вод. А поскольку после смерти человека погребают в земле, то это выражение стало обозначением загробного мира. Образ из древнекитайской летописи «Цзочжунань», где сказано: «Не достигнув Желтого источника, не увидеться нам».

Стр. 21. *Князя из семьи Ле звали Фунг Хиеу...* — Ле Фунг Хиеу — выдающийся полководец; рассказ соответствует летописным данным. Подавил мятеж трех принцев (1028). Командовал вьетнамской армией во время похода 1044 г. (см. предыдущий рассказ).

Стр. 22. *Ли Тхай То* (Конг Уан) — король, правил с 1010 по 1028 г. Рождение его и жизнь окружены легендами. С трех лет воспитывался у своего приемного отца, бонзы Ли Кхань Вана; принял родовое имя бонзы (Ли), и оно впоследствии стало именем основанной им династии — Поздняя Ли. Царствование Ли Тхай То открывает один из самых блестящих периодов вьетнамской истории.

...на престол возведен был Тхай Тонг. — При восшествии на престол принца Фат Ма (будущий король Ли Тхай Тонг) в 1028 г. трою его братьев действительно подняли мятеж.

Стр. 23. *Дворец Небесного первородства* (Кан-нгуен) — древнейший дворец во внутреннем Королевском городе (Кунг-тхань), также обнесенном стеной; здесь король давал аудиенции.

...читая в истории Танского дома о том, как Вэйчи Цзин-дэ помог императору в беде... — Вэйчи Цзин-дэ (по другим источникам, Ху Цзин-дэ) — китайский полководец VII в., отличавшийся удивительным бесстрашием. Согласно преданию, императору Тай-цзуну как-то нездоровилось, и он услышал, будто за дверьми спальни падают кирпичи, гроыхает черепица и воют призраки. Тай-цзун испугался и рассказал об этом сановникам. Полководец Цинь Шу-бао выступил вперед и сказал: «Ваш подданный всю жизнь рубил людей, словно разрезал тыквы. Убитых мною врагов — что муравьев в куче. Неужели я испугаюсь призраков? Разрешите мне и Цзин-дэ в полном вооружении стать у дверей в карауле». Император согласился, и ночь прошла спокойно. Тогда Тай-цзун приказал нарисовать портреты обоих сановников и повесить на дверях. Этот обычай был заимствован потомками, и Цзин-дэ превратился в одного из духов дверей, охраняющих дом от нечисти.

...и пожаловал званием хау тыока. — Хау тыок — один из высших почетных титулов в средневековом Вьетнаме, его получение было связано с земельными дарениями монарха.

Небесное озарение и мудрость (Тхисн кам тхань ву) — девиз царствования Ли Тхай Тонга (1044—1048).

Мау — земельная мера, 3600 кв. м.

Стр. 25. *«Повествование о высшем воздаянии»* — древнейший, не дошедший до нас вьетнамский сборник повествований о духах и чудесах. Автор и точное время написания неизвестны.

Ли Гхань Тонг — король, правил с 1054 по 1072 г.

...пошел походом на Тямпу... — В 1069 г. Ли Тхань Тонг выступил против Тямпы. Некоторое время он терпел неудачи, но затем вьетнамские войска разгромили армию Тямпы, захватили ее столицу, а вскоре Ли Тхыонг Киет (см. коммент. к стр. 17) пленил тямского короля Рудравармана III.

Стр. 26. ...преподобный Хюэ Лам... — Хюэ Лам умер в 1064 г., то есть за пять лет до похода на Тямпу.

...назвал Супругого Бога земли... — С глубокой древности во Вьетнаме, как и в странах Дальнего Востока, наряду с Небесным государем (см. коммент. к стр. 16) почитался и Правитель земли (Хоу-ту), который представлялся, в отличие от местных духов, неким общеземным божеством; жертвоприношения ему обычно совершал глава государства.

...повелел найти благодатную землю... — Место для постройки дома, храма или для погребения определялось жрецами и астрологами после тщательного изучения положения звезд, предзнаменований, фактов биографии духа или покойного.

Стр. 27. *Есть в Небесном дворце дух Као-манг — Повелитель весны...* — Као-манг (кит. тайск. Гоу-ман). — В древнекитайских мифах, популярных и во Вьетнаме, рассказывается о духе дерева Гоу-мане, помощнике Фу-си, владыки Востока, с человеческим лицом и телом птицы, он восседал на двух драконах и был облачен в белые одежды. В трактате «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.) говорится, что «у Гоу-мана в руках циркуль и ему подвластна весна». В древних комментариях сказано: «Молодое дерево обычно кривое (гоу) и с острыми побегами (ман), отсюда и пошло его прозвание».

...сочетать тем самым Князя-просо... — Князь-просо, или Государь-зерно, — мифический предок чжоуских племен, воспетый в китайской «Книге песен» («Шинцзин»). По преданию, его мать Цзян-юань наступила на след великана и, зачав, родила сына. Но, считая рождение необычного младенца дурным знаком, бросила его. Однако копы и коровы старались не наступать на него. Тогда она бросила его на лед. Подлестни птицы и принесли его на крыльях к ней обратно. Мальчика нарекли Ци-брошенный. Когда он вырос, государь Яо якобы повелел ему ведать зерном и урожаем.

...повелевающая превращениями и рожденьями. — По буддийским верованиям, душа человека после смерти вселяется в новую оболочку и продолжает жить. В зависимости от грехов, совершенных в предыдущей жизни, душа может вселиться вновь в чело-

века или животное, причем чем тяжелее грех, тем «хуже» животное — свинья, змея и т. п.

Стр. 28. *Ле Ван Тхинь* — выдающийся государственный деятель и дипломат. Он действительно составил заговор с целью захватить престол, после чего был отправлен в ссылку (1096).

Дай-ли (Да-ли) — тайское государство Няньчжао, существовавшее на территории современной китайской провинции Юньнань с VII по XIII в.

Озеро туманов (Зам-дам) — средневековое название Западного озера, находящегося ныне в черте Ханоя. Излюбленное место королевских прогулок, охоты.

Стр. 29. *...на реку Тхао*. — Тхао — название Красной реки в той ее части, где она на севере протекает через предгорья.

До уи — средний военный чин в средневековом Вьетнаме.

...в первый и пятнадцатый день месяца... — дни новолуния и полнолуния по лунному календарю.

Стр. 31. *В годы Изначального процветания монголы заступили наши пределы...* — Изначальное процветание (Нгуен фаунг) — девиз царствования короля Чан Тхай Тонга (1251—1258). (О Чан Тхай Тонге см. коммент. к стр. 36.) Здесь имеется в виду первый поход монголов на Вьетнам (1257).

Стр. 32. *...наложница Властелина драконов Южного моря...* — По древним представлениям вьетнамцев, как и других народов Дальнего Востока, все реки, озера и моря населены драконами — повелителями вод и дождя.

Стр. 33. *...и бросили монеты.* — Две монеты подбрасывались на блюдо; если обе монеты падали одной стороной, это считалось утвердительным знаменем, если разными сторонами — отрицательным.

...помогал людям в промысле жемчуга. — Умилостивление божества музыкой, танцами и даже театральными представлениями было широко распространено в старом Вьетнаме, как и в странах Дальнего Востока,

*Из добавлений, сделанных Смотрителем
Придворной Академии Нгуен Ван Тятом
по прозванию «Колесница мудрости»*

Стр. 34. ...в государстве Южная Сун. — Династия Южная Сун со столицей в Ханчжоу правила в Китае с 1127 по 1279 г.

В первый год Наследованной драгоценности царствования короля Чан Нян Тонга на землях Срединной империи, в Яйшане, Чжан Хун-фань внезапно напал на сунское войско. — Наследованная драгоценность — девиз царствования короля Чан Нян Тонга (1279—1284). При короле Чан Нян Тонге (1279—1293) были отражены два нашествия войск правившей в Китае монгольской династии Юань, а также вторжение лаосского войска. Срединная империя, или Срединное государство (Чжунго), — само название Китая. Чжан Хун-фань (1238—1280) — китайский военачальник, перешедший на сторону монгольских завоевателей, в 1279 г. предпринял наступление на последнюю опорную базу китайцев — Яйшань — остров в Южно-Китайском море.

Лу Сю-фу (1238—1279) — китайский военачальник, оставшийся до конца верным сунскому двору и охранявший императора Чжао Чжэна во время бегства. После смерти Чжао Чжэна в монгольском плену в 1278 г. императором был провозглашен его младший брат, малолетний Чжао Бин. Когда были разбиты остатки сунских войск, Лу Сю-фу посадил на спину малолетнего императора и бросился с ним в море. Оба они утонули.

*Из добавлений, сделанных отшельником
обителем «Три чистоты»*

Стр. 36. ...стал именоваться Великим князем Хынг Дао, что означает Возвысивший Дао. — Чан Хынг Дао (1226—1300) был одним из величайших полководцев средневековья. Со временем он стал чем-то вроде божества войны и победы. Изложенный в его трактатах принцип сочетания партизанской войны со стремительными ударами войск надолго определил стратегию вьетнамцев. Храмы в его честь были воздвигнуты по всей стране. Дао

(к и т а й с к. дао — путь) — одно из важнейших понятий в древнекитайской философии. В отличие от даосского дао здесь «дао» означает: «пестимый путь древних царей», то есть употребляется в конфуцианском смысле.

Между цзиньским князем и королем Тхай Тонгом была давняя распря. — Чан Тху До, фактический основатель династии Чан, женил Чан Лнеу (позднее — цзиньский князь) и его младшего брата Чан Каня (будущего короля Чан Тхай Тонга), которому тогда исполнилось восемь лет, на дочерях последнего короля династии Поздняя Ли. Жена Чан Каня, в пользу которой отец ее отрекся от власти, уступила престол мужу (1225). Однако она оставалась бездетной, и Чан Тху До, радя о будущем династии, развел ее с Тхай Тонгом и заставил его сочетаться браком с женой Чан Лнеу, которая была тогда на сносях. Чан Лнеу поднял было мятеж, но потом примирился с братом. По-видимому, автор имеет в виду именно этот эпизод.

...дважды нанес поражение... — Хынг Дао разгромил китайские войска в 1285 и 1287 гг.

Стр. 37. *...он удостоился на экзаменах степени цзиньши.* — В Китае с 121 г. была введена специальная трехстепенная система экзаменов, которая просуществовала с некоторыми перерывами до 1905 г. Сдача экзаменов давала право на получение чиновничьей должности. Цзиньши — высшая степень, присваивалась на столичных экзаменах.

Стр. 39. *Ты Дао Хань* — историческое лицо; рассказ о нем близок к летописным данным. С его именем связана *пагода Небесного блаженства* (Тхлен-фук), в окрестностях которой отшельничал Ты Дао Хань и где сохранились якобы следы, оставленные им в момент перевоплощения. Там же находится построенная им часовня и пещера, где хранились его мощи. В пагоде (построена в конце XII — начале XIII в.) имеется надпись, рассказывающая историю о воплощении Ты Дао Ханя в короля Ли Тхэн Тонга (см. ниже). До недавнего времени на храмовых празднествах в пагоде Ланг (воздвигнута в XII в. в столице) разыгры-

валось представление о том, как Ты Дао Хань сразился с бонзой Дай Диеном.

...Отец Дао Ханя по имени Винь (Ты Винь) — историческое лицо, при Ли Нян Тонге действительно был смотрителем храмового имущества.

Даос — последователь древнекитайского философского учения даосизма, превратившегося в начале нашей эры в религию, проповедовавшую отшельничество. Даосы занимались алхимией, поисками эликсира бессмертия, «ведали» изгнанием нечистой силы, в народе им приписывались способности магов и чародеев. Из Китая даосизм проник в Корею, Японию, Вьетнам, хотя и не получил там такого распространения, как конфуцианство или буддизм.

Стр. 40. *Кау* — небольшой мяч с хвостом из лент, напоминающий волап.

Экзамен Белого лотоса — один из экзаменов на замещение должности в церковной и государственной иерархии Вьетнама.

...благородного хау Зиен Тханя. — Хау — один из высших титулов, примерно соответствующий княжескому. Часто присваивался членам королевской семьи. Зиен Тхань — согласно некоторым источникам, был сыном короля Ли Тхань Тонга.

Но однажды монах и кудесник по имени Дай Диен... — Дай Диен (Ле Дай Диен) — реальное лицо. По храмовым записям пагод Тхэй и Ланг, Винь проникал на женскую половину дома Зиен Тханя и сходил с его наложницами. Когда Дай Диен сотворил свое колдовство, Винь, не имея возможности убежать, обернулся тараканом и забился в щель, но Дай Диен нашел его и убил.

...сделаться Бодхи. — Бодхи (санскритск.) — истинное прозрение. Здесь, видимо, сокращение от «бодхисатва». Бодхисатва — есть тот, кто, содействуя спасению других существ от бесконечных перерождений, сам идет к достижению бодхи — прозрения и к состоянию Будды.

Стр. 41. *Тэй-гхиен* (букв.: Западное небо) — название Индии,

принятое в средневековом Вьетнаме, от которого Индия находится к западу. Рассказ о поездке Ты Дао Ханя в Индию отражает реальные связи и упоминания о путешествиях вьетнамских бонх в Индию еще в VII в.

Сговорился он с двумя друзьями — Минь Кхонгом и Знак Тхаем... — Минь Кхонг (Нгуен Тп Тхинь) — реальное историческое лицо. В 1136 г. он, согласно хроникам, исцелил короля Ли Тхэн Тонга. Знак Хай — также реальное лицо, с детства пристрастился к рыбной ловле и дальним плаваниям, но в двадцать пять лет постригся в монахи и вскоре прославился своей ученостью и даром чудотворца.

Стр. 42. *...сложила на груди ладони...* — то есть приветствовал ее самым почтительным, принятым у буддистов образом.

...а также заклинаниям да-ни. — Да-ни (сокр. от санскритск. дхарани) — мистические заклинания, составляющие существенную часть буддийской магии. Считается, что они не только производят чудесный эффект, но и быстро делают самого заклинающего чудотворцем. Тексты заклинания были на изображении святых, в нагодах, их писали на лодках, днищах бочек, телегах, колоколах и даже закладывали в шляпы. Одно прикосновение к ним считалось целительным.

Стр. 43. *...истинный путь Почитаемого в мире...* — Почитаемый в мире — одно из десяти прозваний Будды; означает, что Будда почитаем всеми людьми, небом и великими совершенномудрыми.

...Дао Хань без устали читал: «Дай-би-там да-ни-ла»... — Заклинание «Дай-би-там да-ни-ла» — букв.: «дхарани сердца великого сострадания». Буддисты считают, что чувство великого сострадания составляет главнейшее качество бодхисатв, посвящающих себя спасению тварей от непрерывных перерождений, поэтому-то герой и взывает к великому милосердию, пользуясь этими словами как заклинанием. «Дхарани сердца великого сострадания» есть одновременно и название сутры. Герой рассказа пытается «воздействовать» на природу повторением названия сутры, в которое входит магическое слово «дхарани».

Куан Ам — буддийское божество Авалокитешвара, принявшее в странах Дальнего Востока женский облик. Иногда изображается с тысячью рук, в каждой из которых держит на ладони по глазу. К ней-то, считающейся в народе главной покровительницей всех страждущих, и применялся обычно эпитет «великое сострадание», произносимый героем.

Небесный князь с Четырех вершин. — По буддийским представлениям, на священной горе Меру (см. ниже) четыре вершины, на каждой из которых живет Небесный князь. Четыре князя охраняют мир от злых духов и панастей, наблюдая каждый за четвертой частью неба.

Стр. 44. *...стал расспрашивать об истинном духе.* — Истинный дух — буддийское выражение, означающее существенное, истинное — лишённое какой бы то ни было поверхностности, случайности. Согласно «Ланкаватарасутре», истинность и поверхностность можно уподобить морской воде и волнам.

Стр. 46. *...мы сделаемся властителем Небесной страны тридцати трех городов.* — По представлениям буддистов, на небе бога Индры, расположенном между четырьмя вершинами горы Меру, существует тридцать два поселения небесных добрых духов и столица Судассана, в которой живет сам Индра со ста девятнадцатью тысячами своих возлюбленных...

Стр. 47. *В год Дракона...* — Во Вьетнаме, как и в других странах Востока, счет годов велся, в частности, и по двенадцатилетнему животному циклу, начинавшемуся с года мыши, за которым следовали год вола, тигра, коша, дракона, змеи, коня, барана, обезьяны, петуха, собаки и свиньи. Таким образом, год Дракона — пятый год цикла.

Стр. 48. *Башня небесного воздаяния* — была воздвигнута в столице вместе с одноименной пагодой королем Ли-Тхань Тонгом в 1057 г., после победы над Тямпой. Двенадцатиярусная башня высотой около пятидесяти метров стояла перед пагодой, посреди небольшого озера. Верхняя ее часть была сделана из меди, нижняя из цветного кирпича и камня. В основании башни был зал

с четырьмя входами, украшенный изваяниями из камня. В 1426 г. китайцы, захватившие Вьетнам, разрушили башню, чтобы воспользоваться медью.

Кан — мера веса, 604,5 г.

Стр. 49. *...все еще пребывали в пещере.* — Рассказ о нетленных останках Ты Дао Хапя имеет реальную основу; археологи неоднократно находили во Вьетнаме средневековые погребения знати, содержащие пабальзамированные, прекрасно сохранившиеся тела.

В годы Вечной радости правления императоров из дома Мин... — В 1407 г. минский император, под предлогом помощи изложенной вьетнамской династии Чан, оккупировал Вьетнам и начал проводить жестокую политику ассимиляции. Вьетнамцы подняли восстание и после долгой борьбы изгнали захватчиков (1428).

Стр. 50. *...в годы Блеска и благополучия царствования короля Ле Тхань Тонга...* — то есть с 1460 по 1469 г.

...кюк конз (букв.: «князь всей державы») — один из высших титулов, присваивался отцу государя, родившей принца.

Ле Хиен Тонг — король, правил с 1497 по 1504 г.

...поставлена каменная плита с надписью. — Каменные стелы с надписями стояли у большинства буддийских храмов.

В Кунь. Кисеу Фу

Дивные повествования земли Линь-нам

Стр. 54. *Линь-нам* (дословно: «к югу от хребта») — так старые китайские и вьетнамские авторы называли земли к югу от гор Нгу-линь (Южный Китай), куда входил и Вьетнам; иногда так называли собственно Вьетнам.

Стр. 53. *...были рыбы, обличьем своим...* — Легенда о рыбах-людях связана с древними обычаями предков вьетнамцев, в ритуале которых рыбы занимали важное место; имеются сведения о татуировке, имитировавшей чешую, и т. д.

Восточное море — Южно-Китайское море.

Дан няны (к и т а й с к. дань-минь) — по-видимому, родственное предкам вьетнамцев население государства Намвьет (III—II вв. до н. э.). Жили на островах вдоль северного побережья Южно-Китайского моря. Им запрещалось жить на материке, брать воду из тамошних колодцев, жениться на девушках с берега. Они вынуждены были жить на лодках и занимались ловлей рыбы, устриц и добыванием жемчуга.

Стр. 54. ...*Царь драконов Лаунг Куан*. — Победа над морским чудовищем — отнюдь не единственный подвиг, совершенный Лаунг Куаном ради блага людей. Известно множество легенд, нередко включавшихся в официальные хроники, о том, как Царь драконов Лаунг Куан, прародитель вьетнамцев, оказывал помощь королям Вьетнама в борьбе против захватчиков или нечистой силы.

...и приказал демону *За Тхоа*... — Демоны За Тхоа (от санскритск. якша), по буддийским верованиям, населяют землю, небеса и пустоту. В народных верованиях якша стали и демонами подводного царства.

Стр. 55. *Бать-лаунг-ви* — стоящий далеко от прибрежных архипелагов остров в Тонкинском заливе, к востоку от Хайфона.

Стр. 56. *Король наш Хунг Вьонг*... — мифическая династия вьетнамских королей (якобы 2879—258 гг. до н. э.); согласно преданиям, была основана Кинь Зыонгом, праправнуком Тхэи Нонга (к и т а й с к. Шэнь-пун), Божественного земледельца. Одним из первых королей этой династии был внук Кинь Зыонга, старший из пятидесяти сыновей Царя драконов земли Лак (Лак Лаунг Куана), взявший себе имя Хунг Вьонг. Все последующие короли также именовались Хунг Вьонгами.

Северный двор — двор китайского императора.

Иньский государь. — Поскольку династия Хунг Вьонгов считалась современницей китайской династии Инь (якобы правила в 1766—1154 гг. до н. э.), то противник вьетнамцев и называется «иньским государем».

Тхюк — равен 40 см.

Стр. 57. ...*достал гадательные тбавы*... — Во Вьетнаме, как и

в странах Дальнего Востока, в старину гадали по гадательным тавлам — специальным таблицам с изображением триграмм (сочетаний прямых и прерывистых линий), заимствованных из древнекитайской «Книги перемен», иногда на таких таблицах были и циклические знаки, которыми обозначалось время суток, дни, а также годы шестидесятилетнего цикла.

...родившийся в седьмой день первого месяца. — Седьмой день первого месяца по лунному календарю считался на Дальнем Востоке «днем рождения мужчин». Существовало поверье, что если в седьмой день первого месяца выдалась хорошая погода, то начавшийся год будет особо благоприятен для рождения мальчиков.

Стр. 58. *Пон* — широкая коническая шляпа, обычно из пальмовых листьев.

Стр. 60. *...шестьсот сорок четыре года не осмеливались...* — Таким образом, битва датируется временем до 1798 г. до н. э. Видимо, во Вьетнаме в XV в. была принята иная датировка.

При короле Тхуан Де из дома Ле... — По-видимому, имеется в виду малолетний Ле Тук Тонг, личное имя которого было Тхуан (де — частица, обозначающая императорский сан). Правил в 1504 г. Отрывок этот добавлен скорее всего одним из позднейших переписчиков.

Нго Ту Лан — поэтесса, ей приписывается цикл стихов «Четыре времени года». Преподавала словесность женам короля (XVI в.).

Стр. 61. *Тиен Зунг Ми Пыонг — Красотой равная феям...* — Красотой равная феям — перевод первых двух слов имени; Ми Пыонг — традиционное имя дочерей королев Хунг Вьонгов, означает, видимо, «девица», и играло роль местоименного слова. «Ми» само по себе может означать «прекрасная».

Стр. 63. *...гора Красная яшма...* — Гора Кунь-пин (китайск. Цюшань) на китайском острове Хайнань, где добывался камень, похожий на красную яшму.

Стр. 65. *...из правившего в Поднебесной...* — Поднебесная — метафорическое обозначение Китая.

...Король наш Ли Нам Де поставил Чиеу Куанг Фука... — В 541 г. восставшие вьетнамцы изгнали из страны китайские гарнизоны и восстановили свое государство под названием Вая-суан. Вождь восстания Ли Бон был провозглашен императором под именем Ли Нам Де (544—548). В 545 г. первый Лянский (китайский) император У-ди (502—549) послал военачальника Чэнь Басяня против Вая-суан. Тот занял часть дельты Красной реки в Северном Вьетнаме, но успеха не добился. Чиеу Куанг Фука — см. коммент. к стр. 15.

Бои у Пят-за-чать — реальные события.

Когда начался мятеж Хоу Цзиня... — В последние годы жизни У-ди взял к себе на службу Хоу Цзиня, сдавшегося в плен военачальника одной из северных династий. Вскоре, однако, Хоу Цзиня поднял мятеж против Лян.

Стр. 66. *...он вырвал у дракона коготь...* — Мотив чудесного когтя, приносящего победу, распространен во Вьетнаме (см. коммент. к «Рассказу о Золотой черепашке»).

Стр. 70. *...создал всех принцев и принцесс...* — Во Вьетнаме долгое время отсутствовала упорядоченная система наследования престола, и сыновья от разных жен имели равные права.

Стр. 76. *Пещера Вьет*. — Различные названия, связанные с этнонимом вьетнамцев, широко распространены в древней части Вьетнама и на заселенных некогда другими вьетскими (юэскими) народами территориях современного Южного Китая: крепость Вьет, ущелье Вьет. Эти топонимы встречались в средние века даже в Малайе.

...снова принял земное обличье... — См. «Рассказ о духе деревни Фу-донг».

Стр. 77. *После того как пали Чжоу и воцарились государи из дома Цинь, некто Тхой Лыонг...* — Династия Чжоу прекратила существование в 256 г. до н. э. Еще в 249 г. до н. э. царство Цинь присоединяет к себе другие царства, а ее князь основывает династию Цинь и провозглашает себя Цинь Шан-хуаном. Первым императором (246 г. до н. э.). Легенда о Тхой Лыонге восходит,

по видимому, к легенде о Ли Онг Чаунге, вьетнамце, якобы вос-
ставшем с гуннами на стороне Цинь и достигшем высоких чинов.

Долгие годы спустя военачальники Жэнь Сяо и Чжао Та... —
См. коммент. к стр. 88.

...Послал в мир фею Ма Ко... (китайск. Ма-гу). — По пре-
данию, во времена императора Хуань-ди (146—167) в Шань-
дуне жила девушка Ма-гу, стремившаяся перенять даосское
искусство стать бессмертной. Ей будто бы удалось попасть на
остров Пэнлай, где обитают бессмертные (см. коммент. к стр. 160).
Изображается красивой молодой девушкой с перстами, подобными
когтям птицы.

Стр. 79. *...в жертву злему духу Сыонг Куонгу* (букв.: Свире-
пый и неукротимый). — После того как Царь драконов одолел
Древесного оборотня, тот перевоплотился в Сыонг Куонга и снова
начал строить козни и пожирать людей. Люди вынуждены были
построить ему храм и ежегодно приносить в жертву живого че-
ловека.

Стр. 81. *...а рядом — цитра и гусли...* — Цитра и гусли — образ
супружеского единения, идущий от «Книги песен».

Стр. 82. *...со времен самого Хуан-ди и вплоть до воцарения
Иньского дома...* — Мифический китайский император Хуан-ди
(букв.: Желтый император) правил якобы с 2697 по 2597 г. до н. э.
От его царствования до начала династии Инь должно было пройти
более восьмисот лет.

Стр. 83. *...сто тысяч связок монет...* — Древние бронзовые мо-
неты во Вьетнаме, как и везде на Дальнем Востоке, имели квад-
ратную дырку в середине и соединялись в связки.

Стр. 84. «*Рассказ о Золотой черепахе*» — популярнейшая
вьетнамская легенда. Черепаха заняла в государственной симво-
лике особое место как дух-покровитель династии. При королях
из дома Поздняя Ли в программу новогодних празднеств входило
явление Золотой черепахи; огромное изваяние ее, снабженное
специальным механизмом, проплывало по Красной реке в при-
сутствии короля и его двора.

Король Ан Зыонг... из земли Ба-Тхук... — Ан Зыонг (258—207 гг. до н. э.) — король первого вьетнамского государства Ау-лак на территории современного Северного Вьетнама; был основателем и единственным государем династии Тхук. Земля Ба-Тхук (китайск. Башу). — Имеются в виду древние, по-видимому, населенные предками таи государства в Сычуани. Предки вьетнамцев в V—III вв. до н. э. были связаны с населением этих районов.

Ван-ланг — название страны в Северном Вьетнаме, где правили, по преданию, короли Хунг Вьюнги (см. коммент. к стр. 56).

Виет-тхыонг — область в дельте Красной реки; здесь, по-видимому, складывалась вьетнамская государственность и находилось несколько древних столиц Вьетнама.

Стр. 85. *Чистая река* (Тхань-зыанг) — одно из названий реки Лю, берущей истоки из Южного Китая и впадающей в Красную реку.

Стр. 87. *...Крепость Лоа-тхань —* находилась неподалеку от Ханоя. На ее месте открыты земляные валы, оружейные мастерские и др.

Стр. 88. *Однажды князь из рода Чжао, по имени Та, вторгся в наши земли и начал войну с королем. —* Чжао Та («Рассказ о пенцере Виет») был в 214 г. до н. э. послан императором Цинь Шин-хуаном на завоевание южных земель. После ряда успешных походов Чжао Та отделился от Циньской империи и создал (вернее, воссоздал) вьетское государство Намвьет на территории Гуандуна. Затем к нему было присоединено государство Ау-лак. (Это объединение просуществовало до III в. до н. э.).

...Чжао Та отправил к Ан Зыонгу сватов. — Согласно «Краткой истории Виет» (XIV в.), Чжао Та, разбитый в бою Ан Зыонгом, послал к нему своего сына Чжун-ши просителем и заложником.

Стр. 89. *...из гусиных перьев. —* Согласно китайским средневековым источникам, в южных землях, где жили предки вьетнамцев, были распространены покрывала и другие изделия из гусиных перьев. До недавнего времени жители деревень около Лоа-тхань, где стоит деп *Ми Тяу*, в день храмового праздника не ели гусятину, считая гуся как бы сопричастным гибели принцессы.

Стр. 90. *Тело ее превратилось потом в камень нефрит.* — В дене Ми Тяу поклонялись камню, похожему на человека без головы (Ан Зыонг обезглавил принцессу).

Тогда он бросился в колодец... — Вокруг Лоа-тхана распространена легенда, согласно которой вскоре после погребения призрак Ми Тяу явился на берег близлежащего озера и запел песню; услышав ее, Чжун-ши поспешил к принцессе, но она ушла на дно озера, и тогда Чжун-ши бросился следом за нею. Люди, не желая прикасаться к трупам предателя, вырыли специальный сток из озера, по которому тело уплыло в реку.

...ежели жемчуг, добытый со дна Восточного моря, омыть в воде из того колодца... — В книге Ле Чака (XIV в.) «Краткое описание Ан-нама» сказано: «Посреди крепости Вьет Вьонгов есть старый пруд. Люди из года в год, паловив жемчугу, омыляют его в этом пруду, после чего жемчужины становятся еще прекрасней».

Стр. 91. *Ан-нам* (к и т а й с к. Аннам) — «Умиротворенный Юг» — название, данное китайской администрацией Вьетнаму в 679 г., когда после ряда восстаний китайцы были вынуждены отказаться от управления по образцу китайских провинций и создать «протекторат» (духуфу), администрация которого в меньшей степени вмешивалась во внутренние дела страны.

Стр. 92. *...изложенному в сочинении Лу-гуна «Записки о Цзяо-чжоу»...* — Лу-гун (Князь области Лу) — прозвание китайского литератора Янь Чжэнь-цина (709—764).

При чжоуском государе Нуань-ване... — Нуань-ван правил с 314 по 245 г. до н. э.

Стр. 94. *Нгуен Ши Ко* (XIII—XIV вв.) — выдающийся литоратор, служил при трех чанских королях. Среди придворных поэтов, часто писавших по-китайски, он славился искусством стихосложения на вьетнамском языке.

Королевская письменная палата «Лес кистей» (Хан лам) — основана в 1086 г., ведала архивами, составлением документов, была средоточием литераторов.

Хаук ши. — Этот чин можно перевести как «ученый муж».

Стр. 95. *Унаследованное изобилие* — девиз правления короля Чаи Зу Тонга (1341—1357), который предавался порокам и праздности и привел государственные дела в совершенный упадок (ум. в 1369 г.).

Стр. 96. *...разродилась диковинным темным комом...* — Мотив, распространенный у народов Вьетнама и сопредельных стран.

Люй Дун-бинь — один из восьми бессмертных у даосов (якобы эпоха Тан). Успешно сдав экзамены на высшую ученую степень, он неожиданно повстречал бессмертного Чжунли Цюаня, стал его учеником и постиг тайну бессмертия. Больше четырехсот лет странствовал он со своим волшебным мечом, побеждая тигров, драконов, оборотней, творя чудеса и помогая людям встать на путь даосов. В 1111 г. был капонизирован.

Стр. 97. *Нэмы* — элегические стихотворения и поэмы, в которых чередовались строки разной длины и строго соблюдались внутренняя и конечная рифмы.

Голос его вился вокруг стропил и останавливал бегущие облака. — В трактате «Ле-цзы» рассказывается о певице Хань Э; «Когда она ушла [из Юньмэня], звуки ее голоса вились вокруг стропил и три дня не прерывались». Там же говорится о Се Тань, который учился пению у Цинь Цин. Решив, что он уже выучился всему, собрался уйти от наставника. Цинь Цин устроил прощальное угощение и занял. «От звука его голоса закачались деревья в лесах и остановились бегущие облака». Се Тань понял свое несовершенство и остался.

Стр. 100. *Хуан-ди* — государь в древнекитайских мифах, считался верховным божеством, у него-де было четыре лица, и он мог одновременно наблюдать за всем, что происходит в мире.

Нас, как Сян-вана, посетишь. — Намек на известную поэму Сун Юя «Ветер», в которой говорится: «В уделе Чу князь Сян гулял и развлекался в своем дворце, им названном — Террасы орхидей. Сун Юй, Цзин Ча ему прислуживали оба. Вдруг ветер явился, донесся к нему он в свистящем порыве... И князь рас-

пахнул свой халат и в ветер встал. Сказал: «Ах, как приятен этот ветер!» (Перевод академика В. М. Алексеева.)

Стр. 102. ...*сложила об этом случае такие стихи на просторечье*... — В оригинале — «сочлины стихи на куок нгы» (то есть на вьетнамском). Поскольку придворная поэзия писалась в основном по-китайски — на языке высокой учености и книжности, то вьетнамский язык назван здесь «просторечьем».

Из поздних добавлений

Стр. 104. Сюжет «*Рассказа о За Тхоа Вьонге*» совпадает с одним из эпизодов «*Рамаяны*» (похищение и возвращение Ситы). Можно идентифицировать За Тхоа Вьонга с персонажем «*Рамаяны*» Дашагравой (Десятиголовым), то есть Раваной; *Тхан Са Вьонга* — с Дашаратхой (Десять колесниц); *Ви Ба* — с Рамой; *Бать Тинь Тиеу Пьонг* — с Ситой. Названия государств неупотребительные. Если *Хо-гон* — это Тямпа, то *Зиеу-нгием*, — видимо, Камбоджа. Однако, следуя сюжету «*Рамаяны*», это — Индия и Цейлон. Анахронизмом является упоминание *Лу-лака*, ибо первые сведения о Тямпе появились пятьсот лет спустя после его гибели, чего, очевидно, не могли не знать авторы книги.

Стр. 107. *Тю Ван Ан* или *Тю Ан* (?—1370 г.) — конфуцианец. Имел школу и множество учеников. Был назначен пастырьем наследного принца. Выступил с обличением злоупотреблений и потребовал казни семи временщиков, подав государю знаменитое прошение «Об отсечении семи голов». Не получив ответа, вышел в отставку и удалился в горы.

Сочинения, оставленные королем Ле Тхань Тонгом

Стр. 111. «*Перебранка двух Будд*». — Одна из реформ Ле Тхань Тонга — «чистка» монашества от недостойных (тем более что в монахи уходили многие потенциальные налогоплательщики).

Буддизм в это время все более вытесняется из общественной жизни, где его заменяет конфуцианство, в сферу жизни личной. Ле Тхань Тонг был приверженцем конфуцианства, отсюда — критика буддизма, монашества. Применение «высокого штиля» в явно склочном споре — разоблачительный прием, связанный с тем же процессом «чистки» от недостойных, прикрывающихся учением Будды для достижения выгод.

Стр. 113. *...вооружиться пятью проникновениями и прибегнуть к шести знаниям...* — Пять проникновений (буддйск.) — возможность принимать любую форму, мгновенно проникать взором внутрь любого предмета, в любом мире, беспрепятственно слышать на любом расстоянии, уметь проникать в сознание других людей и существ, а также обладать знанием конца потока жизненных перерождений всех существ и самого себя. Шесть знаний (буддйск.): знание, даваемое божественным прозрением, знание, даваемое «тысячью глаз», знание, даваемое «тысячью ушей», знание сознания других существ, знание, даваемое возможностью принимать любой вид, и знание конца потока жизненных перерождений всех существ.

Стр. 116. *Уж не дергался ли у тебя сегодня, братец, указательный перст?* — По вьетнамскому поверью, подергиванье указательного пальца означает предстоящее обильное угощение.

Стр. 118. *...и стали они несчинками, светящимися во мраке.* — Так назывались в старинных медицинских трактатах комаринные глаза; их извлекали из помета летучих мышей и приготавливали снадобье для врачевания глазных болезней. Здесь фраза означает, что все комары стали добычей летучих мышей.

Бао-ха — местность в Центральном Вьетнаме (современная провинция Пге-ан), славящаяся обилием комаров.

Стр. 120. *...юноша по имени Тю Шинь...* — «Шинь» означает «ученик», «студент», играет роль местоименного слова.

Стр. 123. *...сладостное благоухание орхидей.* — В странах Дальнего Востока принято во время сушки чая добавлять в него для аромата лепестки цветов.

Стр. 124. *...связать наши семьи узами брака, подобно семьям Чжу и Чэнь.* — Бо Цзюй-и писал: «В местности Сюйчжоу в старинном уезде Фэнсянь есть деревня Чжучэнь, там живут только люди двух родов, Чжу и Чэнь, и из поколения в поколение женятся между собой». С тех пор «Чжу и Чэнь» (вьетнамск. Тю и Чанг) стало синонимом супружеских уз. И сейчас еще во Вьетнаме на улицах мальчики вместо нашего «жених и невеста!», дразня, кричат «Тючанг, Тючанг!».

Стр. 125. *Воистину, если это была не дева из Нефритового дворца на луне, то уж наверное — фея с горы Соцветия яшм!* — Нефритовый дворец на луне, гора Соцветия яшм — места, где, по преданию, обитали духи и феи.

Стр. 127. *...прекрасное здание в два света...* — К праздникам на территории королевского дворца действительно сооружались специальные павильоны.

Стр. 130. *...связанная дочерним долгом, я не в силах исполнить долга жены.* — Распространенный мотив борьбы долга по отношению к родителям и к мужу, злободневный тогда в связи с укоренением конфуцианской этики. В XV в. конфликт этот обычно решался в пользу родителей.

...могли бы сравниться с ним. — Госпожа Вэй и Ван Си-чжи — знаменитые каллиграфы династии Цзинь (265—420).

Стр. 134. *...привнес наставления Дуна и Цзя...* — Дун Чжуншу (176—104 гг. до н. э.) и Цзя И (201—169 гг. до н. э.) — знаменитые китайские сановники, литераторы и ученые-конфуцианцы.

...уподоблялся он Суню и У... — то есть Сунь-цзы и У-цзы, двум наиболее знаменитым военным теоретикам Древнего Китая. Первому приписывается трактат «Сунь-цзы», а второму — «У-цзы».

Стр. 135. *...он сделался мотыльком.* — В трактате Чжуан Чжоу «Чжуанцзы» (IV в. до н. э.) рассказывается притча о том, что философу приснилось, будто он бабочка. Проснувшись, Чжуан Чжоу не мог понять, то ли это он видел во сне бабочку, то ли бабочке снилось, что она Чжуан Чжоу.

...мотылек, порхающий меж цветов, как то и сказано в одном древнем стихотворении... — По-видимому, имеется в виду одно из стихотворений Ду Фу, где есть такие строки: «Средь цветов летает бабочка — глубоко-глубоко. Средь капель росы стрекозы парят медлительно-важно».

Стр. 139. ...в час тхан... — «Тхан» — девятый из двенадцати дневных часов.

Стр. 140. У бабочек есть своя царица, как и у муравьев свой государь. — Намек на новеллу китайского писателя Ли Гун-цзо (IX в. н. э.) «Правитель Нанькэ», в которой описывается, как герой попадает в царство муравьев, столь похожее на современное ему танское общество.

Стр. 142. Один лишь Кун-мин, когда он явился в страну Шу... — Кун-мин — второе имя китайского полководца Чжугэ Ляна (181—234), которому приписывалось владение магией; в китайской медицине ему приписывается несколько лекарств, которые он будто бы изобрел во время изнурительного похода против племен, живших к югу от Шу.

Донг кан — мера веса, 3,8 г.

Громовые шарики — разновидности грибов, растущих на корнях бамбука и используемых для приготовления лекарств.

Стр. 143. «Смехотворное состязание близ ворот Великого Юя». — Гора Ву-мон (китайск. Юймынь — Ворота Великого Юя, также Лунмынь — Ворота дракона) находится на стыке провинции Шаньси и Шэньси в северо-западном Китае. В «Записках о трех Цинях» китайского автора Синь Ши (примерно II в. н. э.) приводится старинное предание, легшее в основу данного рассказа: «Речные и морские рыбы собираются у Драконовых ворот. Та, что прыгает выше всех, превращается в дракона. Те, что не допрыгнут, остаются с разбитыми головами и высохшими жабрами». Рассказ в какой-то мере пародирует конфуцианскую систему конкурсных экзаменов. К рыбам, действующим у китайского автора, Ле Тхань Тонг добавляет лягушку, традиционный персонаж вьетнамского фольклора и народного лубка.

Император Нефрита — верховное божество в даосской религии и народных верованиях.

...в этих словах есть намек на драконов. — В самом начале древнекитайской «Книги перемен» («Ицзин») говорится: «Появился дракон и находится в поле», далее как вывод следуют приведенные в новелле слова, то есть имеется в виду, что появление дракона предвещает благоприятную встречу с великим мужем. В указе Нефритового императора приводится, наоборот, вторая строка как намек на первую, где речь идет о драконе.

На шести драконах... — образ, также восходящий к «Книге перемен», где говорится в комментариях: «Запряг шесть драконов и управлял небом».

...четвертого же года. — Имеется в виду четвертый год двенадцатилетнего лунного цикла.

Стр. 144. *Пять озер.* — Видимо, имеется в виду озеро Тайху в Китае к югу от устья Янцзы и близлежащие озера.

Стр. 150. ...сюда, как говорится, спустился Феникс. — Птица феникс была символом супруги. Здесь означает, что Тхук Игы нашел себе там жену.

Стр. 154. *Нынешней ночью встречаются в небе созвездия Ткачихи и Волопаса...* — Древнекитайское предание, широко известное во Вьетнаме, Корее и Японии, гласит: к востоку от Млечного Пути жила Ткачиха, дочь небесного бога. Круглый год она трудилась и ткала облачное небесное одеяние. Богу стало жаль ее, одинокую, и он отдал дочь в жены Волопасу, что жил к западу от Млечного Пути. Выйдя замуж, она перестала ткать. Бог рассердился, велел ей вернуться и впредь видаться с мужем раз в год. Эта встреча происходит якобы в седьмой день седьмой луны, когда сороки со всего мира слетаются на небо и своими хвостами образуют мост, на котором и встречаются Волопас и Ткачиха.

Стр. 155. ...исторгнула из рта некое вещество... — Волшебник, вылевывающий чудодейственную пилюлю, — частый эпизод даосских преданий.

...и улетела на северо-запад. — В представлении древних вьетнамцев на северо-западе находились таинственные земли, где обитали духи и божества.

Стр. 157. *Игаук Ти* — буквально: «Нефритовая печать» (символ императорской или королевской власти).

Стр. 158. *...восседающего на лotosовом троне...* — Буддисты особо чтут лотос как символ чистоты и изображают своих святых сидящими на лотосе.

...подстрелить воробья, нарисованного на ширме... — Китайское предание рассказывает, что некто Доу И искал зятя и объявил, что отдаст дочь тому, кто попадет в глаз воробью, нарисованному на ширме. Победителем вышел Ли Юань — основатель династии Тан.

...сотканной подводными ткачами. — Образ подводного ткача известен в странах Дальнего Востока с древних времен. В китайском «Описании удивительного» (V в.) говорится: «В южных морях есть терема человекорыб, они живут в воде, подобно рыбам, и непрерывно ткут. Когда они плачут, их слезы превращаются в жемчужины».

Стр. 160. *...вход во дворец превратился в морскую пучину.* — В китайских мифах рассказывалось, что, когда Великий Юй, усмиритель потопа, дошел до Хуанхэ, он увидел существо с белым ликом и туловищем рыбы. Назвалось оно речным духом и подарило Юю зеленый камень с узорами, которые оказались планом борьбы с наводнением. Во вьетнамской новелле как бы пародируется этот мифический рассказ и магические линии оказывают обратное действие.

...возносившийся к лунным чертогам... — По представлениям вьетнамцев, как и народов Дальнего Востока, на луне находится дворец, в котором одиноко живет фея луны.

...дворец Пэнлай. — По древнекитайским представлениям, распространенным в соседних странах, в Восточном море плавают три священные горы — Пэнлай, Инчжоу и Фанчжан, на которых будто бы обитают бессмертные.

...очами Шуня и бровями Яо... — По преданию, у мифического императора Шуня были глаза с двумя зрачками в каждом; у его тестя Яо были разноцветные брови.

Стр. 161. ...достоинные восседать на восточном ложе... — Рассказывают, что некто Си Цзянь послал своего ученика в дом Ван Дао выбрать мужа для дочери. Ван Дао повел его в восточный флигель и показал своих учеников. Посланный вернулся и доложил, что все ученики очень молоды и красивы и что во время его посещения один из них возлежал на восточном ложе и безмятежно ел. Си Цзянь воскликнул: «Это воистину прекрасный зять». Это был знаменитый впоследствии каллиграф Ван Си-чжи. Си Цзянь отдал за него свою дочь. С тех пор «восточное ложе» — метафорическое обозначение зятя.

Стр. 162. ...наподобие змея с горы Чаншань... — В трактате «Сунь-цзы» сказано: «...тот, кто хорошо ведет войну, подобен змее с гор Чаншань. Когда ее ударяют по голове, она бьет хвостом, когда ее ударяют по хвосту, она бьет головой; когда ее ударяют посредине, она бьет головой и хвостом».

...словно течение рек Цзян и Хань — то есть рек Янцзы и Ханьшуй.

Река Хуанхэ подобна поясу, а гора Тайшань — точильному камню. — Слова эти взяты из «Исторических записок» Сыма Цяня, где сказано: «При пожаловании высокого звания произносилась клятва: «Повелю Хуанхэ быть за пояс, а горе Тайшань за точильный камень, государству быть в вечном спокойствии, потомству расти и крешнуть». Впоследствии слова эти стали метафорическим обозначением спокойствия в стране.

Пять вершин и Четыре реки... — крупнейшие горы и реки Китая.

Стр. 164. ...возлагала на алтарь чашечку с рисом... — Во Вьетнаме распространен культ предков; в каждом доме есть семейный алтарь, на котором приносятся жертвы усопшим и возжигаются благовонные палочки.

Стр. 165. ...купила девица бумажных денег и отправилась на

кладбище... — В старину во Вьетнаме, как и в странах Дальнего Востока, были распространены бумажные жертвенные деньги, которые сжигались на могиле и попадали якобы в руки ушедшего на тот свет; были бутафорней.

Стр. 166. ...ни Сун Юй, любовавшийся цветами, ни Фань Лан, в дар которому бросали плоды... — Сун Юй (ок. 290 — ок. 223 гг. до н. э.) — знаменитый китайский поэт. В поэме «Дэпту-сладострастник» поэт рассказывает, что краше всех в Поднебесной дочь его соседа, которая уже третий год лазит на забор и любит его красотой. Фань Лан — настоящее имя Фань Юэ (?—300 г. н. э.) — китайский сановник и литератор, прославившийся редкой красотой. По преданиям, в молодые годы ходил с лютней по улицам Нояна, и женщины, завидя его, брались за руки, окружали его или бросали ему плоды.

...пять положенных брачных обрядов... — пять из обычных шести свадебных обрядов в странах Дальнего Востока: посылка даров невесте по случаю сговора; осведомление об имени и фамилии; подарки, приносимые невесте в знак помолвки после гадания о будущей судьбе четы; подарки невесте, состоящие из тканей и служащие знаком окончательного заключения союза; назначение срока свадьбы с посылкой невесте гуся и поездка жениха за невестой.

Стр. 167. *Месяц седьмой, седьмое число // самый счастливый день для Тик Ны.* — Намек на легенду о небесной Ткачихе — Тик Ны (китайск. Чжи-ньюй). См. коммент. к стр. 154.

Стр. 168. ...заслуги моего предка, истолковавшего книгу «Вёсны и Осени»... — «Вёсны и Осени» («Чуньцю») — древнекитайская летопись. Считается, что ее редактировал Конфуций. В III в. до н. э. некто Гунъян Гао составил к ней комментарий. Так как Гунъян по-китайски «козел», то на него-то как на своего предка и намекает герой новеллы.

Стр. 170. ...не так ли было, к примеру, с посланцем Ван-му... — Ван-му — буквально означает «хозяйка», «матушка», сокращенно от Си-ван-му — Хозяйки Запада в китайской мифологии. Ее по-

сланцы в древнейших памятниках изображаются тремя синими птицами с красными головами и черными глазами.

...с Черной свиньей, в которую перевоплотился Цинь Куй... — Цинь Куй (1090—1155), китайский сановник, заслуживший печальную известность как предатель, виновник гибели национального героя Юэ Фэя, защищавшего страну от нашествия кочевников. Имя Цинь Куя стало нарицательным для предателя. По буддийским представлениям, перерождение в свинью (а в Китае тогда все свиньи были черные) — одно из худших наказаний за грехи предшествующей жизни.

...с журавлем Лин-вэя... — В «Продолжении записок о поисках духов», приписываемых Тао Юань-мину (365—427), рассказывается про даоса Дин Лин-вэя, будто бы жившего в Китае при династии Хань: «Дин Лин-вэй постигал путь дао на горе Лин-сюйпань, потом превратился в журавля и улетел обратно в Ляодун...»

...или с Белым драконом, превратившимся в рыбу... — В книге «Сад высказываний», составленной Лю Сином (77—6 гг. до н. э.), есть такой рассказ: «Когда князь У-ван хотел пойти пить вино вместе с народом, сановник У Цзы-сюй стал увещевать его, говоря: «Не следует этого делать. В древности Белый дракон опустился в чистый и прохладный омут и превратился в рыбу. Рыбачь Юй-це выстрелил ему в глаз. Белый дракон поднялся в небо и пожаловался Небесному императору... тот сказал: «Люди всегда стреляют в рыб, какое же преступление совершил Юй-це?» Юй-це был простым подданным царства Сун. Не превратись Белый дракон в рыбу, Юй-це не стрелял бы в него. Сегодня вы, государь, бросаете место среди десяти тысяч колесниц и отправляетесь пить вино вместе с воинами в холщовой одежде. Боюсь, как бы вас не подстерегла опасность Юй-це». Князь только тогда остановился».

Стр. 174. В «Книге песен» сказано... — Здесь цитируются строки из песни «Дважды хворост крутом оплетя...», в которой говорится о любовном свидании.

...говоря словами поэта, «у петушиного окна в ночи безмолвной свитки книг разворачивал...» — строка из стиха китайского поэта Ло Ина (833—909). Петушиное окно — метафорическое обозначение кабинета ученого, идущее от старинного предания о некоем Сун Чу-дауне, который, купив как-то петуха, очень полюбил его и держал его у окна. Петух начал-де разговаривать на языке людей, и они вели потом долгие беседы.

Уподобился я бедному мудрецу... — намек на китайское предание о Сунь Кане (IV—V вв.), который в молодости был очень беден и не имел денег на масло для светильника, но любил чтение и читал зимними ночами при лунном свете, отражающемся от белого снега. Впоследствии он стал придворным историографом.

Стр. 175. *...мне рыба и гусь не приносят письма.* — Рыба и дикий гусь — синонимы письма в китайской поэзии, откуда эти образы попали и в поэзию Кореи, Вьетнама, Японии.

В песне «Боевая колесница»... — Имеется в виду песня из «Книги песен» («Шицзин»), в которой жена изливает тоску о муже, ушедшем в далекий поход.

В песне «Возвращение из похода». — Имеется в виду песня из «Шицзин», в которой воин, три года назад покинувший родной кров, поет о том, что ждет его дома.

Стр. 177. *Кхань* — каменный или металлический гонг в форме полумесяца, отличавшийся высоким чистым звучанием.

Стр. 180. *В Китае ...подобная мышь оборотилась самозванным императором Жэнь-цзун.* И сам Бао-гун, разбиравший их тяжбу, не сумел уличить оборотня. — Династия Сун правила в Китае с 960 по 1279 г., император Жэнь-цзун — с 1022 по, 1063 г. Бао-гун, сановник Бао, настоящее имя Бао Чжэнь (999—1062), — был правителем Кайфэна, тогдашней столицы Китая. Его имя стало синонимом справедливого судьи, а сам он сделался героем многочисленных легенд. Одна из них рассказывает про Ши Цзы-ина. Когда ему было двадцать три года, он прошел на уездных экзаменах и отправился сдавать экзамены в столицу. По дороге он встретил оборотня, который был одной из пяти

мышей-оборотней, и рассказал тому про домашние дела. Тогда эта мышь превратилась в Цзы-ина и стала жить с его женой, ничего не подозревавшей. Вернувшись из столицы, Ши Цзы-ин обнаружил, что жена его живет с человеком, точь-в-точь похожим на него, и подал жалобу уездному начальнику. В конце концов дело дошло до первого министра. Испугавшись, мышь призвала на помощь остальных четырех. Четвертая мышь превратилась в первого министра, министров стало двое, и дело еще более запуталось. Когда это стало известно императору, то вдруг оказалось, что во дворце два императора и две императрицы. На помощь призывали Бао-гуна, и тут первая мышь превратилась в Бао-гуна. Но настоящий судья Бао доложил обо всем Небесному императору, и тот послал на землю небесного кота загрызть этих мышей. Все сразу выяснилось, Цзы-ин соединился со своей женой и впоследствии получил чиновничий пост.

Семь отверстий. — Имеются в виду рот, две ноздри, два глаза, два уха.

Стр. 181. ...*Сунь У-кун, служивший некогда конюшим у Императора Нефрита...* — Сунь У-кун — царь обезьян, герой китайских легенд, который был некогда конюшим у Небесного императора, но был недоволен этой должностью. Он отправился странствовать в поисках бессмертных, попал на пир к царице Си-ван-му, тайком выпил там все снадобье бессмертия и умчался в свои владения. Впоследствии Сунь У-кун стал де верным помощником знаменитого Танского монаха, Сюань-цзана (ок. 600—660 гг.), совершившего долголетнее путешествие в Индию за книгами буддийского канона. Истории о Сунь У-куне легли в основу романа У Чэн-эня (1500—1582) «Путешествие на Запад».

Лисы хотя и злобны... — Эта фраза вьетнамского автора в известной мере расходится с традицией многочисленных китайских повелл о лисах-оборотнях.

...*мышь трижды тайком прогрызала рога жертвенных буйволов.* — История из древнекитайской летописи «Цзочжуань».

...мышь родом из Цзиньлина поменяла старые своды законов... — Первый министр Шэнь-цзуна Ван Ань-ши (1021—1086) провел знаменитые реформы, целью которых было урегулирование финансов и обогащение страны за счет ограничения доходов чиновников и купцов. «Шш» в его имени звучит так же, как слово «шш» — «большой» из сочетания «шшшу» — «большая мышь» в одной из песен «Шшцзин». Только родом он был не из Цзиньлина (современный Нанкин), а из Ляньчуаня, что много южнее.

А затем клика Цай Цзина и Туи Гуаня... — При императоре Хуэй-цзуне (1100) вся власть в Китае оказалась в руках клики крупных чиновников и помещиков во главе с Цай Цзином, Туи Гуанем и Чжу Мянем, которые, выдавая себя за сторонников прогресса и реформ, в действительности грабили народ, что вызвало восстания в 20-х годах XII в. Они были подавлены, но все более усиливалась угроза со стороны кочевников, чжурчжэней, и в 1127 г. они захватили Кайфэн и взяли в плен самого императора.

Изречение: «Без длинных клыков наши стены насквозь прогрызает»... — Намек на строки из «Песни о невесте, отвергающей жениха» из «Шшцзин», где говорится: «Кто же скажет, клыков нет у мыши лесной, // Что прогрызла ограду в саду?» (Перевод А. А. Штукина).

«Ты ль сбирала зерно, что пшеницею нашей живот набиваешь?» — неточная цитата из песни «Шшцзин» «Большая мышь», где под видом мыши выведены те, что, используя труд крестьян, сами жили в сытости.

Су Дун-по — настоящее имя Су Шя (1037—1101), знаменитый китайский поэт; в повелле речь идет о его оде «Хитрая мышь», в которой описываются проделки мыши, забравшейся ночью в комнату поэта.

Стр. 182. ...если же мыши превращаются в перепелок... — намек на фразу из древнекитайской «Книги обрядов» («Лицзи»): «Когда распускаются цветы на тунговых деревьях, полевые мыши превращаются в перепелок»,

*Из обширных записей
рассказов об удивительном*

Стр. 185. ...когда подходили уже к концу годы Дважды повторенного сияния, люди стали гибнуть во множестве... — Годы Дважды повторенного сияния (Чунг Куанг) — девиз правления (1409—1413) принца династии Чан, по имени Куи Кхоанг, возглавившего борьбу против оккупировавших страну китайских войск. До этого, в 1407 г. китайский император под предлогом помощи династии Чан, свергнутой Хо Куи Ли, послал свою армию во Вьетнам. Захватив страну, китайцы собрали в столице вельмож, чиновников и старейшин и заставили их признать, будто от королевского рода Чан никого не осталось, а посему управление государством «переходит» к наместникам китайского императора. Вскоре возмущение народа и недовольство многих вьетнамских вельмож привело к восстанию против китайцев. После нескольких побед армия повстанцев была все же разбита. В годы вторжения минских войск, народных восстаний и последовавшего за этим жестокого режима оккупации в стране начались недород, голод и эпидемии. Вымирали семьи и целые деревни, покойников зачастую не погребали в соответствии с обычаями и верованиями, на алтарях предков не возлагались положенные жертвоприношения, и тени усопших были лишены «штыя и шщи». Озлобленные духи, покинув царство мертвых, искали пропитания среди людей. Бесчинства и разбой, чинимые демонами ночи, — метафорическое отражение беспорядков, царивших в стране.

Стр. 188. ...уходить к Девяти источникам... — Девять источников — образное название подземного, загробного мира, широко используемое в китайской поэзии.

Стр. 189. Повелитель мрака Минь Ти — повелитель царства мертвых, по буддийским верованиям.

Это воля самого Зисем Выонга, владыки Подземного царства. — Зисем Выонг — правитель Подземного царства, поставлен-

ный Императором Нефрита. Царство это населено душами умерших, которые ожидают очередного перевоплощения. Когда перевоплощение определено, умершие возвращаются на землю, но место их занимают другие. Уходящим из ада Зиём Вьюнг подносит напиток забвения, чтобы они забыли все виденное в его царстве. Однако раз в году он позволяет усопшим встречаться с живыми на торжище Май-ма, где они обмениваются товарами; там люди узнают новости о своих умерших родичах. Во владениях Зиём Вьюнга тоже есть земля и небо, но, по отношению к миру живых, земля там вверху, а небо внизу; что у живых белое, там — черное и т. п. Зиём Вьюнг мрачен и свиреп, появляется на земле не часто и редко видится даже с Императором Нефрита.

Стр. 190. *Янь Хуэй* — ученик Конфуция, умерший в 490 г. до н. э. в возрасте тридцати одного года. По преданию, был очень умен, схватывал все на лету, никогда не гневался и не кривил душой. Жил в глухом переулке, ел грубую пищу и пил воду из простого черпака.

Чан-цзи — прозвище китайского поэта Ли Хэ (790—816). С семилетнего возраста он был искусен в сочинении, очень любил читать, писать стихи на заданные темы. Каждое утро на рассвете он брал мешок с книгами, садился на коня и до позднего вечера уезжал из дому. Как-то раз его мать послала служанку тайком заглянуть в мешок, и та увидела, что он полон книг. Мать стала бранить его, что не бережет здоровья... Ли Хэ действительно умер, и с тех пор талантливых, но рано умерших людей стали сравнивать с ним.

Стр. 191. *...умер от голода Дэн, владевший медной горой...* — Дэн (Дэн Тун) жил в Китае во II в. до н. э. Он был мелким чиновником, но полюбился императору Вэнь-ди. Узнав, что гадалка предсказала Дэн Туну голодную смерть, император решил изменить судьбу и подарил Дэну медную гору, разрешив ему лить монету. Вскоре Дэн Тун стал одним из богатейших людей. Но Вэнь-ди умер, и на престол взошел Цзин-ди, он невзлюбил

Дэн Туна, отобрал у него гору и все добро, и Дэн все-таки умер с голоду.

...лишил достоянья Чжу Шу. — Некто Чжу Шу был беден. Во сне он увидел духа и спросил, будет ли он богат. Дух ответил, что у некоего Чэ есть деньги, которые временно могут быть даны Чжу Шу. Вскоре Чжу действительно разбогател. Но настала засуха, весь урожай погиб. Чжу собрал остатки добра и решил бежать. Вечером в пути, когда он остановился отдохнуть, к его колеснице подошла женщина, ожидающая ребенка, и попросилась перепочевать под колесницей. Ночью она родила сына, которого назвала Чэ-колесница. С тех пор все деньги попали к этому мальчику, а Чжу Шу так и остался бедняком.

Стр. 192. *...поднялся ветер подле горы Маян...* — Гора Маян («Лошадина») находится в Китае на реке Янцзы; своими очертаниями напоминает коня. Старинное предание рассказывает, что китайский поэт Ван Бо (647—675) как-то раз, когда был в Паньчане, остановил на ночь свою лодку подле этой горы. Во сне ему явился дух — повелитель вод и сказал, что поможет ему попутным ветром. Действительно, ветер наполнил его паруса и домчал к утру до Паньчана, а туда было добрых семьсот ли (350 км). Прибыв туда, Ван Бо смог принять участие в поэтическом состязании на пиру у губернатора во дворце тэнского князя. Его стихи и прозаическое предисловие к ним поразили всех гостей и прославили поэта в веках.

...у пагоды Всеобщего счастья ударила молния. — Рассказывают, что, когда китайский сановник Фань Чжун-янь (989—1052) был правителем Жаочжоу, к нему пришел студент с жалобой на бедность и голод. Фань Чжун-янь дал ему бумаги и туши и велел отправиться в древнюю пагоду Всеобщего счастья, где была стена с образцами почерка одного знаменитого каллиграфа. Правитель посоветовал студенту сделать тысячу копий и потом продавать их в столице. Но студент не успел ничего сделать, так как поднялась буря, в стену ударила молния и разбила ее на куски.

...так же как Янь или Минь... — Имеются в виду ученики Конфуция Янь Хуэй (см. выше) и Минь Цзы-цзянь, прославившийся своей сыновней почтительностью. Предание рассказывает, что мачеха не любила Миня и одевала двух своих сыновей в одежду на вате, а пасынку клала вместо ваты цветы камыша. Узнав об этом, отец хотел прогнать жену, но Минь удержал его от этого: «Когда мать здесь, то холодно одному сыну, а когда ее не будет, то все трое будут ходить зимой в легкой одежде». Узнав об этом, мачеха растрогалась и изменила свое отношение к нему.

...подобные Ло Бинь-вану и Лу Чжао-линь... — Ло Бинь-ван (?—684) и Лу Чжао-линь (ок. 644 — ок. 680 гг.) — известные китайские литераторы, стремились к «естественной жизни», презирали мирскую суету и не заискивали перед правителями. Правитель танской столицы Чанъань Пэй Сун-цзянь ругал их и Ван Бо (см. выше), говоря, что они отдают свои силы литературе, а не государственной службе, и предсказывал, что они плохо кончат; Ван Бо утонул во время бури, Лу Чжао-линь заболел и покончил с собой, бросившись в реку, а Ло Бинь-ван принял участие в мятеже и был казнен.

Заключая книгу, переводчик и авторы комментария приносят искреннюю благодарность вьетнамскому профессору Хоай Тхяпю и его коллегам за помощь в работе над русским изданием этой книги.

Содержание

Ди Те Сюйен,

Смотритель Королевских книгохранилищ

Собрание чудес и таинств земли Вьет

Высокородные и победоносные воеводы Чынг	7
Великий князь, неизменно успех приносящий, свя- той помощник, исполняющий желания и чаянья	10
Князь, преданный помощник, воинственный пособ- ник, прославленный и могучий	13
Великий князь, гонитель врагов, щедрый податель помощи; Великий князь, устрашитель захват- чиков, доблестный и отважный	15
Жена верная и неизменно следующая истинною стезей, целомудренная и доблестная, постоян- ная и грозная	18
Князь, начальствующий королевским войском, спа- ситель державы, приближенный совершенно- мудрого	21
Первовладычица; в согласье с небом повелеваю- щая превращениями и рожденьями, извечно преданная; великая богиня земли	25

Тхай уи, преданный и мудрый, великодушный воитель	28
Князь, провозвестник воли небес, преданный и доблестный, могучий и грозный	30
Князь, податель спасительной помощи, чудотвор- ный и мудрый, в воздаяниях неизменный . .	32

*Из добавлений, сделанных Смотрителем
Придворной Академии Игумен Ван Тяном
по прозванию «Колесница мудрости»*

Храм у залива Кан-хай	34
---------------------------------	----

*Из добавлений, сделанных отшельником
обителем «Три чистоты»*

Великий князь Хынг Дао из королевского рода Чан	36
Жизнеописание великого святого Ты Дао Ханя	39

В у К у и ь,

*Письмовод Королевского ведомства церемоний,
прозванный «Сохранившим изначальную простоту»,
а также «Книжным покоем вседневно
взыскующего истины» и «Средоточием радости».*

К и е у Ф у,

*Советник по прозванию «Неизменно почтительный
и преданный долгу»*

Дивные повествования земли Линь-нам

Рассказ о морском чудовище	53
Рассказ о духе деревни Фу-донг	56
Рассказ про тонь, возникшую в одну-единую ночь	61
Рассказ о бстело	67
Рассказ о новогодних пирогах	70
Рассказ об арбузе	73
Рассказ о пещере Виет	76
Рассказ о Золотой черепахе	84
Рассказ о Горе-балдахине	91
Рассказ о Ха О Лое	95

Из поздних добавлений

Рассказ о За Тхоа Вьонге	104
Рассказ о духе горы Ваунг-фу	105
Рассказ о духе болота Лан-дам	107

Сочинения, оставленные королем

Ле Тхань Тонгом

Перебранка двух Будд	111
Послание комара	115
Дивная любовь в краю Хоа-куок	120
Рассказ о золотом шелкопряде там ванге	141
Смехотворное состязание близ ворот Великого Юя	143
Рассказ о чуде в семье рыбаков	147
Принцесса Нефрита обретает супруга	157
Рассказ о супруге-козле	164
История мыши-оборотня	171

Нгуен Зи,

Правитель уезда Тхань-тоан

*Из обширных записей
рассказов об удивительном*

Повелитель демонов почти	185
------------------------------------	-----

<i>Б. Рифтин. Зарождение и развитие классической вьетнамской новеллы</i>	<i>195</i>
--	------------

Комментарии	215
-----------------------	-----

ПОВЕЛИТЕЛЬ ДЕМОНОВ НОЧИ

Старинная вьетнамская проза

Редакторы

С. Прокунина и В. Савович

Художественный редактор

Ю. Боярский

Технический редактор

В. Гриненко

Корректор

Д. Эткина

Сдано в набор 13/V 1968 г. Подписано в печать 4/X 1968 г. Бумага типографская № 2. Формат 70×108¹/₃₂. 8 печ. л.=11,2 усл. печ. л. 10,377 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 108. Цена 29 коп.

Издательство

«Художественная литература».

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Главполиграфпром Комитета по печати при Совете Министров СССР. Отпечатано в Ленинградской типографии № 2 им. Евгении Соколовой, Измайловский пр., 29, с матриц Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26,

